Терренс Уэбстер-Дойл

МИР:
ЧТО ЕМУ МЕШАЕТ, ЧТО ЕГО СОЗДАЁТ И КАК ЕГО ДОБИТЬСЯ

Международное педагогическое объединение «Атриум»
Международный центр когнитивного образования за мир
Музей миротворчества для детей
Самарское культурологическое общество
«Артефакт – культурное разнообразие»

The «Atrium» Society Global Peace Education
BioCognetic Learning Center Education
Brave New Child Peace Museum
Samara Society for Cultural Studies

С искренней благодарностью
доктору культурологии, профессору
Владимиру Ивановичу Ионесову
за его полезные советы, ценный вклад в перевод
и издание этой книги на русском языке

Are We Born Hardwired for War?

Peace – What Prevents It?

Peace – What Creates It?

Complete Peace Trilogy

Терренс Уэбстер-Дойл

МИР: ЧТО ЕМУ МЕШАЕТ, ЧТО ЕГО СОЗДАЁТ И КАК ЕГО ДОБИТЬСЯ

КАК НАУЧИТЬСЯ ЖИТЬ МИРНО БЕЗ ПРЕДРАССУДКОВ И КОНФЛИКТОВ

ПОЛНАЯ ТРИЛОГИЯ О МИРЕ

Самара 2021

Terrence Webster-Doyle

PEACE: WHAT PREVENTS IT, WHAT CREATES IT AND HOW ACHIEVES IT

HOW LEARN TO LIVE PEACEFULLY WITHOUT PREJUDICE AND CONFLICTS

COMPLETE PEACE TRILOGY

Samara 2021

УДК 327.36 +159.9:316.6
ББК 67.91 + 67.91
У 97

Под редакцией В.И. Ионесова

Перевод с английского:
В. Ионесова, Е. Макаровой, А. Спириной, М. Тен, А. Чечелевой

Рецензенты:
доктор психологических наук А.И. Белкин *(Цфат, Израиль)*
кандидат педагогических наук А.И. Бондаренко *(Самара, Россия)*

У 97 Уэбстер-Дойл, Т. Мир: что ему мешает, что его создаёт и как его добиться. Как научиться жить мирно без предрассудков и конфликтов = Peace: what prevents it, what creates it and how achieves it. How learn to live peacefully / Complete Peace Trilogy / Т. Уэбстер-Дойл; Самарское культурологическое общество «Артефакт – культурное разнообразие»; под ред. В.И. Ионесова. – Самара: ООО «Самарама», 2021. – 300 с.

Всё лучшее в человеке связано с миром. Предлагаемая книга есть полная трилогия, состоящая из трёх раннее изданных брошюр по миротворчеству. Чтобы добиться мира, мы должны понять, что ему мешает, а что мешает – так это сама наша предрасположенность к этно- и социоцентризму. Все конфликты между людьми и культурами сначала зарождаются в голове человека в виде предрассудков и стереотипов неприятия – образов врага, недруга, соперника и обидчика. Понимание первопричин конфликта и насилия в человеческой жизни позволяет сделать мир лучше и добрее.

Книга будет интересна всем, кто небезразличен к вопросам диалога и примирения культур, преодоления насилия в современном обществе.

ISBN 978-5-6045444-7-1

© Т. Уэбстер-Дойл, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

К русскому читателю 13

ПРЕДИСЛОВИЕ 15

ВВЕДЕНИЕ

ЧАСТЬ I 33
ИГРЫ РАЗУМА:
К ПОНИМАНИЮ ПРИРОДЫ
ПРЕДРАССУДКОВ
И КОНФЛИКТОВ

1. ИГРЫ РАЗУМА: ИСПЫТАНИЕ МИРОМ, ИЛИ ЧТО ДЕЛАЕТ НАШ МОЗГ ПОЛЕМ БИТВЫ? 35

2. ПРЕДРАСПОЛОЖЕНЫ ЛИ МЫ К КОНФЛИКТАМ? 90 ТЕЗИСОВ О МЕТАМОРФОЗАХ ОБУСЛОВЛЕННОГО МЫШЛЕНИЯ 42

3. О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЯХ 83

ЧАСТЬ II 87
МИР И ЧТО ЕМУ МЕШАЕТ:
К ПОНИМАНИЮ ПРИРОДЫ
ОБУСЛОВЛЕННОГО РАЗУМА

1. ОБУСЛОВЛЕННЫЙ РАЗУМ И КАК ЕГО ПОНИМАТЬ 89

2. ТРИ УРОВНЯ КОНФЛИКТА 97

3. ПЕРВОПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА 99

4. МОЗГ И ОБУСЛОВЛЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ 101

5. МИР – ЭТО МЫ 104

6. НЕУДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ КОНФЛИКТОМ 106

7. УГРОЗА: РЕАЛЬНАЯ И МНИМАЯ 108

8. ЭТНОЦЕНТРИЗМ 111

9. ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ПРЕДРАССУДКОВ ЧЕРЕЗ ПРОПРИОЦЕПЦИЮ 123

10. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ БОЕВЫЕ ИСКУССТВА КАК МИРОТВОРЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ 134

ЧАСТЬ III 139
МИР: ЧТО ЕГО СОЗДАЁТ И КАК ЕГО ДОБИТЬСЯ? ПРОБУЖДЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТА

1. НЕКОТОРЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ 141

2. МОЖЕМ ЛИ МЫ ДОСТИГНУТЬ МИРА, КОТОРЫЙ ВСЯКИЙ РАЗ ОТ НАС УСКОЛЬЗАЕТ? 146

3. МОРАЛЬНАЯ ДИЛЕММА ТРАДИЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МИРА 149

4. НЕГАТИВНЫЙ ПОДХОД МИР КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ 189

5. ВОЙНА ВНУТРИ НАС МИР ЧЕРЕЗ ПОНИМАНИЕ КОНФЛИКТА 213

6. ОТКУДА И КУДА МЫ ИДЁМ? 253

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 261

ПОСЛЕСЛОВИЕ 271

Приложение 275

Об авторе 291

CONTENTS

To Russian Reader 13

FOREWORD 15

INTRODUCTION 21

PART I 33
MIND GAMES:
TO UNDERSTANDING
THE ROOTS OF PREJUDICE
AND HOW LEARN
LIVE PEACEFULLY

1. TEST BY PEACE, OR WHAT DO OUR BRAIN WITH FIELD OF BATTLE 35

2. ARE WE BORN HARDWIRED FOR WAR? 90 THESES ABOUT METAMORPHOSIS OF CONDITIONED THINKING 42

3. ABOUT COGNITIVE DISTORTIONS 83

PART II 87
PEACE:
WHAT PREVENTS IT?
UNDERSTANDING
THE CONDITIONED MIND

1. CONDITIONED MIND AND HOW WE SHOULD UNDERSTAND IT 89

2. THREE LEVELS OF CONFLICT 97

3. THE FOUNDATION OF CONFLICT 99

4. OUR PRIMITIVE BRAIN 101

5. WE ARE THE WORLD 104

6. DISSATISFACTION WITH THE CONFLICT 106

7. A THREAT: IS IT REAL OR SIMPLY PERCEIVED AS REAL? 108

8. ETHNOCENTRISM 111

9. FREEING VIA PROPRIOCEPTION 123

10. MARTIAL ARTS AS PEACEBUILDING PRACTICES 134

PART III 139

**PEACE: WHAT CREATES IT?
THE AWAKENING
OF INTELLIGENCE**

1. SOME EXPLANATIONS TO THE THIRD PART 141

2. CAN WE ACHIEVE A PEACE THAT ALWAYS SLIPS AWAY FROM US? 146

3. THE MORAL DILEMMA TRADITIONAL APPROACHES TO PEACE 149

4. THE NEGATIVE APPROACH PEACE AS OVERCOMING 189

5. THE WAR WITHIN. PEACE THROUGH UNDERSTANDING CONFLICT 213

6. WHERE DO WE GO FROM HERE? 253

CONCLUSION 261

AFTERWORD 271

SUPPLEMENT 275

About Author 291

Из всех работ, которые я когда-либо написал, именно эта книга в виде трилогии является самой важной для меня. Как мне представляется, в ней уделяется предельно конкретное и ясное внимание корневым причинам конфликта, который концентрируется в сознании человека, его мозге. Учитывая природу и биологическую эволюцию человека, – эта гипотеза видится мне вполне логичной и обоснованной. Нескончаемое теоретизирование в изучении причин возникновения конфликта, как показывает опыт, мало приносит пользы. Что остаётся всякий раз незамеченным – это то, что конфликт – не проблема, которую нужно решить, но специфика нашего восприятия себя и друг друга в мире. Конфликт есть реальность, которую нам следует изучить и понять. Парадокс состоит в том, что мысль пытается решить проблемы, которые она часто сама и создает. В своей книге я пытаюсь показать, что мир не может держаться на силе, он держится только на понимании и основанном на этом понимании нашем конкретном и ответственном участии, здесь и сейчас.

К РУССКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

TO RUSSIAN READER

Выход из печати книги на русском языке – для меня не только большая радость, но и предмет гордости. Я всегда ценил, уважал и восхищался культурой многонациональной России, являющейся бесценной частью всемирного наследия человечества.

Первая встреча с Россией, тогда ещё СССР, у меня произошла в 1988 году, и с тех пор я проникся огромной симпатией к русскому народу, с его удивительно красивыми и богатыми традициями, благозвучным языком и высоким искусством.

Между нашими странами – США и Россией – много общего, но нас и многое отличает. В истории наших взаимоотношений были разные периоды – мы были союзниками в годы Второй мировой войны в борьбе с нацизмом, но вскоре стали противниками во времена холодной войны.

Я много думал над тем, почему люди не могут создать прочный мир, найти согласие друг с другом. И всякий раз я возвращался к тому, что главными препятствиями на пути мира в отношениях между государствами и народами являются прежде всего предрассудки и предубеждения, страхи и вымыслы, политические амбиции и эгоцентризм. Они вынуждают нас искать врага и порождают насилие. Их жертвами становятся люди, которые хотят, но не

всегда умеют жить в мире, поскольку находятся в плену самых разных предубеждений.

Я стал задавать себе вопросы: как сблизить культуры, справиться с недоверием и враждой, научиться строить мир на основе разумных, добродетельных и гуманистических принципов. В поисках ответов на обуревающие меня вопросы и родилась эта книга.

Терренс Уэбстер-Дойл,
22 апреля 2021,
Паония, Колорадо
США

ПРЕДИСЛОВИЕ

FOREWORD

Мир – это данность, но только как предпосылка, потенциал, каждый раз подвергающийся атаке со стороны обусловленного ума (предубеждение). Мир требует истинного пробуждения разума, здесь и сейчас, но мир не требует многочисленных и бесконечных теоретических построений. Поэтому, важно понимать, что его создаёт, и как можно достичь реального, а не воображаемого мира.

Из всех работ, которые я когда-либо написал, именно этот текст, состоящий из трёх частей, является самым важным для меня. Как мне представляется, в нём уделяется предельно конкретное и ясное внимание корневым причинам конфликта, который концентрируется в сознании человека, его мозге. Учитывая природу и биологическую эволюцию человека, – эта гипотеза видится мне вполне логичной и обоснованной. Нескончаемое теоретизирование в изучении причин возникновения конфликта, как показывает опыт, мало что проясняет. Системы верований также часто уводят нас от истинного понимания насилия и вражды в человеческих отношениях и с трудом находят адекватный ответ на вызовы конфликта. Вся история цивилизации об этом свидетельствует. Что остаётся всякий раз незамеченным – это то, что конфликт – не проблема, которую нужно решать, но специфика нашего восприятия себя и друг друга в мире. Конфликт есть реальность, которую нам следует изучить и понять. Понять себя, значит понять всю

человеческую расу, поскольку мы есть мир, а мир есть мы.

Парадокс состоит в том, что мысль пытается решить проблемы, которые она часто сама и порождает. Это можно назвать оксюмороном, противоречием непримиримых понятий. В своей книге я пытаюсь показать, что мир не может держаться на силе, он держится только на понимании и основанном на этом понимании конкретном и ответственном участии каждого, здесь и сейчас. Нет пути к миру, мир – это путь (М. Ганди). Вот почему всем нам надо учиться жить в мире и всеми возможными способами творить его, понимая, что всегда мы будем сталкиваться с окружающей нас конфликтующей реальностью и сопротивлением нашей природы.

*** *** ***

Я намеренно в данной работе избегаю ссылок и цитирования. Я исхожу из того, что ссылки создают интеллектуальный шум, вынуждая всякий раз что-то сравнивать и обсуждать, допуская одну интерпретацию вслед за другой. Зачастую это переводит наше восприятие в систему оценок, мешает пониманию, поскольку заслоняет сам наблюдаемый нами объект. Я не рассматриваю свою работу как ещё одну интеллектуальную концепцию в изучении того, что нам мешает мирно жить.

Всё что я хочу – это побудить читателя использовать и развивать свой непосредственный взгляд на причины конфликта, основываясь на своих

знаниях, жизненной практике и опыте переживания. Нам всем не хватает прямого восприятия того, что мы хотим и должны понять, того фактического представления о том, что нас беспокоит…

Иногда так важно просто сказать ребёнку: «ПОСМОТРИ!» Показать ребёнку достойный пример поведения – значит не только увидеть что-то важное, но и его понять.

Мой многолетний опыт работы с детьми показывает полезность в этом процессе ролевых игр. Так, если ребенка (в образе хулигана или объекта его нападок) включить в ролевую игру и наглядно продемонстрировать возможные конфликты в общении детей друг с другом, поместить их в ситуацию, при которой ученики визуализируют и разыгрывают свои страхи или агрессию, то им легче будет справиться с конкретными угрозами в реальной жизни.

Во многих случаях УВИДЕТЬ проблему и обозначить её – значит наполовину её решить. Если игра удалась, и всё сделано правильно, то всё видится так, как есть или должно быть на самом деле. Это не требует каких-то особых интеллектуальных усилий. Уже потом, после игры, ученики могут обсудить некоторые моменты, чтобы проанализировать то, что произошло во время ролевой игры. Но при этом само знание ими уже получено из первичного опыта игрового участия, когда методом прямого наблюдения и фактического поведения был осуществлен переход от ролевой игры к реальному обучению.

Следовательно, через разыгрывание (имитацию) драматической ситуации осваиваются необходимые навыки для профилактики и преодоления конфликтов. Тем самым достигается актуальный и конкретный миротворческий опыт для реальной жизни.

Таким образом, я пытаюсь предложить читателю настроить себя на самостоятельное восприятие излагаемого в книге материала. Для меня важно помочь читателю самому увидеть и понять, что такое хорошо, и что такое плохо в том виде, каким ему это предстаёт, без какой-либо избыточной интеллектуальной интерпретации. Если бы я мог обойтись без слов, возможно, было бы ещё лучше для понимания. Ведь когда нам всё ясно, слова не нужны.

Я хочу, чтобы люди смотрели на мир напрямую, а не через какие-то теории или предположения, порождённые многочисленными бесконечными обзорами и концепциями. Я пытался сделать так, чтобы моя книга стояла на собственных ногах, где автор только слегка своим текстом направляет читателя, помогая ему пробуждать разум через прямое восприятие, а не через отвлечённое теоретизирование.

Разумеется, я не отвергаю аналитические разработки. Я только считаю, что обзоры и анализы подходят для научных журналов и монографий, но не для пропедевтической книги по миротворчеству. Глядя на справочные страницы каждой научной книги по теориям воспитания мира, мы видим ссылки на буквально сотни самых разных сочинений. Каждая из этих ссылок в свою очередь отсылает нас к другим

многочисленным ссылкам и так далее. Экспоненциально число этих ссылок может быстро увеличиться до миллионов, учитывая, что некоторые упоминания уходят в прошлое на многие годы, а некоторые даже – на столетия. Основываясь на этом понимании, с моей стороны было бы нечестно продолжать эту традицию, включив в книгу очередной длинный список ссылок.

Поэтому я говорю: «НАБЛЮДАЙТЕ» за своим умом и действительно осознавайте, что он делает в каждый момент. Это главное. Избыточные аналитические рассуждения порою отвлекают разум на бесконечные предположения, теории и догадки.

Итак, давайте читать эту книгу таким образом, чтобы пробудить разум для мира и добродетели.

ВВЕДЕНИЕ

Почему и для кого написана эта книга: некоторые пояснения

INTRODUCTION

Why and for whom this book was written: some clarifications

Буллинг, или измывательство, появились за много лет до возникновения цивилизации. Придирка, запугивание, ёрничество, подтрунивание, издёвка – все эти виды посягательства обусловлены стремлением человека достичь чего-то с помощью принуждения как морального, так и физического. Вся социальная история людей буквально пронизана этими неблаговидными действиями. Как бы ни стремились люди укрощать посягательства в поисках эффективных способов нейтрализации насилия, всё было тщетно. Жертв этих посягательств не становилось меньше. В стремлении справиться с буллингом общество наказывало тех, кто издевается, и поддерживало тех, кто этого не делал. Но это не помогло людям остановить насилие и понять причину издевательств.

В предлагаемой книге я попытаюсь помочь читателю понять, что вызывает издёвки и посягательства в межличностных отношениях и в большом мире. Я собираюсь показать, как можно исправить эту непростую и извечную проблему через её понимание и новое восприятие того, каковы истинные причины конфликтов и буллинга в обществе.

Я опираюсь на опыт своей многолетней образовательной программы по преодолению вражды между людьми и разрешению преимущественно детских и подростковых конфликтов. Иногда я использую игровые приёмы для того, чтобы правильно понять причины буллинга и надлежащим образом справиться с ним. Ведь игровая площадка позволяет сымитировать возможные столкновения

людей в реальной жизни и предложить эффективные приёмы для примирения враждующих сторон.

Начну с того, что почти каждый человек встречался с задирами и в той или иной мере и когда-либо подвергался их посягательствам и преследованию. Обычно наша встреча с задирами происходит на игровой площадке, в школе, в повседневной жизни и даже в домашнем кругу и семейных отношениях. По-разному люди реагируют на агрессивные выпады и придирки. Некоторые сильно страдают, впадают в отчаяние, кто-то замыкается в себе, отстраняется от других или озлобляется и сам становится задирой, уподобляясь тому, кто его обидел. Иногда всё это заканчивается трагически, как то, что произошло в американских и в ряде других школ мира.

Мы время от времени видим ужасающие кадры, в которых обиженные подростки в ярости стреляют в тех, кто над ними издевался. Есть также дети, которые эту обиду обращают на себя, культивируя свою ненависть и ярость или даже накапливая в себе отчаяние, не имеющее выхода, идут на крайнюю меру, лишая себя жизни. Во многом всё это происходит от того, что большинство людей, особенно взрослые, не знают, как предотвратить насилие и подстрекательство.

Зачастую люди просто делают вид, что не замечают эти тревожные и драматичные всплески насилия и почти ничего не предпринимают для того, чтобы реально помочь детям, которых унижали и оскорбляли. Вот почему так важно найти эффективные средства умиротворения обиженного,

которые позволили бы излить боль, обиду и негодование наиболее безопасным и конструктивным способом, не тиражируя личную месть и не направляя свою злость на других.

Взяв в руки эту книгу, вы уже делаете большой шаг к тому, чтобы помочь себе и другим понять причины запугивания и конфликтов. Всё начинается с обусловленного мышления, приучающего нас думать и действовать на основе сложившихся стереотипов восприятия. Термин «обусловленное мышление» исключительно важен для понимания того, почему люди так часто враждуют друг с другом. Обусловленность здесь означает выполнение чего-либо автоматически, неосознанно, без тени сомнения, например, так, как работает компьютерная программа. Наш мозг похож на компьютер. В нём запрограммирована определенная информация, которая помогает нам выжить, например, знать, где вы живёте, звонить в службу 911, знать, какие продукты можно есть и даже как защитить себя от опасности и вреда.

Во время поездки в машине вы замечали, когда водитель видит красный свет, он автоматически нажимает ногу на тормоз. Это *позитивная обусловленность*, потому что она помогает вам выжить. Это автоматическая реакция, которая происходит потому, что она «запрограммирована» в голове водителя. Это своего рода полезная привычка. Существует также *негативная обусловленность*, которая запрограммирована в нашем мозге, что вызывает конфликт и снижает наши шансы на выживание. Это «негативное обусловливание» можно

назвать *предубеждением*. При этом действует оно так же, как и «положительное обусловливание» и, более того, часто им прикрывается и маскируется. Конфликтная ситуация порождается «негативным обусловливанием», поскольку оно в состоянии переживаемой человеком тревоги и угрозы нагнетает страх и агрессию, одновременно отстраняя его от понимания того, почему и из-за чего начался конфликт, каковы его последствия для отдельного человека и других людей. Действительно, как говорит русская пословица: у страха глаза велики.

И положительная, и отрицательная обусловленность – это всегда некая информация или знания, которые программируются в мозге. Образно говоря, информация – это как записанный диск, а мозг – это система программного управления, в том числе для извлечения информации с этого «диска». Другими словами, *мы – то, о чём думаем.* И то, что мы думаем, также является тем, что мы чувствуем.

Затем наша запрограммированная способность думать и переживать создаёт то, как мы действуем. В свою очередь, такая последовательность запускает встроенную в нас защитную систему борьбы или бегства, которая реагирует на страх, посланный нашим мозгом. В такой ситуации мы воспринимаем угрозу очень реально, хотя чаще всего она есть лишь пугающий образ нашего воображения или предубеждение, которое при активации начинает реагировать как «коленный рефлекс». Поэтому очень важно не только осознавать, как всё это работает в нашем мозге, но также видеть информацию, помещаемую в мозг (образно говоря, на «диск»). Всё

это позволит нам знать, что он делает с нами и другими людьми, особенно когда «диск» содержит «вирус негативной информации», который может повредить систему и нарушить её функции.

Неисправность мозга как живой программной системы нашей мыслительной деятельности может вызвать сбой в наших отношениях. Негативная информация запрограммирована в нашем мозге, но мы не подозреваем, как она быстро может обернуться для нас конфликтом. Изучающий историю знает много примеров того, как предрассудки или «негативная обусловленность» порождали серьёзные конфликты и даже войны. К примеру, фашистский диктатор Гитлер, опираясь на нацистский миф об идеальной расе, убил миллионы людей, которые не соответствовали этой бесчеловечной «программе» и его параноидальным взглядам.

Всякая «негативная обусловленность» закреплялась в нашем мозге на протяжении тысяч лет; старые предрассудки, издевательства, унаследованные от прошлого опыта, всё ещё не исчезли. Более того, они продолжают программировать сознание новых поколений всё той же старой племенной ненавистью и местью.

Однако есть и хорошая новость. Она состоит в том, что вы можете кое-что сделать с этим обусловленным мышлением для себя и для других. Всё, что для этого нужно – это желание понять, как все мы так или иначе запрограммированы. Это значит, что вам придется в процессе обучения понимать **три О**: *объяснение*, *образец* (пример) и *опыт*.

Первая буква «О» означает **Объяснение**, подобное тому, что я пытаюсь показать в книге, рассказывая об обусловленном мышлении. Конечно, это только работа нашей мысли. Само по себе *объяснение* лишь описывает проблему, но не решает её.

Вторая буква «О» означает **Образец** или некий пример для подражания. Так, когда вы говорите: «Ой, что я наделал, как мне теперь стыдно!» По существу, этим признанием вы подтверждаете то, что находились во власти негативного обусловленного мышления, иными словами, предрассудков и предубеждений. Вы начинаете вспоминать разные эпизоды их воздействия на ваше поведение. Например, когда они принуждали вас опасаться и конфликтовать с новым учеником в школе только потому, что он не такой как вы – он не так одевается, не так думает, не так говорит, или оттого, что он приехал из другого города или даже страны.

Можно считать, что в этом примере вы перешли от простой характеристики своего предвзятого поведения, вызванного негативным типом обусловленного мышления, к пониманию того, как на самом деле создавался конфликт из закрепленных в вашем сознании предрассудков прошлого. Это называется «ретроспективным взглядом», то есть своего рода воспоминание беспокойного и пережитого сознания. Оба вышеупомянутых «О» так или иначе обращены в прошлое.

Требуются некоторые уточнения, которые помогут читателю понять то, что я пытаюсь показать, рассуждая о негативном обусловленном мышлении.

Хотя каждый человек в своей жизни почти ежедневно сталкивается с пагубными вызовами наших предрассудков, у всех есть свой опыт реагирования на конфликты. Но третья буква «О» означает не «прошлый опыт», а саму *переработку* переживаемой информации, которая нас беспокоит и которая глубоко засела в нашем мозге. Это **Опыт** позитивный или преобразованный, активируемый здесь и сейчас. Поскольку эта информация запрограммирована обусловленным мышлением, она всякий раз воспроизводится в одном и том же стереотипе. В его основе – страх и стремление любой ценой выжить. Вырваться из этих давящих на человека позывов можно, прервав их повторяющийся деструктивный порядок. Сделать это позволяет то, что я называю *прозрением*. Именно оно позволяет видеть обусловленное мышление и негативное чувство в том виде, какими они есть на самом деле. Это осознание (прозрение) прерывает длительную цепочку в воспроизводстве страха, придирчивости, предубеждений и прочих пагубных привычек.

Если раньше вы не видели негативной обусловленности, и она просто автоматически действовала, управляла вами и создавала конфликт, то, зная о «запрограммированном диске», вы будете вести себя иначе, отстраняясь от него. Следовательно, вы сами способны прервать вереницу, казалось бы, нескончаемых вызовов негативной обусловленности наших мыслей и чувств. Это что-то вроде того, когда вы включаете свет там, где раньше было темно.

Как только вы увидите негативные образы своих предубеждений, вы тут же их (в той или иной мере)

нейтрализуете, тем самым освобождая себя от пагубных последствий обусловленного мышления. Как-то точно заметил Г.К. Честертон: «Человек никогда не будет хорошим, пока не поймет, какой он плохой или каким плохим он мог бы стать».

Так что, если вы будете себя контролировать и поддерживать это осознание, то предубеждения в конечном итоге исчезнут, хотя бы в силу того, что ими перестали пользоваться. Это означает, что у вас появляется возможность остановить «негативную обусловленность» мышления и не допустить её в вашу дальнейшую жизнь. «Негативная обусловленность» маскируется в наших мыслях, словах, жестах, то есть использует всё то, что и позитивная мыслительная практика.

Но здесь необходимо помнить, что само по себе неосторожно произнесённое обидное слово – это не материальный предмет; оно есть проекция нашего мышления и переживания. Стоит его увидеть, осознать и понять, как его деструкция прекращается. Однако при всём том, *Объяснение* или *Образец* – это лишь значимые установки, и они сами по себе ещё не могут изменить ваше поведение, не в силах остановить пагубность негативного обусловленного мышления, которое вызывает конфликт. Важно добиться трансформации «негативной обусловленности» в позитивную жизненную практику, то есть сделать так, чтобы хорошим заслонить путь плохому, добиться того, чтобы настрой на доброе, созидательное и мирное стал естественной программой вашего жизненного реагирования.

Итак, путь негативной обусловленности примерно таков. Мы начинаем с основных причин запугивания, а затем с внутреннего хулигана в нашей голове переходим к хулигану школьного двора, стороннему наблюдателю, затем к групповым предрассудкам и наконец к хулигану на поле боя. Все эти посягательства зарождаются сначала в нашей голове, и, если их не остановить, они перерастут в насилие в семье, в школе, в обществе и во всём мире.

Помните, что у всех измывательств и запугиваний, по существу, одна и та же механическая структура подобная информации в компьютере. Поэтому, если вы поймете основную программу обусловленного мышления, которая запускает пагубный механизм посягательств, вы сможете понять и устранить всё то деструктивное, что мешает вам жить.

Нет образа (предрассудка).
Нет врага. Нет войны.

No more image.
No more enemy.
No more war.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИГРЫ РАЗУМА: К ПОНИМАНИЮ ПРИРОДЫ ПРЕДРАССУДКОВ И КОНФЛИКТОВ, ИЛИ КАК НАУЧИТЬСЯ ЖИТЬ В МИРЕ

MIND GAMES: TO UNDERSTANDING THE ROOTS OF PREJUDICE AND CONFLICTS OR HOW LEARN LIVE PEACEFULLY*

Печатается по изданиям
Webster-Doyle, T. *Are We Born Hardwired for War?* – Atrium Society / Brave New Child Peace Museum, 2017; Webster-Doyle, T. *No More Images – No More Enemy – No More War.* – Atrium Society, 2019

1. ИГРЫ РАЗУМА: ИСПЫТАНИЕ МИРОМ, ИЛИ ЧТО ДЕЛАЕТ НАШ МОЗГ ПОЛЕМ БИТВЫ?

- Природа предрассудков:
что делает наш мозг полем битвы?

- Наше обусловленное сознание:
почему я всегда выбираю себя?

- Предрасположены ли мы
к предрассудкам?

- Метаморфозы миротворчества, или
способна ли культура предотвращать
насилие?

- От предрассудков и конфликтов
к когнитивному пониманию и умению жить в мире

- Игры разума, или как мы попадаем
в конфликтные ситуации, и что нужно понять,
чтобы сохранить мир

- Понимание есть ключ к миру

- Нет предрассудка в виде образа,
нет врага, нет насилия, нет войны

1. ИГРЫ РАЗУМА: ИСПЫТАНИЕ МИРОМ, ИЛИ ЧТО ДЕЛАЕТ НАШ МОЗГ ПОЛЕМ БИТВЫ?

Отбросьте всё невозможное, то,
что останется, и будет ответом,
каким бы невероятным он ни казался.
Шерлок Холмс

Зададимся вопросом: существует ли антропологическая предрасположенность к войне, и являются ли конфликты между людьми генетически обусловленными?

Многие отвечают на этот вопрос, исходя из того, что конфликт, как непременный спутник человеческого существования, дан нашей природе с рождения. Жажда борьбы и сражений присущи человеку в его неустанном стремлении противостоять вызовам окружающего мира и несовершенствам социальной среды. Это желание требует выхода. Но как не допустить «войну всех против всех» и не стать жертвой нескончаемого насилия. Вопрос в том, сумеем ли мы, люди, жить в согласии и мире на основе разумных ценностей, а не оголтелых инстинктов?

В истории науки по-разному решался вопрос о войне и мире. Каждый крупный мыслитель пытался по-своему найти путь к пониманию того, как укротить конфликты и закрепить мир. Предлагались

самые разные модели и сценарии нейтрализации насилия в человеческих отношениях – от психотерапевтических и медицинских приёмов (в случае внутриличностного конфликта) до правовых, политико-дипломатических стратегий (для конфликтов на социальной почве). Зачастую социальный конфликт разрешался посредством судебного или даже военного вмешательства.

Однако как показывает история, конфликты всё ещё довлеют над человеком. Быть может, эти миротворческие построения учёных в чём-то ошибочны и не вскрывают истинные первопричины конфликта как антропологического феномена.

Принимая имеющиеся знания о конфликте, мы между тем должны осознать одну простую вещь. Конфликт нельзя разрешить внутри конфликта. Для того чтобы понять его природу, нам необходимо выйти за пределы так называемого обусловленного мышления. Ведь всякий конфликт лишь регистрирует уже существующее противоречие, которое воплощается в сознании человека в образах врага, недруга, надвигающейся угрозы.

Мы исходим из того, что для понимания конфликта необходимо исследовать генетическую программу мозга, то, как нами воспринимается всё, что связано с войной. Наше сознание подвержено различным вызовам внешнего мира. Инстинктивный страх перед тем, что мы считаем угрозой нашей жизнедеятельности и рефлексивно вызывает жесткую реакцию.

Обусловленный этими тревогами образ «врага» прочно закреплен в нашем сознании. Такую картину

мы могли бы назвать планом биологической самозащиты. Она, подобно компьютерной базе данных, всякий раз создаёт необходимый структурный порядок в сознании человека и позволяет нам чувствовать себя защищенными. Причем это происходит автоматически, без какой-либо сознательной команды. Это то, что можно назвать «генетически запрограммированной инстинктивной реакцией». Находясь в той же зависимости, что и марионетка, которая управляется веревочками, мы верим, что эта реакция нашего мозга гарантирует нам необходимую защиту. Хотя, на самом деле, данное повеление мозга несёт нам угрозу.

Конечно, нельзя не признать, что в первобытном обществе, опираясь на инстинкты самосохранения, человек во многом обеспечивал себя определённой биологической защитой. Но с наступлением цивилизации этот механизм обусловленного сознания всё больше оборачивается нетерпимостью, насилием и враждой. В условиях глобального мира эти конфликты могут принести беду и обернуться большими войнами.

Информация, которая закладывается в наш мозг, похожа на диск с программным обеспечением – база данных даёт нам команды, что делать и как действовать. Однако в некоторых случаях эти команды мозга запрограммированы генетически инстинктивной реакцией, которая не всегда оправдана и даже иногда неверна. В этом информационном поле нашим мозгом расставлены указатели на тех, кто есть или может быть нашим врагом.

Такая система исходящих от обусловленного сознания импульсов похожа на поврежденный компьютерный диск с вирусом, который зачастую нас убивает. Ведь однажды закреплённый в мозге образ врага, даже спустя какое-то время и уже не будучи таковым, всё ещё по инерции и привычке продолжает напоминать нам о себе и влияет на систему принятия решений. Проблема в том, что механизм адаптации в меняющемся мире даёт серьёзные сбои – сдвиги, переходы, трансформации идут быстрее, чем за ними может успеть наша обусловленная мысль. Так в изменившейся среде всё ещё продолжают заявлять о себе старые предрассудки. Причина в том, что наш мозг не может отличить реальную угрозу от мнимой.

Зная об этом, мы должны помнить о том, что конфликт, созданный этой биологической генетической программой, не является чьей-то виной, это не чей-либо «персональный моральный недостаток», но общая беда нашего обусловленного сознания. Здесь проблема конфликта – в «неисправности» примитивной биологической системы мозга. Это можно назвать системным дефектом. Человеческий мозг, работающий на устаревшей программе, ориентирован на то, чтобы выжить, вызывая конфликт. По сути, мы рождаемся с этим ошибочным рудиментом, несущим нам большие проблемы.

Вот почему так важно увидеть и понять, что конфликт, исходящий из биологической предрасположенности, практически одинаков у всех людей. Ведь человеческий мозг как биогенетический комплекс структурно одинаков для всех людей. Мы

мир, а мир – это мы. Реакции людей в этом плане можно просчитать и вовремя нейтрализовать мнимые угрозы, которые могут нас привести к уже реальным конфликтам.

Между тем неослабевающее стремление к выживанию продолжается уже многие тысячелетия с тех пор, как люди начали свое путешествие на планете Земля. Люди снова и снова пытаются укротить вызовы природы, приблизить к себе и одомашнить мир, сделав его безопасным и справедливым. От своих предков мы унаследовали не только эффективный опыт выживания, но и программы, которые ведут человечество к разрушению. Как говорится в старой поговорке: «мы встретили врага, а он – нас».

Безусловно, технологически и с научной точки зрения мы продвинулись очень далеко, мы научились управлять тем, что раньше управляло нами. Но психологически, на уровне нашей биогенетической организации, мы всё ещё находимся в пещере невежества. Самый главный вопрос в этой связи заключается в том: сможем ли мы стать свободными от этого саморазрушительного генетического наследства или продолжим поддаваться инстинктам, так и не сумев их превзойти?

Чтобы исправить этот квазиадаптивный процесс, нам необходимо правильное образование, позволяющее вновь заглянуть в старую программу, которая создает конфликт, ошибочно пытаясь защитить нас от того, что только кажется реальной угрозой для нашего выживания. В этом новом понимании, свободном от старых интеллектуальных

предположений, можно увидеть, что конфликт вовсе не является проблемой, которую надо решать, но, скорее, он есть неизбежная реальность, которую нужно учитывать и надлежащим образом соблюдать.

Этот когнитивный принцип определяется как *проприоцептивное обучение.* Здесь обучение не включает в себя сбор и анализ информации как таковой, чтобы в итоге прийти к определенному интеллектуальному заключению. По существу, здесь знания не играют принципиальной роли. *Проприоцептивное обучение* – это навыки или способность правильно осознавать своё индивидуальное положение и социальные действия в мире за счёт способности к психологической самокоррекции.

Однако мы не должны переоценивать и его значение, полагая, что проприоцептивное обучение само по себе есть идеальное решение конфликта. Всё гораздо сложнее. И прежде всего потому, что человеческие действия основаны на обусловленном мышлении. Это значит, мысль не может сама себя контролировать.

Как свидетельствует знаменитый физик Дэвид Бом: *«Мы может признать, что практически все проблемы человечества связаны с тем, что мысль себя не замечает и часто сама создаёт проблемы, а затем пытается их решить. Мысль не проприоцептивна, то есть не замечает и не контролирует то, что сама создаёт и потому может усугублять конфликт».* Дэвид Бом был квантовым физиком, который внес значительный вклад в области теоретической физики, философии и

нейропсихологии. Он был профессором Принстонского университета, где тесно сотрудничал с Альбертом Эйнштейном. Его книги о *приоцептивном обучении* – это система, диалог и опыт изменения сознания.

Проприоцептивное мышление нельзя изменить, если оно само не изменится. Так же как научить ничему нельзя, научиться можно. Но для того, чтобы наше мышление стало творить и преобразовывать мир, система образования должна учитывать характер, структуры и возможности условного мышления. Мир не может держаться на силе, он держится только на понимании. Понимание есть ключ к миру.

2. ПРЕДРАСПОЛОЖЕНЫ ЛИ МЫ К КОНФЛИКТАМ? 90 ТЕЗИСОВ О МЕТАМОРФОЗАХ ОБУСЛОВЛЕННОГО МЫШЛЕНИЯ

- Является ли война генетически обусловленной инстинктивной реакцией на выживание?

- Возможно ли найти фундаментальный источник человеческого конфликта через вопрошание?

- Если мы попытаемся установить мир, то какой мир нам нужен, и кто и как его сделает лучше всего?

- Как иногда неправильное знание может положить конец истинному знанию, которое порождает конфликт?

- Нужно ли нам больше знаний, чтобы противостоять информации, которая нас разделяет и создает конфликт?

- Что такое мир?

- Что такое социальная справедливость?

- Что вызывает социальную несправедливость, насилие, нетерпимость, нарушение прав человека, конфликт и войну?

- Каковы истоки, стратегии и цели общественных движений, стремящихся к справедливости, миру и уважению прав человека?

- Каковы философские, культурные, религиозные и политические основы традиций ненасилия и этического поведения?

2. ПРЕДРАСПОЛОЖЕНЫ ЛИ МЫ К КОНФЛИКТАМ? 90 ТЕЗИСОВ О МЕТАМОРФОЗАХ ОБУСЛОВЛЕННОГО МЫШЛЕНИЯ

Мы – источник веселья и скорби рудник.
Мы – вместилище скверны и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир, – многолик.
Он ничтожен – и он же безмерно велик!

Омар Хайям

1

Неужели мы запрограммированы на войну?

Заложено ли предрасположение к конфликту в нашей ДНК?

2

«Большинство ветеранов войны честно скажут вам, что, по сути, человек есть конфликтующее существо. Вопрос в том, можем ли мы, люди, развиваться мирно, или же поддадимся инстинктам, которые подчинят нас себе?» – цитата бывшего пилота вертолета морской пехоты во Вьетнаме.

3

Согласно теории инстинктов, мотивация – это результат биологического, генетического программирования. Таким образом, все существа внутри вида запрограммированы на одни и те же мотивации.

В основе этой проекции лежит генеральная мотивация к выживанию – мы изначально

биологически запрограммированы на выживание. И все наши поступки, и побуждающие стимулы проистекают из этого биологического программирования.

Таким образом, наши действия во многом инстинктивны. В процессе естественного отбора индивиды, лучше всего предрасположенные к адаптивному социальному поведению, передавали гены будущим поколениям.

Несмотря на то, что в современном мире эти тенденции, возможно, не развивают нашу физическую форму, этапы развития человека, прошедшие в более суровых условиях, сделали нас генетически предрасположенными к выполнению определенных социальных действий, когда ситуационные сигналы пробуждают в нас древние инстинкты.

4

Является ли война генетически обусловленной инстинктивной реакцией человеческого выживания? Обусловлена ли эта борьба нашей ДНК и требует ли она выхода и нейтрализации?

5

Быть может, генетическая предрасположенность и биологическое стремление к выживанию побуждает людей к конфликту? Возможно ли, что выживание – это наше родовое инстинктивное принуждение?

6

Контролирует ли нас это генетически созданное биологическое стремление к выживанию до такой степени, что никакое количество знаний не может нас от него избавить? Случается ли, что само знание становится причиной конфликта, а не средством его преодоления?

7

Если мы, делая ставку на мир, будем основываться только на инстинктах, которые изначально подталкивают нас к конфликту, разве мы не обострим конфликт ещё сильнее?

8

Способны ли созданные человеческими сообществами этноцентрические идеологии, основанные на предрассудках, вызванные обусловленным мышлением, позволить нам жить в мире и безопасности? Хотя когда-то в нашей эволюционной истории это работало, не мешают ли сегодня этноплеменные идеологии нашей безопасности?

Означает ли это, что мы не можем иметь культуру – искусство, музыку и литературу цивилизации, которая может продемонстрировать удивительное разнообразие человеческой расы, – которую мы так ценим именно за её различия? Возможно, сложности возникают только тогда, когда речь идёт об «этноцентризме»? Оксфордский словарь английского языка определяет этноцентризм как «отношение к собственной расе или этнической группе как к наиболее важной» и «веру в

превосходство своей собственной этнической группы».

9

Если это так, то как человеческие сообщества оказываются этноцентричными, и что с этим можно сделать? Откуда берется эта глубоко укоренившаяся потребность в идентификации? Что за этим стоит? Позволительно ли видеть в этноцентризме фундаментальный источник человеческого конфликта? Возможно, обсуждение этой темы откроет нам глаза на проблему конфликта в человеческом обществе.

10

Есть ли ещё какой-либо серьёзный фактор, позволяющий нам нейтрализовать «деструктивные» силы инстинкта выживания? Понимая, что в основе инстинктивного выживания лежит потребность в идентификации, можем ли мы временно её отложить?

Может ли наш первичный паттерн выживания нас реально обезопасить, освободить от привычных стимулов, которые удерживают и тиражируют этноцентрически обусловленные паттерны?

11

Раньше потребность мозга в безопасности была основана на механизме замораживания, борьбы или бегства. Это было нужно для того, чтобы защитить человека от предполагаемой угрозы. Если кто-то наставит на нас пистолет, значит угроза реальна и требует немедленного внимания. Однако если кто-то

просто держит в руках картинку, изображающую нечто опасное, или же кто-то выглядит как представитель другой идеологической группы, вызывающий чувство угрозы, тогда угроза ложна и должна быть квалифицирована только как образ. Изображение не может нас ранить так, как пистолет. Однако наше обусловленное мышление реагирует и на реальный факт, и на фантазию одинаково: дерись или беги. При определенных воображаемых угрозах архаичные стереотипы мышления не дают нам возможность отличить реальную угрозу от предполагаемой. То есть мозг реагирует одинаково как на реальную опасность, так и ложную, воображаемую: нападай или беги.

12

Будем надеяться, что человек достаточно разумен, чтобы осознавать это различие и не будет реагировать на воображаемую угрозу без достаточных на то оснований. К сожалению, многие люди ограничены в своих возможностях быть рациональными и не могут отличить воображаемую угрозу от реальной. Их действия во многом определяются рефлексами, что-то вроде того, как врач постукивает по нашему колену, чтобы увидеть, как быстро оно дергается. Условный образ «врага» обычно глубоко укореняется благодаря длительному действию стереотипов обусловленного мышления. Может ли среда самопонимания потенциально изменить эту глубоко укоренившуюся в нашем мозге программу? Прежде всего мы должны увидеть, что эта обусловленность не только поведенческая и

психологическая, но также биологическая и физическая, то есть генетически обусловленная тысячелетним опытом выживания, укоренявшегося в физиологии человеческого мозга. Мы предполагаем, что эта генетическая структура конфликта – «запрограммированность на войну», может быть преобразована путем создания правильной образовательной среды для развития интеллекта.

13

Чтобы освободиться от вызывающего противоречия обусловленного мышления, мы должны осознать одну очень важную часть головоломки: на начальном уровне развития нет места привычному для нас знанию. Обусловленное мышление раздробило и, следовательно, разделило человеческую расу на противоположные идеологии, но это не есть та проблема, которую нужно решать в первую очередь. Снова и снова мы безуспешно пытаемся решить «проблему» конфликта, находя, как нам кажется, разумное «решение». В науке и технике этот процесс решения проблемы имеет место быть. Здесь знание, безусловно, имеет значение для нашего физического выживания. Но для понимания того, что реально мешает установлению мира, мы должны понять природу и специфику обусловленного мышления, чтобы не оказаться в ловушке его деструктивных предрассудков.

14

В тот момент, когда в голове возникает образ «другого», знание само по себе не может решить проблему неприятия того, кто от тебя отличается. На самом деле возможно только отложить корректное обращение к знанию, потому что, если к этому подходить как к «проблеме», значит, что спустя какое-то время можно надеяться на её решение. В психологическом плане у этой проблемы нет будущего. Хронологически – да, психологически – нет.

Другими словами, обусловленный образ всегда находится внутри нашей системы восприятия, готовый реагировать на любой стимул, который его вызывает, например, образ нашего «врага», «опасность», «угроза». Любой метод или система знаний так или иначе откладывают моментальное устойчивое осознание, необходимое для «деактивации» этой генетической базы данных, этого жестко запрограммированного биологически паттерна, лежащего в основе человеческого конфликта.

15

Представьте себе эту биологически вшитую в наше мышление «первичную программу» как жесткий диск в примитивном мозге. Можно также использовать аналогию с автомобилем без водителя. Он может двигаться вперед, но без водителя он не может двигаться так, как надо. Аналогичный пример с программным обеспечением, где диск – это драйвер. Он представляет собой культурную

этноцентрическую обусловленность. Когда драйвер «вставляется» или «вселяется» в мозг, он активирует жесткий диск или автомобиль, а потом отправляется по той же дороге, по которой он путешествовал в течение многих эпох.

16

Продолжая зависеть от механизма идентификации с определенной группой или сообществом, в который было «вписано» наше старое программное обеспечение, мы основываем свои психологические потребности в выживании на фактически устаревшей программе, неадаптированной к настоящему времени и реальным ситуациям.

17

Пытаясь «установить мир», мы продолжаем воссоздавать конфликт просто потому, что не знаем о глубоко укоренившейся программе, которая поддерживает в нас эту непрекращающуюся борьбу.

18

Как мы традиционно пытаемся «решать проблему» человеческих конфликтов? Нельзя не заметить, что большая часть внимания и ресурсов, выделяемых на эти цели, приходится на третичный уровень управления конфликтами. Очень мало внимания мы уделяем вторичному уровню разрешения имеющихся у нас конфликтов.

Поэтому насилие не прекращается. Это происходит потому, что мы не уделяли должного

внимания уровню первичной профилактики в этой генетически и, следовательно, биологически основанной первичной программе и этноцентрическому программному обеспечению, которое продолжает реактивировать её таким квазиадаптивным образом.

Мы до некоторой степени рассматривали поведенческие или психологические аспекты, но редко, если вообще когда-либо, обращали внимание на его основу в физиологическом строении мозга. Поэтому мы продолжаем пытаться «решать проблему» конфликта с помощью старых инструментов познания.

19

Мы продолжаем придерживаться установки воспринимаемого нами образа. А что, если бы у нас было больше знаний о том, почему мы боремся, могли ли мы перестать бороться? Важно помнить, что поведение можно изменить не абстрактно, но только здесь и сейчас, в настоящий момент конкретным участием.

20

Традиционные научные подходы к установлению мира часто сбивают нас с толку, не давая сосредоточить внимание на проблеме этноцентрического мышления. Другими словами, самонадеянно продолжая эту линию, мы никогда не сможем положить конец войне и обрести мир в будущем, потому что психологически как такового будущего нет. «Нет пути к миру, мир – это путь»

(Махатма Ганди). Нам нужно понять, что именно мешает миру сейчас, а не «как» этого достичь в перспективе. Утверждение «как добиться мира» лишено логики и, как это ни парадоксально, приводит нас не к желанному миру, но к конфликту.

21

Если мы пытаемся установить мир, то чей мир мы защищаем, для кого мы это делаем? Стоит ли достигать мира любыми способами? Не является ли «путь достижения мира», представленный широко варьирующимися идеологическими ожиданиями выживания, банальным способом фрагментации человеческой расы, разделяя нас на противоположные стороны и потворствуя конфликту? Если это так, то, возможно, нам нужно принять «негативный подход» и отойти от того, что мешает миру как таковому.

22

Можем ли мы посмотреть на «решение проблемы» конфликта рационально, чтобы увидеть, насколько эффективно это работает? Можем ли мы рассмотреть многоуровневый академический подход к образованию в области мира как системе решения проблем и урегулирования конфликта? Можем ли мы взглянуть на то, что препятствует миру глазами научного сообщества через мириады академических интерпретаций: антропологию, социологию, историю, философию, политологию, психологию и т. д., чтобы в какой-то момент найти правильный «ответ» на «проблему» конфликта?

23

Зачастую в университетах, где ведётся работа по образованию в области мира, информация преподается отрывочно в зависимости от специализации академической области. Всё это ещё больше запутывает студентов.

24

Вот несколько примеров общепринятых программ обучения миру в колледже:

1. *Основополагающая предпосылка исследований мира и конфликтов*: война и другие формы насилия могут быть смягчены и преобразованы через обращение к знаниям.
2. *Природа насилия и его причины*: поскольку они сложны и многогранны, ожидается, что студенты будут подходить к своим исследованиям с различных междисциплинарных позиций.
3. *Причины войны и причины мира*: исследование всего процесса конфликта, связанного с войной, с различных теоретических и методологических точек зрения, включая рационалистические и поведенческие модели, которые исследуют концепцию войны и причины возникновения войн.

25

Нельзя не усомниться в том, что обычное «применение знаний» или «исследования с различных междисциплинарных точек зрения», или «различные теоретические и методологические концепции, включая рационалистические и поведенческие

модели» сами по себе могут положить конец человеческому конфликту?

Мы считаем, что это невозможно, так как здесь поставлены неверные условия. «Знание» или предубеждение, которое я имею о вас и которое вы имеете обо мне – разделяющий образ «другого», который зачастую и создает человеческий конфликт. Это «знание» включает в себя образы и установки, которые нам внушили. Так как в основании лежит генетический фактор, это знание закреплено в памяти каждого человека.

26

Как может и какое «знание» положить конец тому, что создает конфликт? Нужно ли нам больше знаний, и какие они должны быть, чтобы противостоять информации, которая разделяет нас и создает конфликт?

27

Пожалуйста, помните, что мы рассматриваем первичный уровень предотвращения конфликтов, понимая, что мешает миру. На вторичном или третичном уровне разрешения или управления конфликтами некоторые научные дисциплины, безусловно, могут внести ясность, но они сами по себе не останавливают и никогда не могут остановить конфликты, которые зарождаются на первичном уровне и обусловлены первичной профилактикой. Поскольку знание по своей природе является сравнительным («знание есть постижение различия» – Библия), а всякое сравнение основано на

противопоставлении и тем самым предопределено к конфликту. Следовательно, такой подход, обусловленный отстранёнными суждениями и стереотипами восприятия, сам по себе не способен предотвратить конфликт.

28

Нижеперечисленные вопросы обычно задаются в университетских программах обучения миру на тему «Социальная справедливость».

•Что такое социальная справедливость? Что такое права человека? Что такое мир? Каковы истоки этих концепций и как они интерпретировались во времени и пространстве?

•Что вызывает социальную несправедливость, нарушения прав человека, конфликты и войны? Каковы последствия этого для отдельных людей и сообществ?

•Как можно предотвратить социальную несправедливость, нарушения прав человека и конфликты? Какие условия нужны для создания справедливости, мира и уважения прав человека?

• Каковы истоки, стратегии и цели общественных движений, стремящихся к справедливости, миру и уважению прав человека?

•Каковы философские, культурные, религиозные и политические основы традиций ненасилия и этического поведения?

29

Когда студенты просматривают эту типичную страницу из университетской программы обучения

миру или социальной справедливости, то обнаруживают, что от них требуют ответы на вышеуказанные вопросы.

30

Такой путь имеет место быть, но безмерное количество поставленных перед учащимися вопросов, каждый из которых имеет бесконечное число потенциальных ответов, не оставляет возможности им преуспеть в выборе и взаимном согласии.

31

Что нужно сделать, чтобы в полной мере исследовать эти вопросы? Если бы это было возможно, сколько бы времени это заняло? Разве не потребовалось бы огромных исследований только в одной из этих областей, к примеру, по «религиозным основам традиций ненасилия и этического поведения»? Существуют тысячи религиозных традиций ненасилия, и каждая из них утверждает, что её система верований посвящена миру. Как насчет культурных, философских или политических традиций ненасилия и этического поведения? Многие, многие тысячи таких традиций восходят, возможно, к началу записанной человеческой истории.

32

Касательно первой группы приведенных выше вопросов чрезвычайно сложно найти и согласовать рабочие ответы на них. Масштабные исследования, проведенные в этих областях, не дали никаких

результатов. Найти работающие ответы буквально невозможно. В то же время войны продолжают бушевать, хотя мы продолжаем пытаться их остановить и почти всякий раз терпим неудачу.

33

Проверяя ссылки любой книги по теории обучения миру, мы можем обнаружить буквально сотни других установок, вывесок и наименований. Ссылки множатся в геометрической прогрессии, некоторые уходят в прошлое на многие года и даже столетия.

34

Таким образом, мы оказываемся в ловушке бесконечного лабиринта мыслей, которые никогда не приводят нас к окончательным ответам и эффективным решениям. Все эти вопросы, по-видимому, откладывают любые немедленные действия по прекращению конфликта, тогда как на самом деле конфликт может быть прекращен здесь и сейчас, в данный момент конкретным усилием, реальным действием.

35

Это приводит нас к осознанию того, что на протяжении тысячелетий мы смотрели в неверном направлении, считая мышление средством разрешения конфликта, который бессознательно сама мысль и создавала. Другими словами, мысль не осознает того, что она делает. Она всё ещё заставляет нас думать, что «проблема» и её «решение»

находится «где-то там» в теоретических конструкциях и абстрактных моделях знания.

36

Но трагическая ирония заключается в том, что эти представления во многом иллюзорны, они далеки от реальности и потому часто оборачиваются для нас «ловушками воображения» или «играми разума». Все понятийные конструкции, так или иначе, создаются мыслью, мысль движима биологическим мозгом в его стремлении выжить, найти безопасность в определенной группе, племени, клане. Но в мыслях, в образах как таковых нет настоящей безопасности. Они зачастую обманывают нас, вводят в заблуждение, заставляя верить, что они реальны и что они защитят нас. Всё что они делают – это дробят человеческую расу на противостоящие этноцентрические группы, каждая из которых борется за господство, власть и контроль. Эти этносоциальные стереотипы чрезвычайно опасны, ибо они являются основой войны, когда дело доходит до их защиты.

37

Изучая этот вопрос, мы обратили внимание на то, что мысль является ответом на вызов конфликта, но при этом сама лишь приумножает противоречия и обостряет напряжённость – *ad infinitum* – беспрерывно, неистово, беспорядочно и фрагментарно. Когда мы таким образом приближаемся к миру, наш поиск становится всё

более и более неистовым, и тревожным, пока он просто не выходит из-под контроля.

38

Это особенно верно сейчас, когда у нас есть доступ к бесконечным знаниям в Интернете, потому что мы начинаем понимать, что этот лабиринт мышления, связанный с «решением проблем», просто не работает. Напротив, в этих условиях мышление само может становиться формой насилия.

39

Иногда нам кажется, что мы недостаточно глубоко проникли в суть проблемы. Поэтому мы продолжаем исследовать бесконечные теории бесчисленных авторитетов, надеясь, что однажды у нас будет достаточно «свидетельств», чтобы «подтвердить» наши воззрения. Но какие доказательства, какие свидетельства и какие теории могут искоренить проблему насилия в обществе? Зачастую сами теории приводят к непримиримому противостоянию – моя теория против вашей, моя вера против вашей – каждая пытается доминировать над другими, чтобы быть признанной истиной последней инстанции.

40

Нам следует видеть нелогичность этих посягательств на истину. Наблюдая за этим, мы начинаем понимать, как
стремление к миру зачастую препятствует достижению самого мира, которого мы так сильно

желаем. Те, кто отважно пытается понять, попадают в ловушку определений, объяснений, гипотез и убеждений (что по иронии судьбы означает «действовать без достаточных доказательств»). Пытаясь пройти через этот лабиринт спекуляций, чтобы доказать свои теории, они в конечном счете видят, что это не срабатывает. Однако продолжают неистово пробовать и повторять одни и те же ошибки. В чём же проблема? Вероятно, в том, что все эти теории на самом деле никогда не обращались к тому, что, собственно, мешает миру реально осуществиться.

41

Всё это похоже на нелепую и бессмысленную гонку Красной Королевы из книги Льюиса Кэрролла «Зазеркалье». В этом сюжете «Приключений Алисы в стране чудес» Красная Королева и Алиса постоянно бегают, но остаются на одном и том же месте: «Ну, в нашей стране, – говорит Алиса, всё ещё немного задыхаясь, – вы обычно попадаете куда-нибудь… если долго бегать очень быстро, как это делали мы». «Медленная страна!» – говорит Королева. «Вот, видите, нужно как можно больше бегать, чтобы оставаться на том же месте!».

42

Если знания, применяемые на уровне первичной профилактики, по иронии судьбы мешают миру, что нельзя не заметить, возникает вопрос: какое место знания занимают в образовании, где и когда они могут быть полезны в воспитании культуры мира?

Может ли знание решить проблемы, им самим создаваемые?

43

Кажется, что мы живём в зазеркалье, в доме, где противоречащие друг другу представления о себе фрагментируют наш мир, разделяют человечество на противоположные идеологии и потворствуют распространению распрей и конфликтов.

44

У всех животных, включая людей, есть инстинкт выживания, генетически встроенный в ДНК. Но разница между людьми и другими животными заключается в том, что люди могут думать. Мы можем создавать образы «врага», противника, что приводит к уничтожению миллионов и миллионов из нас в нашем ошибочном стремлении к выживанию.

45

Но трагическая ирония состоит в том, что эти образы являются иллюзиями, они не реальны, они лишь образы, и поэтому они лишь плод нашего воображения. В какой-то момент они были придуманы. Любая национальность, религия, культура была создана мыслью, движимой биологическим мозгом, стремящимся к выживанию, необходимостью найти для себя безопасность в определенной группе, племени, клане.

46

Но в мыслях как устойчивых образах нет настоящей безопасности. Они обычно обманывают нас, вводят в заблуждение, заставляя поверить в то, что они реальны, и что они защитят нас. Всё что они делают – это фрагментируют человеческую расу на враждующие стороны, культивируют этноцентрическое высокомерие в борьбе за господство, власть и контроль. Эти «образы врага» чрезвычайно опасны, потому что они являются источником войны, когда затрагиваются их амбиции.

47

Если бы мы не были обусловлены представлениями о том, кем мы себя считаем и кем считаем других, могли бы мы создать образ врага, начать войну? Однако эти образы продолжают существовать благодаря биологическому инстинкту выживания. Они реальны или просто выдуманы? Защищают ли они нас?

48

Примитивные структуры в биологии человеческого мозга являются источником потенциального конфликта, так как он мгновенно реагирует на образ, вызывающий страх, запуская систему борьбы или бегства. Здесь нет необходимости думать о том, как исправить эту ситуацию, найти «решение» этой проблемы.

49

Мысль необходима, чтобы передать реакцию словами, но это не тот процесс, который корректирует реакцию мозга в моменте развёртывания конфликта. Слова исходят из переживания, из действительного факта непосредственного осознания обусловленной реакции. Но слова – это не вещь, описание – это не описываемое, объяснение или примеры – это только слова, абстракции, которые слишком часто идеализируют реальность, обращают её к нашему интеллекту в надежде найти решение проблемы человеческого конфликта.

50

Знание и его непрерывное стремление увидеть перспективу часто препятствуют непосредственному прозрению и именно в тот момент, когда оно способно рассеять раздвоенность предвзятого обусловленного мышления. Как заметил Джон Леннон: «Жизнь проходит мимо нас именно тогда, когда мы строим свои планы».

51

Дети свободны от большинства предрассудков обусловленного мышления. Но они не лишены фундамента для запуска этой обусловленности, который можно назвать «первичной программой», генетически установленной в мозге для обеспечения удовлетворения потребностей физического выживания. Это иногда называется «социальной стратификацией», поскольку ребенок биологически

обусловлен отождествлять себя со своей группой, а не с другой для физически безопасного развития.

52

На протяжении десятков тысяч лет эта структура идентификации формировалась в нас через усиление нашей потребности в выживании, создавая таким образом генетическую или наследственную основу социальной жизнедеятельности. Эта примитивная программа или система инстинктов содержит сильный естественный импульс – автоматический и непроизвольный рефлекс в ситуации, когда он возбужден или ему брошен вызов.

53

В современные исследования влияния генетики и наследственности на поведение психологи включают теорию инстинктов, которая утверждает, что наше поведение и мотивация в значительной мере происходят из биологического, генетического программирования. Поскольку у каждого вида заложены одни и те же мотивы, а самой сильной программой является выживание, все наши действия изначально проистекают из наших древних инстинктов. Благодаря естественному отбору особи, даже с небольшой склонностью к адаптации своего социального поведения, были «наиболее приспособленными», обычно живя дольше и будучи более успешными в передаче своих генов следующим поколениям.

54

В древности социальная жизнь людей всё больше регулировалась мифо-ритуальными практиками. Современное общество, освобождаясь от табуированных ритуалом ограничений, тиражирует новые виды социальной зависимости (глобализация, информатизация, коммерциализация и пр.), при этом оставаясь в онтологическом плену исторически укоренённых предрассудков обусловленного мышления.

55

Даже если эти тенденции не совершенствуют нашу физическую форму в современном мире, пройденный и испытанный человеком в суровых условиях путь эволюции делает нас генетически предрасположенными к выполнению определенных социальных действий, когда ситуационные сигналы так или иначе пробуждают древние инстинкты.

56

Что это за «социальное поведение», которое «приводит в чувства» наши древние инстинкты? Разве это не процесс «естественного отбора», обеспечивающий наше выживание? Как и чем обеспечивается наше выживание? Является ли это «первичной» биологической или генетической программой, которая призвана защитить нас в группе, обеспечить физическую безопасность благодаря идентификационным маркерам и сцеплению с этно- и родоплеменными идеологиями?

57

Возникает существенный вопрос. Является ли страх и предубеждения сами по себе чистым инстинктом, который побуждает нас защищаться и отстаивать свою безопасность без какого-либо реального повода? Есть ли конфликт результатом этой биологической программы? Если это так, то здесь речь идёт не о социальной морали как таковой, ибо в этом биологическом, генетическом представлении нет хорошего или плохого поведения – просто обусловленное поведение, которое инстинктивно запрограммировано в нас для нашего выживания.

58

Если это так, то не обречены ли мы быть управляемыми этой устаревшей программой, бесконечно воевать друг с другом? Некоторые называют это «социальным дарвинизмом», имея в виду, что мы биологически пойманы в эволюционном искривлении времени, которое преследует нас миллионы лет и будет оставаться таковым до тех пор, пока этому не придёт конец. Или эта дилемма может быть решена мгновенно?

59

Трудно не признать, что обусловленное, этноцентрическое, вызывающее разногласия мышление заложено в человека генетически, чтобы обеспечить наши первичные позывы физического выживания. Однако это самое побуждение выжить по иронии судьбы сейчас угрожает нашему выживанию,

порождая образы врага, сея распри и культ насилия. Итак, всё более значимой становится задача решить эту первичную (родовую), корневую, генетическую предрасположенность к выживанию, которая в угоду инстинктивной самозащиты отдельного человека угрожает выживанию всей человеческой расы? Можем ли мы понять эту «первичную программу» и освободиться от её воздействия без ущерба для себя? Для того чтобы выработать действенную стратегию позитивной жизнедеятельности человека и не стать жертвой инстинкта, нужно понять, что можно ему противопоставить.

60

Во-первых, следует понять, что поддерживает эту первичную программу? Давайте воспользуемся уже указанной аналогией, что эта программа является жестким диском, как автомобиль, но без водителя, сообщающая ему, что делать. Водитель, или диск, или программное обеспечение, управляющее автомобилем, говорит ему, куда идти и что делать. Она усиливает «этноцентрические установки», которые на протяжении тысячелетий ошибочно пытались «обеспечить» наше выживание. Есть ли возможность освободиться от этого запрограммированного поведения?

61

Предполагается, что такое существование может закончиться в наносекунду, если мы подойдем к этому состоянию с правильной точки зрения – устойчиво осознавая то, как мысль, контролируемая

биологическим мозгом, создаёт и поддерживает конфликт. Между тем мы редко подвергали сомнению наше устойчивое представление о том, что мысль как воспринимаемый образ осуществляла эту биологическую программу, и что посредством понимания мы действительно способны освободиться от её разрушительного воздействия. На протяжении тысячелетий люди всякий раз пытались высвободиться из суровых объятий конфликта. Но по-прежнему в мире властвует насилие – идёт война за войной, конфликт за конфликтом.

62

В данной работе оспаривается мнение о том, что знание само по себе на уровне первичной профилактики может облегчить страдания, вызванные человеческими конфликтами. Вместо этого мы стремимся к тому, чтобы мысль была «проприоцептивной». Вот в чём дилемма. Как правило, мысль превращает знание о конфликте в «проблему», и тогда мысль говорит, что ответ на неё «где-то там». Таким образом мысль заставляет нас искать способ разрешения конфликта «где-то на стороне». В этом состоит синдром обусловленного мышления. Поскольку это инстинктивно, мы обычно не осознаем этого процесса.

63

Как это ни парадоксально, но в процессе использования мышления, пытаясь решить наши социальные проблемы, им же созданные, на самом

деле мы снова и снова тиражируем нескончаемые конфликты.

Поскольку эта первичная стратегия выживания глубоко укоренена в истории и при этом, так или иначе, тысячелетиями гарантировала наше выживание, пусть и конфликтное, встает вопрос: зачем менять привычную для нас стратегию? Таким образом, мы вновь защищаемся «воображаемым и исторически консервированным опытом», так нам удобнее, привычнее. Мы успокаиваем себя самообманом, загоняя себя в так называемую воображаемую «зону комфорта» для предполагаемой безопасности, исходящей от первичной биологической реакции самозащиты.

Таким образом мы защищаемся от того, чтобы реально видеть и понимать происходящее, создавая мнимую зону удобного для нас самообмана. Любой вызов этому установленному распорядку вещей рассматривается как угроза безопасности. Например, мы сильно сопротивляемся тому, чтобы подвергать сомнению устоявшиеся в обществе точки зрения. Понятно, что мало кто хочет чувствовать себя неловко.

64

Этот плохо приспособленный генетический инстинкт побуждает нас к получению того, что он считает необходимым для удовлетворения собственной независимой потребности в выживании, а именно к неустанному захвату и расширению мировых территорий, выгодных владений у других людей, которые сами также по иронии судьбы упорно

ищут то, что они считают необходимым для своего собственного выживания.

65

То, что было создано исторически в этом искаженном стремлении к выживанию есть избыточная и неоправданная тяга ко всему тому, что позволяет непрерывно расширять своё индивидуальное, групповое или этническое превосходство над всеми остальными, стремиться одержимо состязаться за своё преимущество, чтобы удовлетворить свои потребности возвыситься над другими. Таким образом, мы видим, как нации вторгаются на территории друг друга в примитивной решимости завладеть тем, что считают необходимым для своего дальнейшего существования. Это навязчиво управляемое примитивное выживание отдельной группы над всеми остальными уничтожает парадоксальным образом нас всех.

66

В этом ракурсе рассмотрения, если использовать аналогию, мы, люди, в чём-то похожи на муравьев, борющихся за выживание колонии (нашего племени, нашей нации). Муравьи запрограммированы сражаться, монополизировать пищевые ресурсы, защищать свое гнездо, завоевывать или защищать территорию или препятствовать другим насекомым красть их пищу.

67

Так что же нам делать? Вероятно, прежде всего освободить себя от предрассудков и ненужных стереотипов обусловленного мышления, которые сковывают нас и обрекают на нескончаемые распри. Случается так, как будто нас сызмальства насильно засунули в стеклянную банку с плотно привинченной крышкой, и мы задыхаемся в ней в процессе своего взросления. По мере того, как мы приближались к совершеннолетию, крышка завинчивалась ещё туже, мешая нашей жизни расцвести. В этих давящих и сковывающих условиях мы были подобны умирающим растениям – у нас не было ничего, что могло бы помочь нам развиваться.

68

Образование должно давать не столько абстрактные и часто оторванные от реальности знания, сколько развивать понимание своей творческой вовлеченности в жизнь. К этому пониманию, как ни странно, больше всего близки дети. Дети ещё не заключены в «застенки» мышления. Для большинства взрослых слишком поздно что-то менять, потому что, подобно китайской пальчиковой головоломке, взрослые попадают в ловушку своих же собственных сложных и запутанных объяснений.

69

Однако, даже оказавшись жертвами «игр разума» и попав в западню обусловленного мышления, мы должны объяснить своим детям, к каким

последствиям это может привести как индивидуальным, так и социальным. Мы должны поддерживать их в наблюдении различий между образом и реальностью, поощрять их к тому, чтобы они обладали пытливым умом, который приглашает к диалогу без осуждения.

70

В чём важность понимания обусловленного мышления? В каком контексте его можно открыто исследовать? И в какой обстановке это можно наблюдать? Ключом к этим вопросам является контекст взаимных придирок – от детской площадки до поля боя.

71

Буллинг («bullying») или воинственная придирка – это поведение, с которым может столкнуться каждый. Обсуждая причины буллинга, мы сможем лучше понять природу обусловленного мышления, лежащего в основе человеческого конфликта. Некоторые люди думают, что буллинг – это просто процесс взросления, из разряда, что «мальчики есть мальчики», и что вы должны просто научиться бороться с хулиганством как таковым. Однако исследование буллинга дает толчок для изучения всей лежащей в основе конфликта природы и структуры обусловленного мышления.

72

Побуждение к травле – это биологически и генетически обоснованный инстинкт, защищающий

нас от человека или группы, которые, как мы считаем, представляют угрозу. Мы полагаем, непроизвольное запугивание парадоксальным образом необходимо как средство самозащиты, оно позволяет нам выжить в условиях потенциальной угрозы.

73

Кроме того, любой человек в группе, который кажется слабым, становится угрозой для выживания группы и воспринимается как тот, кого нужно устранить или вытравить из группы. Мы избегаем, угрожаем, травим – и всё это во имя выживания. Так что же способно освободить нас от этого деструктивного принуждения к выживанию? Как мы уже видели, освободит нас не знание само по себе, а осознание этих чувств и побуждений внутри нас самих, психологический самоконтроль.

74

Знание, движимое примитивным биологическим инстинктом, есть предрассудок. Предвзятый образ того, что я думаю о вас, и предвзятый образ того, что вы думаете обо мне – это то, что разделяет нас, мешает нам понимать друг друга и создает конфликт.

75

Дело не в том, кто враг, а в том, как он создается – рождается в нашей голове. Понимая это, мы не можем винить «другого» только за то, что он «другой». Это лишь условный образ, шаблон «недоброжелателя», который, как нас учили, является или может быть нашим врагом, тогда как на самом

деле «враг» инстинктивно исходит из первичных участков мозга, заставляя нас всякий раз с целью самозащиты выводить этот образ наружу. Поэтому нам необходимо научиться управлять своими чувствами, не позволяя ложному образу врага проецировать деструктивную угрозу и обращать нас к конфликту.

76

Конфликт, созданный этим биологическим «буллингом», не является ничьей виной – это не «личный моральный недостаток» – это не моя вина или ваша вина – это просто созданный в нашей голове предрассудок, ошибочно квалифицирующий угрозу, и принуждающий нас конструировать образ врага и проявлять насилие.

77

Это можно назвать неким системным дефектом – человеческий мозг несовершенен, помимо всего прочего он работает по архаичной программе, направленной на первородную самозащиту даже там, где в этом нет необходимости. Конструируемый мозгом ложный образ врага с целью самозащиты провоцирует наше поведение на конфликт. В известном смысле, это похоже на коллективный вирус, поражающий всю человеческую расу. Мы рождаемся с этим «недостатком», примитивным дефектом. Запускаемый примитивными (наиболее древними) участками мозга механизм выживания заставляет нас думать, что опасность существует, и враг рядом. В этой ситуации мысль зачастую не

способна себя контролировать, она начинает слепо выполнять полученную от мозга команду самозащиты.

78

Здесь самое важное – это понять, что конфликт, порожденный предвзятым обусловленным мышлением, исходящим из примитивного биологического мозга, одинаков у всех людей. Другими словами – конфликт всегда есть конфликт. Если мы поймём, чем и как он порождается, мы сможем нейтрализовать его деструктивную силу.

79

Поскольку человеческий мозг структурно подобен всем человеческим существам, конфликт, созданный обусловленным мышлением, проистекает одинаково для всех нас.

80

Понимание себя – это понимание всего человеческого рода, ибо мы –это мир, а мир – это мы. В своей основе мы все одинаковы. Смотри глубже: мы можем видеть в анатомической структуре нашей мыслительной деятельности многое из того, что всех нас объединяет. В этой целостной перспективе мы смотрим не на отдельного человека, но на всех вместе. В этом случае мы сможем смотреть друг на друга непредвзято, без обвинения, без осуждения и без нападок.

81

Это фундаментальное квазиадаптивное стремление выжить продолжается с тех пор, как люди начали свое путешествие по этой земле, пытаясь остаться в живых в мире, который был суровым и угрожающим. Люди с самого начала находились в состоянии войны с самими собой, биологически унаследовав многое из того примитивного мозгового «котла», который может привести человеческую расу к её уничтожению.

82

У людей есть способность, которая может исправить обусловленное мышление – это «проприоцептивное обучение». Это некумулятивное обучение является противоположностью знанию, которое является накопительным обучением, сбором и анализом информации для того, чтобы прийти к определенной интеллектуальной теории или заключению, решить проблемы, созданные в результате воздействия этой обусловленности.

83

Проприоцептивное обучение – это состояние некумулятивного наблюдения, которое видит обусловленное мышление без суждения, без попытки его изменить.

84

Проприоцептивное обучение – это врожденная способность к психологической самокоррекции. Эта способность интеллекта действует сама по себе,

поскольку она видит то, что неправильно в процессе мышления, и в момент разумного осознания она сводит на нет эффект обусловленного мышления, тем самым нейтрализует его деструкцию, делая его неэффективным.

85

Человеку не нужно ничего особенного предпринимать, потому что проприоцептивное обучение само по себе самокорректируется. Но для того, чтобы проприоцептивное обучение вступило в силу, образование молодого человека должно быть сориентировано на изучение природы и структуры обусловленного мышления, исходящего из примитивного биологического мозга, который препятствует этой способности выполнять свою врожденную способность.

86

Как утверждает квантовый физик д-р Дэвид Бом (David Bohm), «мы можем сказать, что практически все проблемы человеческой расы связаны с тем, что мышление не является проприоцептивным. Мысль постоянно создает проблемы таким путем, а затем пытается их решить. Но чем больше мы думаем, тем больше проблем создаем, потому что мозг не проприоцептивен в том, что делает».

«Человек уделяет пристальное внимание всему, что происходит в связи с текущей деятельностью мысли, которая является основным источником общего беспорядка. Человек делает это без выбора,

без критики, без принятия или отвержения того, что происходит».

Младенцы не любят тех, кто от них отличается. Младенцы, как и взрослые, могут иметь тяжелый характер, утверждается в новом исследовании Центра детского познания Университета Британской Колумбии. Профессор психологии и ведущий автор Кайли Хэмлин (Kiley Hamlin) обнаружила, что младенцы, которым было всего девять месяцев, предпочитали тех, кто похож на них и опасались всех тех и всего того, что отличалось от них самих.

Она сказала, что взрослые, как правило, любят людей, которые похожи на них, оправдывая их даже там, где речь идёт о насилии. «Мы хотели посмотреть, можем ли мы утверждать, есть ли у младенцев такое же суждение, – сказала Хэмлин в интервью. – Мы были шокированы полученными результатами».

87

В исследовании, опубликованном в журнале Psychological Science, рассматривались две группы младенцев в возрасте девяти месяцев и 14 месяцев, и пища, которую они предпочитали – зеленые бобы или хрустящие крекеры. Дети смотрели кукольное представление, в котором две куклы изображали что-то вроде зеленых бобов и крекеров. Затем к постановке присоединилось ещё несколько кукол, демонстрирующих милое, нейтральное или злое поведение по отношению к первым двум куклам.

88

Исследование показало, что дети предпочитали марионеток, которые посягали на марионетки с противоположными предпочтениями в еде. Один ребёнок даже поцеловал приставучую куклу. В исследовании говорилось, что желание плохо относиться к тем, у кого есть различия было более распространено в возрастной группе 14-месячных младенцев, что свидетельствует об увеличении предвзятости с возрастом.

Хэмлин говорит, что почти все испытуемые дети вели себя одинаково, что было неожиданным результатом.

89

Разве дети рождаются хулиганами? Исследование Университета Британской Колумбии, показывает, малыши узнают социальное расслоение уже в девять месяцев. Результаты исследования Центра детского познания показывают, что время сна может стать новым фронтом в войне с буллингом.

Запуганные дети могут навлечь на себя отчуждение из-за генетически обусловленного поведения. Исследование доказывает, что эпизоды запугивания, которые омрачают ранние школьные годы сотен детей, могут быть связаны с синдромом жертвы.

Поведение, которое чаще всего приводит к изоляции и виктимизации в классе или школьном дворе, имеет свои корни в генах ученика, говорится в исследовании. Кроме того, утверждается, что гены оказывают прямое влияние на качество

взаимодействия со сверстниками. Результаты этих исследований были опубликованы на сайте журнала Child Development.

90

Мишель Буавен (Michel Boivin), ведущий исследователь и профессор психологии Университета Лаваля, утверждает, что гены ребенка часто диктуют то, как он действует, что в свою очередь формирует его опыт как в классе, так и вне его.

В проведённых профессором психологии Университета Британской Колумбии Кайли Хэмлин (Kiley Hamlin) экспериментах стало очевидным, что дети в возрасте от девяти до 14 месяцев получали определённое удовольствие от наказания людей, которых они считали отличными от себя.

Исследование по рекогносцировочному анализу потенциально конфликтного поля – школьного кафетерия, предложило детям выбор между закуской из крекеров или зеленой фасолью. После чего детям показали видео с двумя куклами. На видео одна кукла предпочитала ту же закуску, что и ребенок, в то время как другая кукла совершала пищевой faux pas, выбирая закуску, которую ребенок передал. Когда детей спрашивали: какая из кукол была их любимой, они всякий раз выбирали куклу со схожими вкусами.

Эксперимент принимает несколько пагубный оборот, когда детям показывают видео с марионетками, конфликтующими друг с другом. Дети не только не возражали, когда их любимая кукла дразнила куклу, которая имела иные предпочтения и

вкусы, но проявляли открытую неприязнь к этим куклам.

Думается, что результаты этих исследований могут послужить основой для будущих стратегий борьбы с буллингом. Пока же они представляют собой всего лишь пугающий взгляд на истоки детского насилия и на то, как младенцы учатся прокладывать свой путь в этом мире.

3. О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЯХ

Моя первая цель при написании книги по преодолению страха, агрессии и посягательств негативной обусловленности – это помочь людям, особенно молодёжи, узнать об основных факторах, вызывающих конфликт и деструктивные отношения в их поведении. Я надеюсь, что мои разъяснения смогут помочь людям по-настоящему увидеть эти факторы до того, как их поведение станет серьезной проблемой.

Всякий конфликт начинается с обусловленных мыслей, неких стереотипов восприятия себя и других, то есть с мыслей, которые мы принимаем как данность, никогда не подвергая их сомнению. Эти первоначальные обусловленные мысли запускают цепную реакцию, которая мгновенно вызывает эмоции страха, заставляя нас либо сражаться, либо убегать, вызывая конфликтную напряжённость. Начавшийся внутренний конфликт перерастает в конфликт внешний, нагнетая борьбу с другими.

Сталкиваясь с пагубной последовательностью условных рефлексов, мы можем и должны осознавать природу нашего конфликта на уровне его первичного предотвращения. Когда происходит событие, которое беспокоит нас, наш мозг автоматически реагирует на это, заставляя наши мысли работать в определённом порядке. Всё это происходит так быстро, что мы не замечаем, как становимся жертвой собственных защитных реакций наших мыслей! Но если мы их не замечаем, мы, конечно, не будем их подвергать

сомнению. Тем не менее эти мысли влияют на наше поведение, настроение и даже телодвижение. Нарушается способность правильно воспринимать вызов и принимать адекватные решения.

Такие мысли часто называют *когнитивными искажениями*, и они становятся предметом изучения так называемой «когнитивно-поведенческой терапии». Мой подход в стремлении пролить новый свет на этот принцип обусловленного мышления состоит в том, чтобы сместить акцент с «терапии», которую я считаю «реактивным, лечебным подходом» (другими словами, терапия уже возникшей проблемы, следствия случившегося), на *когнитивное образование*, которое развивает «превентивный подход» к предотвращению проблемы, то есть недопущения самого факта возникновения конфликта. Я называю этот образовательный подход *биокогнитивным* или *когнитивно-эмоциональной биореактивной обусловленностью* (BioCognetics™ – Cognitive Emotive Bio-reactive Conditioning).

Это означает, что, когда условная мысль «запускается» внешним стимулом (например, приближающимся к вам хулиганом), она снова и снова провоцирует наши эмоции (в данном случае страх), после чего наши мысли и чувства принуждают нас идти в бой или спасаться бегством.

С помощью такого образовательного принципа мы можем наблюдать весь процесс того, как условный устрашающий образ (к примеру, хулигана) начинает, как ряд домино, вызывать цепную реакцию в мозге, чтобы защитить себя. Сам по себе это необходимый и полезный процесс, если нам

действительно угрожает настоящий хулиган, и нам на самом деле нужно защищаться.

Но проблема возникает тогда, когда эта цепная реакция стимулируется или запускается ложным страхом, который навязан нам воображением, нагнетающим наши тревоги и беспокойства. В этой ситуации угроза не является неизбежной, но мозг реагирует на неё, как если бы она была на самом деле. И здесь у нас возникают проблемы. Если мы готовимся сражаться или спасаться бегством от предполагаемой (ложной) угрозы, то мы тем самым напрягаем себя без необходимости. Наши реакции только обостряют конфликт. Это то, что мы называем *когнитивным искажением*, поскольку оно основано на ложном восприятии реальности. Такая реакция на ложные вызовы и искажённое восприятие действительности происходит не только в ситуациях беспокойства и посягательства, но и в обычной жизни. Мы сталкиваемся со многими когнитивными искажениями, которые вызывают у нас ложную тревогу, поиск врага и ненужные конфликты.

Таким образом, если мы не обращаем внимания на напряжённость в наших отношениях друг с другом, то мы забываем о главном. Конфликт начинается с самого малого и заканчивается самым большим и нередко трагичным – вооружённым столкновением и войной. Так что конфликт – это не только проблема одного человека, но проблема всех людей, всех народов и всех рас. Это вопрос о том, как устроены и как работают наши мозг, мышление, эмоции.

Я хорошо представляю возможные трудности читателя в понимании излагаемого в книге материала. Как и всё новое, многое из того, что я предлагаю читателю, вероятно, будет нуждаться в дальнейшем прояснении и уточнении. Тем, кто захочет что-то для себя узнать дополнительно по представленной в книге теме, пожалуйста, свяжитесь со мной по электронной почте atriumsociety@gmail.com или загляните на сайт www.atriumsociety.org. Я непременно вам отвечу.

Пока же не забывайте смотреть на трудности жизни как на вызовы обусловленного мышления. Помните, что мозг – это мыслительная система, которую, как компьютер, вы всегда можете правильно настроить, освободив себя от страха пагубных установок обусловленного мышления. Учитесь не давать волю своим негативным эмоциям. Умейте замечать в людях лучшее. Цените то, что делает вас счастливыми. Стремитесь понять себя и других.

Как кто-то однажды сказал: «Неисследованная жизнь не стоит того, чтобы жить». Я желаю вам удачи в этом невероятном путешествии по самопознанию – самом увлекательном, полезном и величайшем из всех устремлений человека!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МИР:
ЧТО ЕМУ МЕШАЕТ?
К ПОНИМАНИЮ ПРИРОДЫ
ОБУСЛОВЛЕННОГО РАЗУМА

PEACE:
WHAT PREVENTS IT?
UNDERSTANDING
THE CONDITIONED MIND

Всё лучшее в человеке связано с миром. Чтобы добиться мира, мы должны понять, что ему мешает, а что мешает – так это сама наша предрасположенность к этно- и социоцентризму. Истоки конфликтов лежат в нашей предыстории, в биологической предрасположенности нашего мозга защищать себя от внешних угроз – мнимых и реальных. Все конфликты между людьми и культурами сначала зарождаются в голове человека в виде стереотипов неприятия – образов врага, недруга, соперника и обидчика. Человек порою не замечает, как сам становится жертвой собственных предрассудков. Мы многое можем изменить, если освободим свой разум от предрассудков и научимся управлять эмоциями. Важно уметь наблюдать и распознавать ситуации, которые бросают нам вызов, основанный на сопротивлении культур и стереотипах поведения, не поддаваться всплескам нетерпимости, вражды и агрессии. Преодоление конфликтов невозможно без осознания того, что мешает нам жить в мире и согласии. Понимание первопричин конфликта и насилия в человеческой жизни позволит сделать мир лучше и добрее.

1. ОБУСЛОВЛЕННЫЙ РАЗУМ И КАК ЕГО ПОНИМАТЬ

Дело не в том, каким предстаёт образ врага в вашей голове, а в том, как он создаётся – зарождается в мозгу. Понимая весь этот цикл воображаемых манипуляций, мы сдерживаем себя в нападках на другого, принимая то, что образ врага чаще всего есть лишь условный знак, имагинативная конструкция.

Во второй части книги я хочу рассказать о том, что есть конфликт, какова его природа, как мы можем защитить себя от насилия и агрессии, и что мешает миру стать основой современной культуры. Важно понимать, что истоки конфликтов лежат в нашей предистории, в биологической предрасположенности нашего мозга защищать себя от внешних угроз – мнимых и реальных. В этом смысле наш мозг во многом предопределён общими биологическими установками самозащиты, которая часто оборачивается агрессией и нетерпимостью.

Здесь мы мало чем отличаемся от рептилий. Но в отличие от них мы обладаем культурой, которая не только спасает нас от одиночества, и наделяет разумом, но и бросает нам вызовы через такие синдромы как этноцентризм, предрассудки, суеверия, ксенофобия и нетерпимость. Чтобы добиться мира, мы должны понять, что ему мешает, а что мешает –

так это сама наша предрасположенность к этно- и социоцентризму.

Мозг способствует тому, что он считает необходимым для выживания, но при этом он разделяет человеческую расу на фрагментированные племенные идеологии. Каждый этнос думает, что его путь – самый правильный. Я надеюсь, что вдумчивый читатель сможет разобраться в этом, потому что я уверен: ключом к миру является понимание.

Выдающийся физик, профессор Дэвид Бом (1917-1992) пишет о трёх составляющих нашего мозга: рептильно-корневом ядре, мозговой части млекопитающих и новой коре – неокортексе. Речь идёт, условно говоря, о старом и новом мозге в одной голове. Неокортекс появился у человека по эволюционным меркам достаточно быстро. Мозг рептилий и млекопитающих обрёл равновесие с окружающей средой и был более или менее подходящим для них. Затем появился неокортекс. Мозг млекопитающего своим эмоциональным откликом реагировал на окружающую среду, и он успешно с этим справлялся.

Но у человека он окружен новой корой – неокортексом. «Новый» мозг может создавать изображения, которые очень убедительны для старого мозга. «Старый» мозг на самом деле не видит эти объекты, но всё тело реагирует таким образом, который соответствует именно этому объекту. «Старый» мозг знает, как соответственно возбудиться в ответ на нападения льва, и говорит: «Беги!» Или если что-то хорошее появляется, эта часть мозга говорит нам: «Идите туда, там безопасно».

«Новый» мозг, однако, может создавать образы, что означает не просто картинки, а ментальное преображение всей системы, как если бы это было в действительности. Он порождает часто искажённые изображения в виде разного рода предрассудков и образов врага. И мы нередко оказываемся в тревожном окружении собственных мнимых представлений. «Старый» мозг не в состоянии оценить эти вызовы, и это усиливает тревогу и смятение – эти обусловленные возбуждённым сознанием образы пугают человека, вызывая тревогу и агрессию, побуждая защищаться и нападать.

Однако неокортекс функционирует в биогенетической среде «старого» мозга. Все нейрохимические реакции происходят именно оттуда. Наши желания и устремления что-то сделать также приходят оттуда. Обойти этот корневой уровень невозможно. У неокортекса нет причин делать что-либо самому. Поэтому, когда всё смешивается и структурно ломается, сам мозг сбивает нас с толку и зачастую принуждает нас делать неправильные вещи. Это надо понимать и учитывать.

По этой причине «новый» мозг даёт нам не только правильные, но и ложные мысли. Он подобен машине, которая готова сконструировать любые мысли с целью удовлетворения того, что происходит в «старом» мозгу.

«Старый» мозг требует. Допустим, ему нужна еда; еда потребляется, и он успокаивается. Нужна хорошая мысль, которая говорит, что всё будет хорошо. Когда она приходит нам в голову и овладевает нами, «старый» мозг посылает сигнал:

«ОК. Это меня больше не беспокоит». «Новый» мозг даёт в интересах первичных импульсов «старому» мозгу сигналы, которые его успокаивают и усмиряют. Он должен считаться с командами «старого» мозга – так, образно говоря, работает наша современная ментальная система. Желание, энергия, намерение в основном происходят из корневых структур нашего мозга.

Сам по себе неокортекс не видит никакой причины что-либо делать. Это своего рода аналитический инструмент и мыслительная функция. Неокортекс не может контролировать «старый» мозг. И в этой структурной нестыковке часто зарождаются иллюзорные мысли, заблуждения и предрассудки.

Но общество и культура повелевают: «Пусть “новый” мозг контролирует “старый”. Быть добродетельным – значит, делать именно это». «Старый» мозг отвечает за выживание, и он посылает сигналы неокортексу о том, что нужно сделать, чтобы выжить.

Таким образом, «новый» мозг обнаружил, что он может помочь «старому» мозгу в борьбе за выживание с помощью всевозможных методов улучшения инструментов и так далее. Задача заключается в следующем: как человечество сможет заставить эти две части мозга работать вместе в интересах реального выживания человека? Нужно какое-то новое движение, которое не может начаться ни в одной части мозга само по себе. Это должно начаться по-другому. Более креативно, основываясь на так называемом эмпирическом или фактическом действии.

Таким образом, важно помнить, что все конфликты между людьми и культурами, так или иначе, сначала зарождаются в голове человека в виде стереотипов неприятия, предубеждения, часто в образах врага, недруга, соперника и обидчика. Человек порою не замечает, как сам становится жертвой собственных предрассудков. Вот почему ключом к миру является понимание того, что происходит с нами и вокруг нас. Нам очень важно различать реальную угрозу и то, что представляет угрозу лишь в нашем воображении.

Зачастую мы сами придумываем для себя и для других воинствующие образы, хотя на самом деле таковыми они вовсе не являются. Различать истинные и ложные угрозы очень важно, особенно в тот момент, когда нам приходится принимать решения. Ведь всегда легче искать оправдание, перекладывая вину на другого. Это присущее всем свойство нашего разума может разрушить (как это неоднократно доказывала история) даже самые крепкие отношения и, казалось бы, незыблемые ценности.

Однако мы многое можем изменить, если освободим свой разум от предрассудков, научимся управлять эмоциями, опираясь на понимание того, что нам всем необходимо жить вместе в согласии, без насилия и конфликтов.

Важно уметь наблюдать и распознавать ситуации, которые бросают нам вызов, основанный на различиях культур, религий, национальных традиций, индивидуальных видений, стереотипов поведения, и ни в коем случае не поддаваться всплескам нетерпимости, вражды и агрессии. Ведь

каждая культура сама по себе уникальна, бесценна и многому может нас научить. Главное, суметь услышать, увидеть и правильно оценить то, что делает тебя умнее, миролюбивее и добрее.

Чтобы выяснить, чем и как обусловлено человеческое мышление и система принятия решений, которые часто порождают противоречия и конфликты, необходимо обратиться к сопровождающим и определяющим их контекстам, биопсихологическим, культурным и социальным.

Эти контексты распознаются специальной отраслью знания, именуемой биокогнетикой (biocognetics), проливающей свет на понимание природы психосоматической обусловленности и культурно-генетических оснований различных форм насилия в обществе – от игровой площадки до поля битвы.

Это новаторское направление в исследовании природы и укрощения деструктивного поведения человека основывается на разработанной концепции обусловленного насилия, известного квантового физика Дэвида Бома, а также на идеях философа Джидду Кришнамурти.

В центре нашего рассмотрения вопросы: что такое конфликт, какова его природа, и как мы можем защитить себя от насилия и агрессии? Существует ли антропологическая предрасположенность к войне, и являются ли конфликты между людьми генетически обусловленными?

Ветераны войны, скорее всего, ответят так, как это понимает бывший пилот вертолёта морской пехоты, воевавший во Вьетнаме: «Жажда борьбы и

сражений заложены в нашей человеческой ДНК, и это желание требует выхода… Вопрос в том, сможем ли мы, люди, развиваться мирно, или так и не сумеем совладать со своими инстинктами?» Попробуем разобраться.

Долгое время проблеме конфликта в этом ракурсе рассмотрения не уделялось должного внимания. В случае внутриличностного конфликта, проблему пытались разрешить с помощью психотерапевтов или медикаментов.

Когда конфликт обретал социальную природу, прибегали к переговорам или задействовали рычаги дипломатического и политического примирения. В некоторых случаях социальный конфликт разрешался с помощью судебного или даже военного вмешательства.

Однако все эти подходы лишь регистрируют уже возникший конфликт и регулируют отношения между людьми в конфликтной ситуации, когда конфликт уже произошел, и сами по себе его не предотвращают.

Учитывая весь возможный инструментарий разрешения конфликта, необходимо обратиться к основным причинам его обусловленности. Что порождает конфликт? Откуда он проистекает, и какие симптомы его усиливают?

Предрасположены ли мы к предрассудкам? Влияние генетики и наследственности на поведение человека трудно оспорить. Современная психология включает в эту область изучения теорию инстинктов, которая утверждает, что всё наше поведение и

мотивация происходят из биологического, генетического программирования.

Поскольку у каждого вида заложены одни и те же мотивы, а самой сильной и древней программой является выживание, все наши действия изначально проистекают из наших архаических инстинктов. Благодаря естественному отбору, особи, даже с небольшими навыками к адаптации своего социального поведения, оказывались в эволюционном процессе «наиболее приспособленными». Эти особи обычно лучше выживали благодаря более эффективной передаче своих генов будущим поколениям.

Что есть наше обусловленное сознание? Почему я всегда выбираю себя? Ключ к миру – понимание. Конфликт не является проблемой для решения, а является реальностью, которую нужно соблюдать, понимать и ею управлять.

Самопознание – это основа понимания всей человеческой природы, потому что мы – мир, а мир – это мы. Здесь самое важное осознать, что конфликт и вражда порождаются обусловленным мышлением, свойственным всем людям в силу их ментально-антропологической спецификации.

Другими словами: конфликт есть конфликт, и чтобы его понять, нужно разобраться в том, откуда что проистекает.

2. ТРИ УРОВНЯ КОНФЛИКТОВ

Нет ничего ценнее мира, ибо без мира всё теряет значение, несёт хаос и разрушение. Вся история миростроительства сопровождается укрощением конфликта. Понимание мира невозможно в отрыве от понимания того, что ему противостоит.

На протяжении веков люди пытались найти средства укрощения насилия, преодоления распрей и агрессии. Наука создавала концепции, теории, политические проекты, правовые системы, религиозные доктрины, и всё для того, чтобы предотвращать и разрешать конфликты. Но люди продолжают сталкиваться с ними каждый день в самых разных ситуациях и территориях.

Что же мешает миру обрести долгосрочное и устойчивое положение в человеческой жизни? Может быть, проблема лежит в искажённом понимании конфликта, его природы и антропологической сущности? Возможно, мы всякий раз что-то упускаем из виду, стремясь добраться до его изначального смысла? Как уже было отмечено, эта проблема в гуманитарных науках рассматривается весьма фрагментарно в контексте изучения иных вопросов. Предлагаются различные модели и стратегии предотвращения и разрешения конфликта, из которых можно выделить в самом общем плане два основных сценария. *Первый* – реактивный способ реагирования на конфликт, предполагающий разрешение деструктивного столкновения с помощью лечебных или морализаторских приёмов (например, в случае индивидуального или внутриличностного конфликта).

Второй, переговорный или управленческий, предполагает дипломатическое, правовое или даже военное вмешательство (например, в ситуации социального или политического конфликта).

В случае *внутриличностного конфликта* проблему пытались разрешить с помощью психотерапевтов или медикаментов. Когда конфликт обретал *социальную природу*, прибегали к переговорам или задействовали рычаги дипломатического и политического примирения. В некоторых случаях социальный конфликт разрешался с помощью *судебного* или даже принудительного *военного вмешательства.*

Однако все эти подходы лишь регистрируют уже возникший конфликт и регулируют отношения между людьми в конфликтной ситуации, когда конфликт уже произошел, и сами по себе его не предотвращают. По существу, речь идёт о *вторичном* и *третичном* уровнях разрешения конфликта. Но они не рассматривают конфликты на уровне *первичного разрешения,* что включает в себя понимание, антропологическую природу и принцип предотвращения условий или фундаментальных факторов, порождающих непримиримое столкновение.

3. ПЕРВОПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА

Учитывая весь возможный инструментарий разрешения конфликта, необходимо обратиться к основным причинам его обусловленности. Что порождает конфликт? Откуда он проистекает, и какие симптомы его усиливают? Принимая имеющиеся знания о конфликте, мы между тем должны осознать одну простую вещь – конфликт нельзя разрешить внутри конфликта. Для того чтобы понять его природу, нам необходимо выйти за пределы так называемого обусловленного мышления. Ведь всякий конфликт лишь регистрирует уже существующее противоречие, которое воплощается в сознании человека в образах врага, недруга, надвигающейся угрозы.

Для предотвращения конфликта на этом уровне, нужно выйти за пределы условного мышления, чтобы исследовать саму основу деструктивного столкновения. Это приводит к открытию того факта, что мы, люди, так или иначе, биологически запрограммированы рудиментарно-генетической структурой нашего мозга на войну, которая дает начало механизму выживания по принципу: «Сражайся или беги».

Эту биологически запрограммированную автоматическую реакцию на выживание запускает инстинктивный страх перед тем, что мы считаем угрозой для нашей жизни. Обусловленный образ «врага» прочно закрепился благодаря своему постоянному и глубокому укоренению в самых древних структурах нашего мозга.

Этот образ или мыслительный шаблон создает то, что мы могли бы назвать биологическим планом нашей самозащиты. Образ врага был создан для того, чтобы мы застраховали себя в случае возможной опасности. Он действует автоматически, сам по себе, без нашего сознательного действия. Мы унаследовали эту склонность при рождении. В известном смысле, наш мозг – марионетка, за ниточки которой дергает кто-то другой. Вместо того чтобы гарантировать нашу безопасность, он фактически подрывает её в слепой биогенетической уверенности самообмана.

4. МОЗГ И ОБУСЛОВЛЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ

Мы исходим из того, что для понимания конфликта необходимо исследовать генетическую программу мозга, то, как нами воспринимается всё, что связано с войной. Наше сознание подвержено различным вызовам внешнего мира. Инстинктивный страх перед тем, что мы считаем угрозой нашей жизнедеятельности, рефлексивно вызывает жесткую реакцию.

Обусловленный этими тревогами образ «врага» прочно закреплен в нашем сознании. Такую картину мы могли бы назвать планом биологической самозащиты. Она, подобно компьютерной базе данных, всякий раз создаёт необходимый структурный порядок в сознании человека и позволяет нам чувствовать себя защищенными. Причем это происходит автоматически, без какой-либо сознательной команды. Это то, что можно назвать «генетически запрограммированной инстинктивной реакцией».

Находясь в той же зависимости, что и марионетка, которая управляется веревочками, мы верим, что эта реакция нашего мозга гарантирует нам необходимую защиту. Хотя на самом деле данное повеление мозга несёт нам угрозу.

Информация, которая закладывается в наш мозг, похожа на диск с программным обеспечением – база данных даёт нам команды, что делать и как действовать. Однако в некоторых случаях эти команды мозга запрограммированы генетически

инстинктивной реакцией, которая не всегда оправдана и даже иногда неверна. В этом информационном поле нашим мозгом расставлены указатели на тех, кто есть или может быть нашим врагом.

Такая система исходящих от обусловленного сознания импульсов похожа на повреждённый компьютерный диск с вирусом, который зачастую для нас губителен. Ведь однажды закреплённый в мозге образ «врага», даже спустя какое-то время и уже не будучи таковым, всё ещё по инерции и привычке продолжает напоминать нам о себе и влияет на систему принятия решений.

Проблема ещё и в том, что механизм адаптации в меняющемся мире даёт серьёзные сбои – сдвиги, переходы, трансформации идут быстрее, чем за ними может успеть наша обусловленная мысль. Так в изменившейся среде всё ещё продолжают заявлять о себе старые предрассудки. Причина в том, что наш мозг не может отличить реальную угрозу от мнимой.

Информация, заложенная в наш мозг, в известной мере, аналогична информационной системе культуры, в которой живет человек. Социальная среда говорит вам, что делать, как действовать, и кто может быть вашим так называемым врагом.

Это похоже на испорченную опасным вирусом компьютерную программу или напоминает машину, которая диктует водителю, куда ехать и не видит, что едет по извилистой дороге или крутой скале. Столкнувшись с потенциальным конфликтом из-за того, что кажется угрозой, наш примитивный биологический мозг автоматически готовится к бою.

Мы всякий раз едем по одной и той же дороге непримиримого противостояния, унаследованной от наших далёких предков.

Весь исторический опыт показывает, что эта биогенетическая программа работает некорректно. Она продолжает отвечать на вызовы архаических времён, но в современных условиях является неадаптивной к переменам.

Неадаптивность означает прямое реагирование на мнимые, несуществующие угрозы, чтобы защитить нас тогда, когда в этом нет необходимости.

Это происходит потому, что архаические структуры мозга не могут отличить реальную угрозу от воображаемой. Здесь мозг реагирует на сам шаблон угрозы, чтобы держать человека в напряжении и повторять ему, что она реальна.

Это что-то вроде коллективного вируса, поскольку он поражает весь человеческий род, потому что все мы рождены с этим избыточным рудиментом в нашем мозгу.

Конечно, нельзя не признать, что в первобытном обществе, опираясь на инстинкты самосохранения, человек во многом обеспечивал себя определённой биологической защитой.

Но с наступлением цивилизации этот механизм обусловленного сознания всё больше оборачивается нетерпимостью, насилием и враждой. В условиях глобального мира эти конфликты могут принести беду и обернуться большими войнами.

5. МЫ – ЭТО МИР

Зная об этом, мы должны помнить о том, что конфликт, созданный этой биологической генетической программой, не является чьей-то виной, это не чей-либо «персональный моральный недостаток», но общая беда нашего обусловленного сознания.

Здесь проблема конфликта – в «неисправности» примитивной биологической системы мозга. Это можно назвать системным дефектом. Человеческий мозг, работающий на устаревшей программе, ориентирован на то, чтобы выжить, вызывая конфликт. По сути, мы рождаемся с этим ошибочным рудиментом, несущим нам большие проблемы.

Вот почему так важно увидеть и понять, что конфликт, исходящий из биологической предрасположенности, практически одинаков у всех людей. Конфликт, создаваемый обусловленным мышлением, исходящим из биологического мозга, есть антропологический конфликт, и он в своей основе присущ каждому из нас.

Ведь человеческий мозг как биогенетический комплекс структурно одинаков для всех людей. Содержание может быть разным в каждом из них, но мозг анатомически одинаков у всех людей.

Таким образом, то, что происходит со мной, происходит со всеми нами. Мы – мир, а мир – это мы. Реакции людей в этом плане можно просчитать и вовремя нейтрализовать мнимые угрозы, которые могут нас привести к уже реальным конфликтам.

Между тем неослабевающее стремление к выживанию продолжается уже многие тысячелетия с тех пор, как люди начали свое путешествие на планете Земля. Люди снова и снова пытаются укротить вызовы природы, приблизить к себе и одомашнить мир, сделав его безопасным и справедливым. От своих предков мы унаследовали не только эффективный опыт выживания, но и программы, которые ведут человечество к разрушению. Как говорится в старой поговорке: «Мы встретили врага, а он – нас».

Безусловно, технологически и с научной точки зрения мы продвинулись очень далеко, мы научились управлять тем, что раньше управляло нами. Но психологически, на уровне нашей биогенетической организации, мы всё ещё находимся в пещере невежества.

6. НЕУДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ КОНФЛИКТОМ

Зададимся вопросами, которые необходимо прояснить для укрощения насилия и поддержания мира. Быть может, генетически созданное биологическое стремление к выживанию побуждает людей к конфликту с целью самозащиты? Не является ли это стремление к выживанию ложным инстинктивным принуждением? Способны ли мы его контролировать? Могут ли знания освободить нас от ложных устремлений любой ценой выжить? Допустимо ли признать, что знания зачастую сами оказываются причастными к конфликту? Если это так, то какие факторы создают и поддерживают этот конфликт? Основаны ли они на изначально настроенной на противостояние биологической и инстинктивной системе выживания, которая парадоксальным образом вместо помощи человеку препятствует достижению мира?

Если мы основываем свои действия преимущественно на первичных инстинктах, которые и породили нескончаемый для человека конфликт, не нагнетаем ли мы тем самым его эскалацию? Не являются ли созданные человеком противоположные этноцентрические идеологии с целью идентифицировать себя с группой и социумом на самом деле вызовом миру и безопасности? Хотя когда-то в нашей эволюционной истории это могло сработать, не мешает ли это нам сегодня обустраивать мировой порядок? Ведь в современном мире усиливается сопротивление культур, в том числе

раскол между цивилизацией и архаикой. Не давит ли на нас всё ещё рудимент племенных идеологий? Какова роль культуры – музыки, живописи, литературы, в меняющемся мире, разделяют или объединяют нас сегодня культурные и расовые различия? Способна ли культура противостоять «этноцентризму», или она сама его порождает и поддерживает?

Как человеческие отношения становятся этноцентрическими, и что с этим можно сделать? Откуда взялась так глубоко укоренившаяся в нас потребность в идентификации? Что удерживает её в культуре вот уже на протяжении тысячелетий?

Очевидно, нам нужен диалог и обсуждение по этим вопросам. Понимая, что в основе всякого биологического существования лежит инстинкт выживания, мы должны определить, как не стать жертвой того, что изначально было призвано нас спасать. Может ли человек, продолжая следовать прежней модели выживания, быть в безопасности, свободным от провокаций, этноцентрических образцов поведения?

7. УГРОЗА: РЕАЛЬНАЯ И МНИМАЯ

Изначальная реакция мозга на предполагаемые угрозы была и остаётся основанной на принципе приостановки, сдерживания, борьбы или бегства с целью защиты и безопасности человека. Если кто-то направляет на нас пистолет, значит, угроза реальна и требует немедленной реакции. Однако если кто-то покажется нам потенциально опасным только из-за своей иной расовой, культурной, идеологической принадлежности, тогда угроза будет ложной и должна быть распознана и признана лишь как пугающий образ, созданный нашим воображением. Ведь сам этот образ не может навредить нам, как пистолет.

В определённых ситуациях наш древний воображающий мозг не может отличить настоящую угрозу от мнимой, предполагаемой опасности. Мозг одинаково реагирует как на реальные факты, так и на ложные устремления нашей фантазии по известному принципу: сражайтесь или бегите.

Будем надеяться, что человек достаточно разумен, чтобы осознавать эту существенную разницу, и он не будет реагировать на предполагаемую угрозу, не изучив её реальность. К сожалению, многие люди, предрасположенные в «вычисляющему» мышлению, не могут отличить воображаемую угрозу от реальной. Их ментальное кондиционирование – это рефлексивная реакция, что-то вроде того, как доктор постукивает нам по колену, чтобы посмотреть, как быстро оно дёргается. Обусловленный первичными рефлексами и стереотипами восприятия образ «врага» прочно

закрепился в нашем сознании и всякий раз подпитывается примитивными рудиментами прошлого опыта.

Может ли процесс саморегуляции и когнитивного понимания потенциально изменить эту глубоко укоренившуюся обусловленность, запрограммированную в нашем мозге? Прежде всего, нам нужно понять, что обусловленность мышления является не только поведенческим и психологическим синдромом, но также биологическим и физическим артикулятором, генетически укоренившимся в физиологии человеческого мозга на протяжении тысячелетий. Мы предлагаем, что эта генетическая структура, побуждающая нас конфликтовать, и даже готовится к войне, может быть позитивно преобразована путем создания надлежащей образовательной среды и креативного интеллекта.

Чтобы освободиться от обусловленного стереотипами мышления, вызывающего конфликт, нам необходимо осознать одну очень важную часть решаемой задачи: на первичном уровне мировосприятия знаниям места нет. Обусловленное мышление исторически раздробило и разделило человечество на противостоящие идеологии и этнические группы, и справиться с ним традиционными методами вряд ли возможно. Снова и снова мы безуспешно пытаемся разрешить извечную проблему конфликта, предлагая то или иное средство.

Безусловно, в мире науки и техники поиск преодоления конфликтов – вполне обоснованная и необходимая задача. Здесь знание, основанное на открытии физических законов, имеет исключительное

значение, без которого невозможно наше физическое выживание. Но, принимая это во внимание, важно также понять, какие знания мешают миру и какие помогают выправлять человеческое поведение, переводя его от насильственных действий к миротворческим практикам. Знания имеют место на так называемом среднем и высшем уровнях обучения, где навыки по разрешению и управлению конфликтов необходимы. Однако на уровне их первичной профилактики знания как таковые мало что дают. Здесь нужны иные подходы и стратегии.

8. ЭТНОЦЕНТРИЗМ

В тот момент, когда в мозге возникает пугающий образ «другого», знание само по себе не может его отменить. На самом деле, знание может только отложить правильное решение этой проблемы, поскольку, когда к ней относятся как к «проблеме», это означает, что когда-нибудь в будущем она будет решена. Но психологически будущего как такового нет. Будущее существует лишь как хронологический маркер.

Другими словами, оно есть некий условный образ, который всегда находится в пределах чьей-либо системы координат. Будущее реагирует на любой возбудитель, который проецирует на него обусловленное мышление, к примеру, образ «врага». Следовательно, любой метод или система знания лишь откладывает получение ожидаемого ответа на проблему, который необходим для «деактивации» этой генетической базы данных, биологически запрограммированного паттерна, лежащего в основе человеческого конфликта.

Можно представить эту биологически запрограммированную «первичную программу» в виде жёсткого диска в так называемых «реликтовых» частях мозга. Здесь можно также использовать аналогию с автомобилем без водителя. Этот автомобиль способен двигаться вперед, но без водителя он не тронется с места, или его движение будет неуправляемо.

Мыслительная деятельность человека есть своего рода программное обеспечение, где мозг

подобен цифровому диску и служит драйвером для генерирования и принятия тех или иных решений. Проблема в том, что он представляет собой этноцентрическую и эгоцентрическую обусловленность, дополненную различными культурными спецификациями.

Эта программная обусловленность активирует так называемый жёсткий диск и запускает определённые заданные им действия. Наше «старое» программное обеспечение, направленное на актуализацию первичного инстинкта выживания, лишь продолжает поддерживать наши этноцентричные отождествления с конкретной группой или сообществом. Однако эта устаревшая программа не столько разрешает конфликты, сколько их тиражирует.

Другими словами, ментальное программное обеспечение, позволяющее людям мыслить и принимать решения, в известной мере, повреждено, оно слабо адаптируется к меняющимся условиям жизни и никак не гарантирует реальное выживание и благополучие человека.

Конечно, в условиях небольшой численности населения (малой группы людей) данная программа не представляла серьёзной проблемы для общества и на определённых исторических этапах поддерживала жизнеспособность социума. Я полагаю, что эта давняя перегруженная предрассудками ментальная программа, устраивающая наших предков и позволяющая им веками выживать, сегодня сильно устарела и угрожает нашей физической безопасности.

Ведь по мере количественного роста населения и усложнения социальных связей эта программа становилась скорее проблемой. Исторически она пыталась обеспечить выживание всех групп, которые в глобализирующемся мире усиленно противостоят друг другу, соревнуясь за ограниченные ресурсы. Каждая группа была направлена на то, чтобы любой ценой выжить, даже в ущерб другим. Это приводило к так называемому «этноцентризму».

Оксфордский словарь английского языка определяет *этноцентризм* как «отношение к собственной расе или этнической группе как к наивысшей ценности с верой в превосходство своей собственной этнической группы». Пытаясь сегодня установить мир, мы, по сути, продолжаем следовать этой опасной этноцентрической стратегии выживания. Тем самым, мы неосознанно воссоздаём конфликт по устаревшим лекалам этноцентрического восприятия, в основе которого лежат *борьба* и *бегство*.

Так как же мы пытаемся решать проблемы человеческого конфликта? Большая часть внимания и ресурсов в достижении этой цели приходится на так называемый третий уровень когнитивного воздействия, направленный на управление конфликтами. Первичным уровням укрощения конфликтов уделяется слишком малое внимание, и потому насилие продолжается.

К сожалению, мы не придаём значения *первичной* профилактике конфликтов, корректировке этноцентрической модели поведения, которая продолжает реактивировать наши предрассудки и

поступки неадекватным образом. В некоторой степени мы учитываем лишь поведенческие или психологические аспекты, но редко, если вообще когда-либо, обращаем внимание на их первооснову, локализованную в физиологической структуре мозга.

Итак, мы продолжаем снова и снова пытаться решить проблему конфликта лишь с помощью знания. Мы всё ещё сильно привержены устаревшему способу мышления, ставя цель укротить конфликт рациональным путём, и тем самым отодвигаем его решение в будущее. Но поведение человека можно изменить только здесь и сейчас, в самом актуальном настоящем. Нельзя прийти к согласию, если его всякий раз нет с человеком, или оно отодвинуто в будущее.

Эта сентенция великого гуманиста подтверждает, что традиционные академические подходы к миру только сбивают нас с толку, запугивают и, следовательно, откладывают реальное понимание причин, которые порождают конфликт в данный момент. Как раз именно тогда, когда конфликт овладел нами, мы можем освободиться от его деструктивного воздействия, обусловленного этноцентрическим мышлением.

Другими словами, мы никогда не сможем закончить войну и обрести вечный мир где-то там, в будущем, потому что для психологического восприятия будущего нет. Это иллюзия. Нам нужно понять, что мешает миру сейчас, а не «как» его достичь. Вопрос «как добиться мира?» основывается на традиционной нелогичности, которая изначально привела нас к конфликту.

Отметим, что мы обращаемся к первичному уровню предотвращения конфликтов, распознавая основополагающие причины того, что мешает миру. Разумеется, на вторичном или высшем уровнях познания (в разработке способов разрешения и управления конфликтами) определенные академические дисциплины могут внести ясность. Но они не останавливают и никогда не останавливали конфликт. Реальный путь укрощения конфликта – в осознании и понимании первичного уровня его предотвращения.

Сами по себе знания в силу своей природы основаны на сравнении. Но сравнения часто провоцируют людей на конфликты из-за разнообразия их суждений, видений и идеалов. Поэтому данный подход малопродуктивен в предотвращении или решении конфликтов.

Сталкиваясь с опасностью, наше воображение конструирует в нашей голове образ «врага». Это происходит автоматически с помощью генетически закрепленного инстинкта выживания. Он вступает в игру, когда человек испытывает тревогу, угрожающий вызов, реальный или предполагаемый (воображаемый). Важен также образ, который мы имеем о себе – ощущение себя, своей идентичности, своё обусловленное мнение, которое мы приобрели в жизни благодаря включению себя в культурный и социальный процесс. Но и этот образ себя часто становится ещё одним источником конфликта, особенно в ситуации встречи с другой культурой, религией, идеологией и пр., то есть с теми людьми,

кто не придерживается закреплённого за нами образа жизни.

Кажется, что мы живем в доме зазеркалья – в мире противоречащих и противоположных представлений о себе. Эти представления фрагментируют и разделяют человечество на противоположные идеологии и тем самым вновь и вновь вызывают конфликты.

У всех живых существ, включая людей, есть инстинкт выживания, генетически встроенный в ДНК. Но разница между людьми и животными заключается в том, что люди могут думать, воображать. Мы можем создавать в своей голове образы «врага», противника, нередко тиражируя и распространяя их на большие группы людей, в ошибочном, всеохватном и безоглядном стремлении выжить.

Но трагическая ирония состоит в том, что эти образы зачастую являются иллюзиями, они проецируют в нашей голове мнимые угрозы. При этом они остаются всего лишь образами, имагинативными представлениями, но которые ограничивают нашу свободу частоколом предрассудков и предубеждений. В какой-то момент мы сами придумываем себе проблемы, дополняя и усиливая их всевозможными расовыми, идеологическими, эстетическими, этическими, символическими, языковыми историями и барьерами.

Но в самих мыслях и в образах мы не найдём для себя и для других настоящей безопасности. Они часто обманывают нас, старательно вводя в желанное, но

мнимое восприятие реальности, заставляя поверить в их способность нас защитить.

Между тем всё превратно воображаемое и нагнетаемое эмоциями фрагментирует жизнь отдельного человека и человеческой расы, провоцирует людей на столкновение, потворствует высокомерному этноцентризму в борьбе за господство, власть и контроль. Эти деструктивные фантазмы нашей мысли чрезвычайно опасны, и когда дело доходит до их защиты, они способны на крайние меры, вплоть до войны.

Я вспоминаю одну молодую девушку, которая много лет назад, спасаясь от войны, сбежала из Боснии. В ночь перед началом войны она устраивала вечеринку со своими друзьями, которые в то время были представителями различных этнических групп. На следующий день, когда разразилась война, её стали воспринимать как «врага». Ведь она принадлежала к тому этническому меньшинству, от которого исходила угроза. Девушка подверглась нападению со стороны своих же, казалось бы, самых верных друзей, с которыми устраивала вечеринку. Ей едва удалось спастись. Эти образы воображаемой (мнимой) угрозы провоцировали безудержное насилие, нарастали как снежный ком, распространяясь на большие группы ни в чём неповинных людей. В результате разгорелась большая война, приведшая к многочисленным жертвам и невиданной национальной трагедии.

Зададимся ещё одним вопросом: если бы головы людей не были захвачены пугающими образами

«врага» и разделяющими их предрассудками, началась бы война и случилась бы эта трагедия?

Этот случай заставил меня ещё раз задуматься над причинами конфликтов и войн. Предопределены ли мы к войне? Касается ли история боснийской девушки всех, или это только частный случай? Что заставляет людей убивать тех, кто, по их мнению, представляет угрозу только потому, что их этнические и культурные ценности различаются? И тогда я понял, что в основе этих драматических событий лежат общие антропологические причины – реакция нашего мозга на самый примитивный источник раздражения, который столкнувшись с угрозой, стал с эффектом домино мгновенно тиражировать образ «врага», вызывающего страх, а затем запускающего систему борьбы, бегства, мести и насилия.

Я понял, что исправить эту ситуацию простым набором рациональных убеждений будет невозможно. Это только обострит разразившееся противостояние. Мысль не способна в этой ситуации себя контролировать, но при этом в состоянии спровоцировать ещё один конфликт.

Мысль была необходима (то, что я здесь и сейчас делаю), чтобы передать мою реакцию на увиденное словами, но это не есть сам процесс примирения, который останавливает возбуждённое войной состояние обусловленного разума. Мои слова исходят из моего переживания, из факта непосредственного осознания драматичной ситуации, моей реакции на неё. Но слова – сами по себе не есть вещь, описание – не событие, всякое объяснение или примеры – это

всего лишь слова, абстракции, которые слишком часто создают приукрашенную (сверхчувственную, воображаемую) реальность. Обращаясь к разуму, мы стремимся найти ответ или решение насущной проблемы, связанной с пониманием и преодолением конфликта, мешающего поддерживать мир и согласие между людьми.

В тот момент я понял, что важнее всего в достижении мира – это освободить нас от тяжелого груза обусловленного мышления. Разве не это мы все ищем? По иронии судьбы, мы были слишком заняты поиском чисто рациональных средств разрешения конфликта. Мы искали причины деструктивных действий в другом месте, выходя за границы самого конфликта. Почти всегда мы занимались нескончаемым поиском решений проблем конфликта, пытаясь отыскать своё спасение в знаниях, в методах, в способах, в определениях, в объяснениях… При этом забывая о главном – об обусловленном мышлении и порождённых им предрассудках – главной помехе в деле созидания мира и согласия.

Существенный вопрос заключается в следующем: можем ли мы освободиться от этого разрушающего нашу жизнь генетического наследия, или мы навсегда будем привязаны к своим примитивным инстинктам, которые не в силах преодолеть?

Глядя на детей, мы видим, что эта проблема решается достаточно просто. Ведь они свободны от большинства социальных условий, которые создают эти психологические барьеры. Хотя у них есть свойственная всем людям предрасположенность к

мыслительной обусловленности, иначе говоря, к той «первичной программе», заложенной в нас генетически для обеспечения удовлетворения потребностей физического выживания.

Здесь можно говорить о так называемой «социальной стратификации», поскольку ребёнок биологически обусловлен отождествлять себя с конкретной и узнаваемой им социальной группой (семьёй). Это позволяет ему быть уверенным в безопасном удовлетворении своих физических потребностей и защите. На протяжении десятков тысяч лет эта программа защитной идентификации закладывалась в нас как своего рода механизм выживания. Эта программа тем самым обеспечивала генетическую или унаследованную основу самозащиты человека.

Данная биологическая программа привязана к самым примитивным инстинктам выживания. Эти инстинкты запускают механизм борьбы или бегства в лимбической системе мозга. Этот механизм активируется в сильном естественном импульсе или автоматическом и непроизвольном рефлексе при возбуждении или вызове.

В современные исследования влияния генетики и наследственности на поведение, психологи, как уже отмечалось, включают теорию инстинктов, которая объясняет, что наше поведение и мотивация проистекают из преимущественно биологического, генетического программирования.

Поскольку каждый вид имеет одни и те же мотивации – самая сильная мотивация – это программа выживания. Все наши действия по

реализации этой программы, так или иначе, связаны с первичными инстинктами. Благодаря естественному отбору люди, даже с небольшим потенциалом к социальной адаптации, оказывались наиболее приспособленными к меняющейся жизни. Они обычно жили дольше и становились более успешными в передаче своих генов будущим поколениям.

Несмотря на то, что первичная биологическая программа, нацеленная на выживание, в условиях современного мира уже не может улучшить нашу приспособленность к переменам, «эоны» нашего стремления защитить себя продолжают влиять на наше поведение. Особенно сильно наша предрасположенность к первичным механизмам выживания проявляется в критических ситуациях, именно тогда ситуативные сигналы пробуждают в нас древние инстинкты.

И снова зададимся вопросами: какое социальное поведение запускает программу биологической защиты, и разве этот процесс не связан с естественным отбором, в котором побеждает сильнейший? Как обеспечить наше выживание, не генерируя и не провоцируя конфликты? Является ли эта биогенетическая программа «основной» в системе нашего жизнеобеспечения, или есть иные способы более эффективной безопасности людей?

Теперь возникает важный вопрос: если стратегия биологической защиты, основанная на наших древних инстинктах, сама по себе не зависит от воли и сознания человека, то никто не виноват в том, что она провоцирует конфликты?

Если это так, то это не столько моральная проблема, поскольку в нашей биологической системе выживания нет хорошего или плохого поведения, но есть лишь обусловленное этой защитной реакцией поведение, которое инстинктивно запрограммировано в нас целью выживания.

Если это правда, то неужели мы обречены на то, чтобы подчиняться этой устаревшей программе и, следовательно, вести бесконечную войну друг с другом? Некоторые называют это «социальным дарвинизмом», имея в виду, что мы биологически пойманы в эволюционную ловушку времени, и выбраться из неё практически невозможно.

Так ли это? Быть может, есть иной путь решения антропологической проблемы выживания? Способен ли он эффективно и быстро нас защитить?

9. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ПРОПРИОЦЕПЦИЮ

Итак, что мы можем предложить в качестве текущей задачи преодоления устаревшей и опасной биологической программы нашей генетической предрасположенности к выживанию в нынешних условиях? Должны ли мы, и можем ли мы её откорректировать или освободиться от ее пагубного воздействия?

Прежде всего, необходимо распознать, что поддерживает эту первичную биогенетическую программу – инстинкты выживания? Её поддерживают наиболее древние морфологические структуры человеческого мозга. Давайте снова воспользуемся аналогией с тем, что эта основная программа представляет собой что-то вроде автомобиля без водителя, который если бы был внутри него, подсказал бы, что делать и куда ехать. Здесь автомобиль – наши инстинкты, водитель – человеческий разум. Но проблема усугубляется тем, что сам автомобиль не отвечает требованиям современной жизни. По сути, он устарел и неисправен, и даже вместе с водителем он плохо управляем. И кажется данная ситуация неразрешима.

Между тем всё можно исправить почти мгновенно, если мы подойдём к этой проблеме с правильной точки зрения. Ключ к её решению – в осознании того, как мысль создаёт и поддерживает конфликт, в понимании тех биологических импульсов нашего мозга, которые вынуждают человека проецировать врага и вступать с ним в

непримиримую борьбу. Мы редко подвергаем сомнению наш мыслительный процесс, представление о том, что сама мысль способна загонять нас в ловушки и порождать конфликты.

Вместо решения конфликта здесь и сейчас, мы строим планы на будущее, разрабатываем теории, распространяем концепции и стратегии миротворчества. Как точно подметил Джон Леннон: «Жизнь проходит мимо нас именно в тот момент, когда мы строим планы».

На протяжении тысячелетий мы подходили к укрощению конфликта лишь через знание, обращённое в будущее, а следовательно, откладывая решение проблемы на неопределённое время. Времена менялись, но, как и прежде в жизни людей идёт война за войной, конфликт за конфликтом.

Теперь мы рассмотрим наш подход, основанный на понимании того, откуда и как генерируется конфликт. В этом, как мне представляется, ключ к решению проблемы. Понимание или осознание самого факта неизбежного противостояния уже на уровне его первичного вызова может облегчить страдания, вызванные человеческим конфликтом. Всё, что связано с конфликтами в жизни человека, так или иначе, зависит от наших мыслей. «Когда возникают мысли, тогда возникает всё. Когда исчезают мысли, исчезает и всё» (Хуанбо Сиюнь).

Сама по себе мысль бесконтрольна и может усугубить и без того опасную ситуацию противостояния. Ведь мысль не осознаёт себя, она не может выйти за пределы себя и посмотреть на себя со стороны. Поэтому мысль не ведает о том, как она

произошла, во что вовлечена и в чём участвует. Она невосприимчива ко всему этому. Но возможно ли сделать мысль «проприоцептивной», то есть позволить мысли осознавать себя. Обычно мысль признаёт за конфликтом *проблему* и ставит перед нами задачу найти ответ или решение для неё.

Таким образом, мысль проецирует на нас ответственность за понимание и разрешение конфликта, который сам порождён обусловленным мышлением. Поскольку этот процесс разворачивается инстинктивно, мы его не осознаём.

Как считает знаменитый физик Дэвид Бом:

«Можно сказать, что практически все проблемы человеческой расы связаны с тем, что мысль не является *проприоцептивной.* Мысль постоянно создаёт проблемы, а затем пытается их решить. Но когда мозг пытается их решить, мысль не замечает, что сама вызывает тревоги. Чем больше человек думает, тем больше мысль создаёт ему проблем – потому что сам мозг не может учитывать и контролировать свою деятельность».

Проприоцептивное обучение – это врожденная способность к психологической самокоррекции. Эта способность является самостоятельной в том смысле, что она видит то, что вредно для мышления, и в момент интеллектуального осознания сводит на нет эффект обусловленного мышления, делая его неэффективным. В этом смысле не нужно ничего делать, потому что проприоцептивное обучение само по себе является самокорректирующимся.

Как было сказано ранее, в решении социальных проблем и разногласий малопродуктивно

использовать лишь рациональные технологии. Зачастую сама мысль, направленная на разрешение конфликта, обостряет его ещё сильнее, поскольку мысль прежде всего обусловлена биологической программой мозга, пытающегося обеспечить наше выживание устаревшим, и потому в нынешних условиях ошибочным, нелогичным способом. Мысль не хочет видеть, что она делает, потому что не способна разрушить природу своей обусловленности.

Быть может, здесь и не стоит ничего менять. Ведь биологическая программа выживания и обусловленное им мышление гарантируют существование человека на протяжении всей его истории. Такая привычная практика создаёт «зону эндорфинового комфорта» и позволяет нам поддерживать безопасность с помощью нашего воображения. Любой вызов этой привычной ситуации, затрагивающей наши чувства незащищённости, рассматривается как угроза безопасности.

Например, мы сильно сопротивляемся новым идеям, которые ломают наши уже сложившиеся представления. Как заметил великий русский поэт А.С. Пушкин: «Привычка свыше нам дана, замена счастию она». Мы не хотим отказываться от этого привычного, пусть и воображаемого, нам комфорта. Почему же мы должны его изменить?

Люди цепко держаться за обыденность своего существования, подчиняясь требованиям генетически обусловленного инстинкта выживания даже тогда, когда в отношениях друг с другом они испытывают трудности и разочарования от нарастающих проблем.

Часто их захватывают эмоции и амбиции в борьбе за власть, богатство и территории, во имя которых они готовы культивировать насилие и расширять конфликты. И в этой борьбе задействован весь арсенал биогенетических механизмов выживания и нагнетающие агрессию стереотипы обусловленного мышления.

В этом искажённом стремлении к выживанию была создана чрезвычайно ненормальная, опасная и слепая тяга ко всему эго- и этноцентричному, в безудержном порыве непрерывно возвышать отдельную этническую группу над всеми остальными, одержимо конкурировать за ненасытные потребности, расширять своё влияние в ущерб интересам других.

Как следствие, мы видим обострение борьбы между группами, идеологиями, конфессиями, политическими движениями, этносами и даже цивилизациями. Они вторгаются друг в друга в этой реактивной и примитивной решимости, быть во что бы то ни стало сильнейшим, нарастить свою военную силу и доминировать над другими.

Всё это запускает перманентную финансовую войну во имя экономического процветания одной нации и подчинения ей всех остальных. Налицо одержимо управляемое примитивное стремление выжить за счёт других. Как это ни парадоксально, такая стратегия выживания патологична и губительна как для тех, кто её продвигает, так и для тех за счёт кого она осуществляется. В современном мире нельзя выжить в одиночку, и эго- и этноцентризм одного способен уничтожить всех.

Так что же нам делать? Прежде всего, следует отказаться от такой устаревшей, основанной на биологических рудиментах, и, в нынешних условиях, просто убийственной программы выживания. В основе этой программы – не действие для взаимодействия, но – уничтожение. Отмена этой ошибочной программы возможна через осознание и понимание того, что мешает достижению реального мира. Важно освободить себя от предрассудков и предубеждений преследующего обусловленного мышления и всего того, что так крепко привязывает к нему людей через их эго- и этноцентричные побуждения.

Можно подумать о том, что нас с детства будто бы запихнули в стеклянную банку с плотно закрученной крышкой, где по мере роста мы задыхаемся. Не только мысли, но и чувства умирают внутри этих банок. Становясь взрослым, человек испытывает давление заложенных с детства предрассудков, которые не дают ему по-настоящему жить. Такое существование никак не может быть названо жизнью – в нём нет воздуха, простора, движения…

Итак, с чего мы начнем, чтобы преодолеть эту устаревшую адаптивную программу нашей жизнедеятельности?

Известно, что всё главное и ценное закладывается в человека с детства. Неслучайно психоаналитики в объяснении проблем взрослой жизни обращаются именно к детству.

Вот почему так важно защищать детей от оголтелого вторжения предрассудков и

предубеждений. Само по себе детское мышление ещё свободно от жёстких и эгоцентричных стереотипов восприятия действительности. И здесь многое можно исправить и изменить к лучшему для будущей достойной и благополучной жизни человека.

Для большинства взрослых что-то менять уже слишком поздно. Их вычисляющее и расчётливое мышление всякий раз ищет замысловатые и сложные объяснения, оправдывая даже самые абсурдные поступки в интересах древних биогенетических структур мозга и обусловленного сознания. Мы не можем различать сквозь «миазмы» этого ментального самообмана истинные и мнимые угрозы. Подобно китайской головоломке с пальцами взрослые попадают в эту безвыходную мыслительную ловушку.

В чём важность понимания природы обусловленного мышления? В каком контексте его необходимо исследовать? И в какой обстановке его лучше наблюдать? Ключом к ответам на эти вопросы являются контексты посягательств и придирок, сопровождающих человека – от детской площадки до поля боя.

Никто не может избежать всяческих нареканий и издёвок в свой адрес. В течение жизни каждый человек сталкивается с этим не раз. Обсуждение феномена буллинга может быть значимо не только для понимания обусловленного мышления, но и для сугубо практической цели – усмирения человеческого конфликта. Некоторые люди полагают, что издевательства – это лишь синдром взросления. Например, распространённое представление о том,

что все мальчики должны научиться бороться с обидчиком. Но изучение различных видов буллинга предоставляет нам более глубокие свидетельства для исследования всей основной структуры конфликта – природы и спецификации обусловленного мышления.

Весь обширный комплекс учебных программ «Молодежная грамотность в духе мира» разработан педагогами Общества «Атриум» для решения неотложных задач, вызванных конфликтами, и особенно в нашей повседневной жизни. Чтобы исправить этот неадаптивный процесс, необходимо выстроить систему правильного гуманистического образования, чтобы ещё раз взглянуть на устаревшую программу наших действий и не допустить нагнетания конфликтов.

Нам нужно отделить мнимые угрозы от реальных вызовов. В этом свежем осознании, свободном от интеллектуальных предположений и расчленяющего реальность анализа, мы можем без ложных предубеждений понять конфликт и тем самым правильно отреагировать на его вызовы. Конфликт – это не проблема, которую нужно решать, но реальность, которую нам необходимо наблюдать для того, чтобы понять и повернуть её в сторону миротворчества, созидания и добродетели.

В сегодняшнем мире существует множество ложных и опасных стереотипов, которые тиражируют запугивание повсюду – дома, в школе, в офисе, между странами. Предпринимаются самые разные попытки остановить насилие, порождаемое предрассудками, но они всё ещё с нами, и конфликты продолжаются.

Что вызывает это предубеждение и делает его таким устойчивым в нашей жизни? Причина вне меня – в других, или она сосредоточена в моей голове? Как только мы поймем природу предрассудков, как и где они возникают, что их поддерживает, мы перестанем действовать в их интересах. Тем самым остановим их пагубное и бесконтрольное воздействие на нашу жизнь. Если мы увидим, что являемся источником этого предубеждения, мы не будем искать виноватого и перекладывать ответственность на других людей.

Правда в том, что единственный способ предотвратить травлю – это начать внутри нас самих распознавать причину этих деструктивных столкновений и того воинствующего самообмана, который мы привыкли доверительно принимать. Все непримиримые споры, конфликты и войны возникают из-за деструктивного характера разногласий, в основе которых лежит синдром этноцентрического превосходства, предвзятые образы врага, настороженное восприятие или даже страх всего чужого. Источником деструктивной обусловленности в поведении людей, ещё раз повторю, является реакция нашего примитивного мозга, принуждающая нас чаще всего неоправданно ощущать угрозы для своего выживания.

Итак, как уже было отмечено в этой книге, принуждение к посягательствам и травле – это биологический и генетический синдром, оставленный нам нашими древними предками и до сих пор идущий по жизни вместе с человеком. Опасность в том, что мы продолжаем принимать его как само собой разумеющуюся данность. Больше того, склонность к

силовому принуждению нередко рассматривается как доблестный мужественный поступок. Помимо этого, любой человек в группе, который кажется слабым, становится потенциальной угрозой для её выживания. По этой причине слабого третируют, исключают или изгоняют из группы. И всё ради ложного стереотипа любой ценой выжить.

Что освободит нас от этого разрушительного предрассудка – выживает только сильнейший? Как мы уже показали ранее, человека освободит не столько знание как таковое, а скорее способность видеть и отслеживать внутри себя реальное движение мысли, принуждающей нас действовать предвзято и деструктивно. Предрассудки есть те знания, которые движимы укоренившимися в нас древними структурами мозга. Предубеждённый образ, который заставляет думать о другом предвзято – это то, что разделяет нас и создаёт конфликт.

Дело не в том, каким предстаёт образ врага в вашей голове, а в том, как он создаётся – зарождается в мозгу. Понимая весь этот цикл воображаемых манипуляций, мы сдерживаем себя в нападках на другого, принимая то, что образ врага чаще всего есть лишь условный знак, имагинативная конструкция.

Следовательно, нам нужно смотреть на сам биологический источник регистрации и дислокации конфликта, и ни в коей мере не проецировать его пугающие образы на другого человека, которого мы запрограммировали считать угрозой для нас.

Таким образом, в конфликте, порождённом архаическими структурами биогенетической программы нашего мозга, нет чьей-либо вины – это

не «моральный недостаток» – это не моя вина и не вина другого, но следствие когнитивных искажений обусловленного мышления. Это можно назвать системным несоответствием архаической программы нашего мозга тем реальным жизненным процессам, которые он пытается отследить, и на которые пытается отреагировать наше сознание.

Мозг, запуская механизм защиты и выживания, не считается с моральными и интеллектуальными ценностями. Мозг исполняет свою многовековую важную работу, но избыточно подстраховывая нас в трудные минуты, он загоняет нас в ловушки обусловленного мышления, тем самым принуждая нас смотреть в лицо конфликту и угрозе, пусть даже мнимым и воображаемым.

10. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ БОЕВЫЕ ИСКУССТВА КАК МИРОТВОРЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Важно понять источник насилия, природу и структуру конфликта в человеческом сознании. Это главное. Необходимо также показать технологии, которые конструктивно позволяют укрощать конфликты и усмирять насилие.

Здесь представляется исключительно полезным использовать опыт боевых искусств как культурную практику в различных символических, ментальных, эстетических и художественных проявлениях. Я рассматриваю боевые искусства как философию поведения и стратегию управления разумом. Это как некая модель культуры или ритуально-символической практики, где мы можем воссоздавать и экспериментировать с различными конфликтными (стрессовыми) ситуациями в культуре. Я полагаю, что боевые искусства выступают значимой частью в арсенале наиболее эффективных средств в преодолении конфликтов и насилия.

Я хочу объяснить, почему я выбрал боевые искусства в качестве средства разрешения конфликтных ситуаций мирным путем. Обычные боевые искусства сами по себе ещё недостаточны для укрощения насилия. К ним необходимо приложить умственные навыки работы над собой.

Много лет я занимаюсь боевым искусством, и весь мой опыт свидетельствует о том, что в них заложен мощный потенциал для культивирования гуманистических ценностей и реального

миротворчества. Я продвигаю боевые искусства, предназначенные для того, чтобы противостоять насилию, сочетая с ними умственные навыки разрешения конфликта, искусство управления собой, ролевые игры и другие символические практики.

Всё это позволяет быть уверенным в себе при встрече с потенциальным конфликтом, не реагировать на страх и правильно управлять ситуацией в момент физической угрозы.

Ключевым моментом в боевых искусствах в противостоянии с насилием является то, что, практикуя их приёмы, они усмиряют деструктивные вызовы рудиментарных структур мозга, тем самым обеспечивают условия для спокойного реагирования на конфликт, при этом сохраняя безопасные и контролируемые позиции всех участников потенциальной угрозы. Не прибегая к нагнетанию конфликта с помощью безоглядных суждений (предубеждений) и анализа, которые часто только разжигают страсти, боевые искусства преобразуют деструктивную ситуацию в позитивную мироутверждающую практику.

Тем самым, противостояние превращается в искусство управления конфликтом и эффективным способом примирения. Примером тому является искусство каратэ. Полагаю, что так называемые интеллектуально продвинутые боевые искусства особенно необходимы и полезны для молодых людей в изучения и освоении «первой линии обороны» в потенциально насильственной ситуации.

Программа «Боевые искусства для мира», разработанная и продвигаемая мной уже много лет,

основана на том, что я называю «S.O.S.» http://www.bravenewchild.org/atrium/, которая культивирует различные гуманистические практики с использованием миротворческого потенциала боевых искусств.

Безусловно, следует всегда обращать внимание на контексты, чтобы с пользой освоить эти ненасильственные навыки. Боевые искусства в правильном и продвинутом интеллектуальном сопровождении дают более надёжные технологии управления конфликтной ситуацией, даже там, где академические школы не справляются с этим.

Дело в том, что интеллектуальные боевые искусства позволяют сформировать для разрешения конфликтов особую творческую среду в отличие от обычных видов физической самообороны.

В своей миротворческой образовательной деятельности я пытаюсь показать конструктивные возможности реальной профилактики и разрешения конфликта средствами креативных и игровых практик, включая боевые искусства и спортивные единоборства. Я всегда объясняю своим ученикам, почему я выбрал боевые искусства в качестве средства разрешения конфликта ненасильственным путем.

При этом я пропагандирую боевые искусства, которые развивают навыки умственных боевых искусств, основанные на опыте и ресурсах культуры. Обучая боевым искусствам как глубоко гуманистической практике, можно научиться преодолевать страх и предубеждения при встрече с иным культурным миром, видением, стилем жизни.

Почти все конфликты обусловлены нашим сознанием и стереотипами мировосприятия, которые нагнетают страх в ситуации неопределённости и беспомощности. С помощью боевых искусств и осознания причин конфликтности удаётся побороть значительную часть свойственных человеку предубеждений, включая ксенофобию. Я практикую эти культурные «умные формы» преодоления страха, ведь они позволяют нашему мозгу полностью контролировать свою безопасность и согласие с окружающими людьми. То есть лучший способ преодолеть насилие – укротить его с помощью разума и искусства.

Такая практика лучше всего представлена в искусстве умной борьбы или в рационально выстроенном боевом искусстве. Как я показываю, она прежде всего необходима молодым людям для развития «первой линии обороны» своей культуры в потенциально насильственной ситуации.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МИР:
ЧТО ЕГО СОЗДАЁТ,
КАК ЕГО ДОБИТЬСЯ?
ПРОБУЖДЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТА

PEACE:
WHAT CREATES IT?
THE AWAKENING OF INTELLIGENCE

Предлагаемая вниманию читателя третья часть тематической трилогии рассматривает ключевые вопросы понимания первопричин войны и мира, насилия и согласия, хаоса и порядка во взаимоотношениях людей, народов и культур. Что есть мир? Из чего он складывается? Что ему мешает? Как его добиться? Как не оказаться в плену предрассудков? И в чём состоит сила творческого интеллекта, способного освободить мир от стереотипов и вызовов обусловленного мышления? Ответы на эти вопросы позволяют заглянуть за кулисы большой и беспокойной человеческой жизни, найти там что-то важное и полезное, и прояснить то, что может сделать наш мир лучше и безопаснее. Для решения неотложных задач современности нам необходимо перейти от самообмана и мифологем обусловленного мышления к силе творческого интеллекта, способно действительно объединить расколотый мир через знание того, что ему мешает и что его может спасти. Мир не может держаться на силе, но только на понимании и ответственности каждого из нас.

Мир не может держаться на силе,
но только на понимании

Peace cannot be kept by force,
It can only be
achieved by understanding

1. НЕКОТОРЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

Предлагаемая вниманию читателя третья часть книги под названием «Мир – что его создаёт, как его добиться? Пробуждение интеллекта» есть третья часть тематической трилогии, в которой автор рассматривает ключевые вопросы понимания первопричин войны и мира, насилия и согласия, хаоса и порядка во взаимоотношениях людей, народов и культур.

Что есть мир? Из чего он складывается? Что ему мешает? Как его добиться? Как не оказаться в плену предрассудков? И в чём состоит сила творческого интеллекта, способного освободить мир от стереотипов и вызовов обусловленного мышления?

Ответы на эти вопросы позволяют заглянуть за кулисы большой и беспокойной человеческой жизни, найти там что-то важное и полезное и прояснить то, что может сделать наш мир лучше и безопаснее.

Сегментированная структура текста дает возможность читателю «остановиться и подумать о том, что он или она только что прочитал». У читателя

должно быть собственное пространство для размышлений. Это позволит перейти от монолога к общению с читателями. Ведь мир находится в живом размышлении, где каждое слово (предложение, отрывок) имеет в сознании читателя свой отклик. Здесь слово не подчиняется непрерывному потоку речи. Такой формат мы можем назвать демократизацией слов (сегментов). Громкие слова в непрерывном потоке порождают большие предрассудки. Тогда как мир входит в разум человека не потоком, а частями.

Я предпочёл в изложении своих идей сегментированную структуру текста, разместив его в виде отдельных тематических абзацев. Мне кажется, именно такая композиция делает представленные в книге идеи более доступными для понимания. Читатель получает возможность идти по тексту с остановками для размышления над прочитанным. Ведь в вопросах о мире и войне нельзя всё сводить вместе, торопиться с выводами, принимать скоропалительные решения. Данная тема требует сосредоточения, тишины и проницательности.

Каждый сегмент текста предлагает читателю подумать о природе конфликта и насилия, о том, как научиться наблюдать за происходящим и принимать правильные решения. Здесь важно задуматься над прочитанным текстом.

Все тематические абзацы книги представлены в виде авторских посланий. Они содержат основные идеи и размышления для понимания культуры мира и препятствующих ему ментальных ловушек обусловленного мышления. Каждый абзац

сопровождается вопросами, адресованными читателю. Автор считает необходимым и полезным озадачить читателя и пробудить в нём профессиональный интерес и желание во всём разобраться самому, опираясь на предложенные ему ключевые идеи, интеллектуальные разработки и многолетний опыт по теории и практике миротворческой деятельности.

Я намеренно избегал каких-либо ссылок на литературу, чтобы не сбивать с толку читателя, оставив его наедине с предложенными ему моими мыслями по теме войны и мира. Я исходил из того, что существующая обширная историографическая база самых разных источников и библиографических сведений (при всей их безусловной значимости) перегружает восприятие читателя и заслоняет путь к поставленной в этой книге цели. Я принимаю во внимание, что заинтересованный читатель всегда найдёт возможность что-то уточнить, прояснить и дополнить для себя из других источников, если посчитает это нужным. Бесконечно листая справочные страницы мириад книг по теории воспитания в духе мира, мы можем найти буквально сотни и тысячи других сочинений с гигантским перечнем ссылок. За каждой ссылкой стоят другие, за другими третьи и т. д. В геометрической прогрессии их число может быстро увеличиться до миллионов, учитывая, что некоторые из ссылок уводят нас в прошлое на многие годы, а некоторые даже на столетия.

Это похоже на историю Алисы в Зазеркалье, в котором она вместе с Красной Королевой постоянно бегает, но остается на одном месте.

«Неужели мы не стронулись с места ни на шаг? – вопрошает Алиса.

– Ну, конечно, нет, – ответила Королева. – А ты чего хотела?

– У нас, – сказала Алиса, с трудом переводя дух, – когда долго бежишь со всех ног, непременно попадешь в другое место.

– Какая медлительная страна! – сказала Королева. – Ну, а здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать, по меньшей мере, вдвое быстрее!»

Таким образом, мы попадаем в бесконечный лабиринт мыслей, так и не найдя окончательных ответов на эти вопросы, которые действительно помогали бы правильно понять и сконструировать мир. Почти все известные работы по миротворчеству, скорее, помогают отложить решение проблемы на будущее. Но мир не знает будущего, его нужно создавать здесь и сейчас. Откладывать необходимые и неотложные сегодня миротворческие действия на потом, значит снимать с себя ответственность и лишь замораживать конфликт для будущих поколений. Мир состоит из актуальных моментов, затрагивающих нас именно сегодня. Мир – это то, что ждёт нашего неотложного участия. Игнорирование этого факта не позволяет эффективно противостоять насилию и останавливать конфликт. Очевидно, что все исторические попытки нейтрализовать войну с

помощью обращённых в будущее проектов, концепций и идеологий оказывались тщетными. Это приводит нас к осознанию того, что мы тысячелетиями смотрели в неправильном направлении. В поисках эффективного средства разрешения конфликта мы всякий раз уводили мысль от настоящего в будущее. Оторванная от реальной проблемы мысль создавала новое противоречие и гарантировала нам ещё один конфликт в будущем. Другими словами, сама по себе мысль не осознает, что она делает. Она всегда устремлена в будущее, полагая, что «проблема» и её «решение» находятся «где-то там», вдали от беспокоящей нас сегодня реальности.

Хочется надеяться, что изложенные в книге материалы позволят читателю посмотреть на мир и его созидательные возможности проникновенно и непредвзято для того, чтобы отстоять его от вековых посягательств, конфликтов и насилия.

1. МОЖЕМ ЛИ МЫ ДОБИТЬСЯ МИРА, КОТОРЫЙ ВСЯКИЙ РАЗ ОТ НАС УСКОЛЬЗАЕТ?

Можем ли мы добиться мира, который всякий раз от нас ускользает? Цель этой книги – обратиться к социальному опыту миротворчества через понимание того, что ему мешает состояться и обрести реальную силу нового интеллектуального прорыва.

Мир фрагментирован, разделен и, следовательно, находится в состоянии несмолкаемого конфликта. Конфликтует всё и вся: моя страна против вашей страны, моя религия против вашей религии, мои убеждения против ваших убеждений. Человек против человека, нация против нации – мир раздирают конфликты. Этот фрагментарный и глубоко конфликтогенный образ жизни разрушает человечество и каждого из нас. Принимая во внимание то, что ключом к науке является вопросительный знак, зададимся вопросами о природе деструктивных столкновений между людьми, религиями, цивилизациями, которые не угасают и преследуют человека на протяжении тысячелетий. В чём корень этого извечного конфликта? Исследуя природу и структуру конфликта, можем ли мы вступить в прямой контакт со всем, что мешает миру для того, чтобы убрать с его пути деструктивные барьеры?

Допустимо ли добиться мира с помощью навязанных реформ, агрессивных утверждений противоположных идеологий или доминирования одной утопической теории над другой? Приближаем

ли мы конфликт и препятствуем миру, потворствуя играм наших детей в войну, безудержному их увлечению фильмами, где ставка делается на агрессию и насилие? Может ли наступить мир через разделяющие людей верования и практики, сектантство и сепаратизм, всё то, что утверждает свою исключительность, избранность и непогрешимость, возвеличивает себя и принижает других?

Может ли псевдопатриотизм как образец национальной добродетели принести мир? Или он в силу самого факта своей приверженности фрагментированным националистическим взглядам и отождествления с ними парадоксальным образом делается врагом мира?

Всё то, что создаёт настоящий мир, не рядится в политические лозунги. Голос мира негромок, но не сгибаем. Ему не надо всякий раз доказывать свою приверженность общечеловеческим ценностям. Он служит людям здесь и сейчас, медленно, но верно. Тогда как прямолинейные решения, насильственные методы, скоропалительные выводы, навязчивые идеи крикливы и эксцентричны, хотя зачастую позиционируют себя в облике миротворца. Однако по своей сути миротворческий популизм не продвигает реально какие-либо политические, философские, экономические или религиозные реформы и не способствует решению проблемы войны. Он – скорее помеха, сдерживающая наступление настоящего мира и согласия между людьми и народами.

Почти все проблемы человечества связаны со стереотипами, предрассудками, предубеждениями и

прочими вызовами обусловленного мышления. Но то, что всякий раз мешает людям находить согласие и взаимопонимание, вынуждая их конфликтовать и прибегать к насилию, может быть обращено и на пользу мира и добродетели. Для решения неотложных задач современности нам необходимо перейти от самообмана и мифологем обусловленного мышления к силе творческого интеллекта, способного действительно объединить расколотый мир через знание того, что ему мешает и что его может спасти. Мир не может держаться на силе, но только на понимании и ответственности за него каждого из нас.

Важно понять, что действительно мешает миру стать достоянием всего человечества, и как реально можно укротить конфликт через понимание его антропологической природы в контексте построения индивидуального и глобального миропорядка.

3. МОРАЛЬНАЯ ДИЛЕММА ТРАДИЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МИРА

1

В своей книге я не подхожу к проблеме мира или к любому иному вопросу человеческого поведения привычным способом теоретизирования. Я не пишу интеллектуальную диссертацию на тему мира. Я не политик и не сторонник распространённых концепций в изучении мира и ненасилия. Я не утверждаю, что являюсь экспертом в области человеческих отношений. Я всего лишь автор, серьёзно относящийся к этим вопросам и озабоченный тем, как сделать мир лучше и справедливее. Я не выступаю за какой-либо политический или идеологический ответ на вопрос о мире и не поддерживаю никаких религиозных взглядов. Я никого не прошу верить в какую-то конкретную философскую идеологию, и меня не интересуют экономические революции. Я также не озабочен созданием утопических сообществ, в которых можно жить. По сути, я никоим образом не продвигаю те существующие воззрения на мир, которые в своём большинстве я рассматриваю как выдумки, попытки избежать того, кто мы есть, что мы реально делаем и куда стремимся.

2

Я пытаюсь просто, без каких-либо суждений, сравнений или оценок, взглянуть на то, что истинно, а что ложно. Увидеть действительное и реально существующее в жизни – самого человека, саму вещь, сам поступок. Это может показаться слишком радикальным или слишком упрощённым. Но на самом деле, это ни то и ни другое. Нельзя не заметить, что мы совершаем в своей жизненной практике чаще всего те действия, к которым мы привыкли. Нас приучили думать, что мы можем что-то «сделать» для установления мира и прекращения войны. Я серьёзно сомневаюсь в этом предположении. Ведь все попытки остановить насилие на протяжении всей истории человечества оказывались, так или иначе, тщетными. Жертв насилия не становилось меньше. Война продолжала преследовать и губить людей. Быть может, всё то, что мы считаем созидательными и благородными действиями, направленными на изменение поведения, как в случае войны и мира, в действительности не работает? Я этого не утверждаю; это не вывод. Это просто предмет нашего наблюдения.

3

В этой книге содержится, на мой взгляд, простая, но трудная задача: отказаться от привычных стереотипов, идеологических клише, расхожих мнений и интеллектуальных амбиций, чтобы взглянуть на вопрос о мире заново. Мы не можем приблизиться к пониманию того, что значит жить в мире, без войны, только сквозь прошлое. Прошлое – это ушедшее время, в нём самом уже нет конфликта как такового. Конфликт есть явление современных противоречий – он зарождается и выражает себя в настоящем. К пониманию сути конфликта можно подойти только в настоящем, когда он реально происходит. Конфликт, который в своей крайней форме мы называем войной, вооружённой агрессией, несущий разрушения культуры и людские страдания, коренится в нас самих, в нашем мозгу, в том, как мы думаем, чувствуем и действуем. Внутренний конфликт проецируется вовне и порождает глобальный конфликт. Мы сами создаем мир и уже только поэтому мы несем ответственность за него. Мы отвечаем за всё, что сеет распри и невзгоды, потворствует насилию, нетерпимости и агрессии, превращает разнообразие культур в источник их столкновения. Приписывать состояние мира какой-либо внешней силе – ошибка.

4

Как автор этой книги я осознаю настоятельную необходимость в поиске нового понимания проблемы войны и мира через непосредственное обращение к самим себе. Некоторые люди считают, что моё обращение к антропологической природе конфликтующего человека слишком эмоционально и недостаточно академично. Я же полагаю: надо чувствовать! Наши мироощущения (не всплески эмоций или сантименты) – это результат прямого контакта с жизнью. По существу, это реальный опыт, фиксация следа, отметина знаний, способ переживания и вхождения в нас жизни. Но для того чтобы осознать и прочувствовать, нужно прежде всего понять. Не поймём, не прочувствуем, а не прочувствуем – пропадём (Сьюзен Сонтаг).

5

Это не интеллектуальная книга. Эта книга предлагает наблюдения за природой и структурой человеческого поведения, а также за тем, как мы создаем и поддерживаем конфликты с помощью наших привычных обусловленных подходов к жизни. Я надеюсь, что читателю будет предложено подвергнуть сомнению то, что говорится, а не принимать или отвергать то, чем автор делится, независимо от того, насколько настойчивым или самоуверенным это может показаться. Я чувствую, что нам нужно остановиться и серьёзно задуматься над нашими традиционными решениями проблем жизни, чтобы увидеть, не создаём ли мы, как это ни парадоксально, дальнейший конфликт во имя мира.

6

Вот почему для меня важно дать понимание конфликта, но это не есть попытка установить мир. Я исхожу из того, что понимание не достигается путём простого интеллектуального сравнения идей (концепций), какими бы благородными, красноречивыми или вдохновляющими они ни были. Ведь всякая интеллектуальная модель (сценарий) требует времени и определённых заданных условий для её реализации: «Мир наступит в будущем, если мы будем справедливы…»

7

В своей книге я пытаюсь стимулировать или пробудить понимание того, что мешает миру – не в будущем, но здесь и сейчас. Мир не может наступить в пролонгации времени, так же как он не достигается в процесс анализа. Причина конфликта – то, что мешает миру, существует в нас каждое мгновение и проявляется только в данный момент – сейчас. Осознание этого факта раскрывает движение самого конфликта, проявляющееся в нашей повседневной жизни. Война – это прежде всего внешнее проявление внутреннего беспорядка и раздора разделённого, фрагментированного человеческого сознания. Жизнь в том виде, в каком она воплощается в отношениях между людьми, напоминает поле битвы, бесконечный соревновательный и агрессивный процесс самореализации. В нашей повседневной жизни нужно смотреть на саму природу конфликта, проистекающую из нашей антропологической недостаточности и обусловленности мышления. Как точно заметил Ф.М. Достоевский, сознание – это болезнь. Мы находимся в состоянии перманентной войны внутри себя, в системе наших отношений и мироощущений. Мир как ценность есть высший идеал, которого мы желаем, но который всякий раз от нас ускользает.

8

Наблюдения за природой и структурой конфликта предлагаются в основном как «рабочие гипотезы», которые читатель может использовать для поиска самого себя, чтобы увидеть, являются ли они истинными или точными отображениями того, что на самом деле создаёт беспорядок, конфликт, войну. В традиционной литературе о человеческом поведении читателю, как правило, предлагается тезис, для обоснования которого необходимо прочитать множество страниц, призванных доказать истинность представленной миротворческой концепции. В отличие от такого рода изысканий на тему мира я основываюсь на других установках. Мои размышления или идеи предлагаются в основном в виде вопросов, чтобы читатель мог самостоятельно участвовать в процессе непосредственного выяснения для себя того, что его действительно беспокоит, и затем соотнести свои мироощущения с наблюдениями автора книги, насколько они точны или ошибочны.

9

Вопрос о том, контролируем и удерживаем ли мы свой разум в состоянии ожидания? Если мы дадим немедленный ответ, то своим ответом мы прервём сам процесс размышления. Если вопрос задан, он приведёт к наблюдению. Живое наблюдение или актуальное понимание есть способность нашего разума всякий раз по-новому смотреть на жизнь, без вмешательства того, что уже известно, под давлением обусловленных стереотипов и прошлого опыта. Полагаю, что для понимания того, что создаёт конфликт, нужны не сами сведения о нём и расхожие суждения, а, скорее, осознание его непосредственной причины. В этот самый момент осознания мы как бы вырываемся из обременяющих пут обусловленного мышления, основанного на стереотипах и предрассудках, удерживающих нас в ситуации конфликта. В момент такой приостановки реакции обусловленного мышления человеческий мозг хотя бы на время освобождается от вызывающего разногласия привычного принуждения к насилию. Само вопрошание ломает стереотип, который движет мозгом в его безжалостных и опасных фиксациях образа потенциального врага.

10

Когда кто-то задаётся вопросом, наблюдая за тем, как это вопрошание открывает для человека путь к осознанию возникшей проблемы – именно тогда появляется реальная возможность освободиться от обусловленного мышления и его деструктивных принуждений. Тем самым, по существу, решить сам конфликт. Вопрошание и сомнение позволяют глубже понять собственное поведение. Поэтому вопросы и наблюдения жизненно важны для осознания того, что вызывает войну и мешает миру. Главными помехами для мира и согласия между людьми выступают их собственные предрассудки, категорические утверждения, безоглядные амбиции, эгоцентризм и прочие манипуляции обусловленного мышления. Когда мы начинаем задавать вопросы, мыслительный процесс начинает жить своей собственной жизнью, освобождаясь от экспансии и спекуляции внешних установок. Человек просто наблюдает непосредственно за собственным обусловленным состоянием ума и тем самым нейтрализует действия своих предрассудков и предубеждений, всего того, что создаёт и поддерживает конфликт. Такая практика применима на всех уровнях разрешения конфликтов – индивидуальных и глобальных. Если действительно для нейтрализации деструктивных вызовов обусловленного мышления достаточно

поискать ответ в себе самом, то нужна ли эта предлагаемая книга? Могу сказать только одно: всё, что эта книга может сделать – это стимулировать наблюдение и указать на то, что действительно создаёт конфликт, не воображаемый, а реальный. Сам момент наблюдения есть непосредственное понимание причин конфликта в его первоисточнике.

11

Следовательно, эта книга написана таким образом, чтобы усилить саму способность наблюдения и понимания. В процессе чтения читатель не будет накапливать ещё больше знаний, а, скорее, начнет действительно наблюдать, правильно распознавать и вступать в прямой контакт с конфликтом по мере его возникновения. Всё это позволит узнать о реальной причине конфликта, обозначить его и уже тем самым наполовину его разрешить. Укрощение конфликта не есть прямое накопление и запоминание фактов, как это происходит, к примеру, в математике или ботанике. Это не кумулятивное обучение: здесь главным инструментом служит самонаблюдение, способное прекратить конфликт здесь и сейчас.

12

Я стараюсь излагать своё видение о мире прямо и незамысловато. Говоря о мире, нет причин использовать сложные обороты. Там, где мир, слова обычно излишни. Слова не так важны; они всего лишь описания, используемые для передачи увиденного. Видение, реальное наблюдение – вот что здесь главное. Слишком часто книги о мире содержат изощренные тексты, словотворчество подменяет миротворчество как таковое, что не помогает понять суть проблемы. Всё это напоминает игровые проделки разума, обмен возвышенными идеями, заставляющими читателей думать, что они больше знают о мире, который на самом деле всякий раз от них ускользает. К сожалению, мы часто влюбляемся в свои слова и тем самым создаем иллюзию понимания.

13

В вопросе о мире не стоит предлагать однозначные решения, делать категоричные выводы и строить утопические надежды. У меня нет готового конкретного метода достижения мира, основанного на его абстрактном анализе и когнитивной фрагментации. Всё, что я хочу дать в книге, предназначено только для того, чтобы инициировать процесс познания и, главное, пробудить интеллект читателя, чтобы наблюдать и распознавать конфликт в его первооснове и наличествующей данности. Эта книга не предлагает никаких новых философских, психологических, религиозных или политических подходов к решению проблем войны. Я не иду по пути генерирования и навязывания очередных интерпретаций, кажущихся бесконечными социальных теорий и научных предположений. Всего этого нам уже предостаточно, принимая во внимание огромные коллекции аналитических разработок, диссертаций и экспертных заключений в поиске ответов, как создать мир и укротить войну. Но, как говорится, «воз и ныне там». Война не отступает, насилие не уходит, конфликт не затухает, споры не смолкают.

14

Я полагаю, что для того чтобы стимулировать собственное осмысление причин войны и того, что мешает миру, нужно прежде всего начать задавать вопросы, заново взглянуть на эту чрезвычайно насущную проблему и задуматься над тем, откуда что проистекает и как сделать мир лучше. В этом деле, думаю, следует начать с наблюдения за своим собственным поведением, за тем, что заставляет человека беспокоиться, испытывать страх, искать врага, настраивать себя на вражду и бегство от реальности. Здесь важно наблюдать за самой анатомией и структурой конфликта, соединяя свои переживания и опыт с другими людьми, и даже шире, со всем человечеством. Понимая себя, мы начинаем понимать и других. В этом смысле, прав Ж.-К. Руссо: «Я есть другой». Мы есть мир. Мир есть мы.

15

Между тем интеллектуальные традиции принуждают нас искать решение вопроса о войне и мире в конкретном контексте или в ограниченной перспективе. Гуманитарии зачастую подходят к войне либо избыточно абстрактно – отстраняясь от живой реальности, либо слишком эмоционально – воспринимая и оценивая её ужасы. Как мы видим, это не привело к достижению мира, а, скорее, только провоцировало эскалацию конфликта. Быть может, мы смотрели в том направлении и искали ответ там, где его нет?

16

Когда мы начинаем сосредотачиваться на проблеме мира, нам нужно посмотреть, как мы традиционно подходили к её рассмотрению. Какими способами мы пытались установить мир? Сработали ли эти различные подходы или, как это ни парадоксально, они привели к ещё большему насилию? Важно взглянуть на то, как мы пытались добиться мира и понять войну ранее, чтобы определить, как мы сейчас можем подойти к этому вопросу. Если мы этого не сделаем, то мы останемся в плену недопонимания чего-то значимого. Мы будем держать в голове то, что уже знаем – те самые устаревшие теории и предположения о том, как остановить войну, укротить насилие и установить мир, пренебрегая всем предшествующим опытом и продолжая продвигать идеалистическо-утопические схемы, которые не только породили путаницу, но и породили череду новых столкновений.

17

Опять же обратимся к наблюдению, чтобы поднять фундаментальные вопросы о войне и мире, увидеть, как мы традиционно пытались решить эту, казалось бы, неразрешимую проблему и взглянуть с радикально новой точки зрения на то, что создаёт конфликт, вскрыть подструктуру насилия, первопричину вражды и ссоры. И здесь нам не нужны избыточные рассуждения, дробящие своим анализом и без того ускользающую реальность. Всё что нам нужно для начала – это запустить процесс вопрошания. Что мы видим, что наблюдаем, что нас беспокоит и заводит? Когда мы задаёмся вопросом, наше познание, как уже было отмечено, обретает собственную жизнь. Мы начинаем смотреть на вещи не через теории и гипотезы, но напрямую через непосредственное наблюдение за происходящим. Увидеть значит понять, понять, следовательно, прочувствовать, прочувствовать означает пережить, разрешить проблему. Без наблюдения нет чувства и переживания. Не прочувствуем – пропадём (С. Сонтаг).

18

Итак, сначала прежде всего нужно наблюдать за тем, что мы на самом деле предпринимаем, тиражируя противоречия и конфликты. Это первоначально чистое наблюдение без оценок – осуждения или оправдания. Это не есть интеллектуальное усилие как таковое, но реальный взгляд на самих себя, возможность спросить о самом насущном, предельно близком и тревожном. С чего начать? Как мы традиционно подходили к установлению мира? Какие средства мы использовали? Чего мы пытаемся достичь? В этом вопрошании наше главное намерение – смотреть, наблюдать, входить в то, что препятствует миру, что не является мирным по существу. В процессе устранения всего немирного, негативного и деструктивного мы придём к положительному результату, то есть к тому, чего мы желаем, то есть к миру, свободе и добродетели.

19

Традиционный подход к созданию идеала мира и подражанию этому идеалу, как свидетельствует вся человеческая история, только приумножает конфликты, провоцирует насилие и войны. Можно даже сказать, что сам по себе безоглядный процесс утверждения мира через идеалы разрушителен. У гитлеровского нацизма тоже были идеалы, и человечество заплатило за них миллионы жертв. Свои идеалы были у Пол Пота в Кампучии и устроивших геноцид армян в Османской Турции. Как видим, зло и насилие часто обрамляются в идеалы, воинствующие лозунги и призывы. И если их вовремя не распознать и не остановить – жди беды.

20

Следовательно, держаться за не оправдавшие себя теории и концепции, которые не смогли сдержать эскалацию насилия на разных этапах истории не только контрпродуктивно, но и опасно. Мы будем следовать качественно иному видению проблемы и бросим вызов традиционному методу достижения мира, предложив когнитивный подход, основанный на отбрасывании всего того, что миру мешает. Понимание разницы между этими двумя подходами имеет первостепенное значение.

21

Итак, что не является мирным и что миру мешает? Во-первых, нам нужно внимательно изучить предшествующий процесс, который мы обычно использовали для установления мира, взглянуть на него критически. Это позволит нам убедиться, что мы просто отстаиваем те же взгляды лишь в другой форме. Во-вторых, одно из глубоко укоренившихся предположений состоит в том, что в построении гуманистического миропорядка мы должны опираться лишь на исторические уроки прошлого. Но мы знаем, что прошлое каждый народ оценивает и понимает по-своему, здесь трудно найти правду, разделяемую всеми. В.О. Ключевский говорил: «История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков». Действительно, мы подходим к пониманию войны при отсутствии мира, помогло ли это нам положить конец войне на самом деле?

22

В школах мы преподаем историю и изучаем прошлые человеческие взаимодействия. Исторические события есть череда войн, которые человечество вело на протяжении веков. Многие историки утверждают, что, изучая историю, мы можем учиться на своих ошибках. Но учимся ли мы на них? Если бы это было так, почему конфликты и войны продолжают преследовать человечество? Сколько ещё войн нам понадобится, чтобы узнать, как положить конец войне?

23

Можем ли мы узнать о войне, приобретая знания о датах, именах и исторических перспективах? Когда мы преподаем историю нашим детям, о чём мы их просим? Нам необходимо запоминание, усвоение информации, чтобы добавить что-то ещё к их уже имеющимся знаниям. Некоторые исследователи мира считают, что, если мы накопим достаточно информации о войне, в какой-то момент в будущем мы поймём, как с ней покончить. У нас есть специализированные библиотеки по вопросам войны и мира, многочисленные сочинения и обширные собрания томов, посвященных различным ответам на вопросы, почему мы воюем, и почему нет мира. Но наш мир не стал от этого безопаснее. Более того, рисков, угроз и насилия становиться больше.

24

Становится очевидным, что стандартный процесс обучения, анализа и обобщения информации оправдан и применим лишь в фундаментальной науке и технике. В этих областях разрабатываемые знания действительно являются полезными, ибо они предлагают эффективные технологические решения для поддержания и воспроизводства материальных условий цивилизации и жизнедеятельности социума. Но там, где речь идёт о человеческом поведении и социальной психологии требуются другие подходы, берущие в расчёт антропологическую природу человека и его зависимость от обусловленного мышления. Вот почему нам безотлагательно нужны качественно иные когнитивные установки и учебные программы для укрощения войн, построения безопасного и ненасильственного мира.

25

Мои разработки не являются ни политической декларацией, ни научной диссертацией на тему мира. Я не защищаю какую-либо политическую систему, экономическую стратегию или социальную революцию самых разных окрасок. Но это не означает, что я снимаю с себя ответственность за то, что насилие торпедирует мир и заставляет людей враждовать. Мой подход – не игнорирование войны, но поиск надлежащих когнитивных практик её устранения. Мы не должны игнорировать симптомы войны и при первых признаках назревающего конфликта вовремя распознавать и нейтрализовать их. Веками конфликты приносили огромные страдания и неравенство – одни этносы с враждебной неприязнью пытались контролировать и подавлять других, доминировать над ними. Эту самую долгую, драматичную и насущную для человечества ситуацию необходимо исправлять. В конечном счёте, мы озабочены прекращением конфликта и достижением прочного мира, а не временной передышкой между конфликтами. Нас интересует понимание самой войны как социально-антропологического феномена, а не конкретной войны в отдельности.

26

И снова спросим себя: можно ли добиться мира с помощью политического движения? Что такое политическая реформа? Это преобладание одной идеи над другими? Неужели это образ мышления, который громко заявляет: «Наш путь! Наш идеал!» – единственно верный? Разве это не означает, что другие идеи по своей сути противоречат этой «непогрешимой» установке? Мы создали социализм, коммунизм, капитализм, тоталитаризм, фашизм и другие теории – и всё в поисках блага человечества. Но, по существу, каждая из них в действительности была основана на сепаратизме, приводя к тому, что немногие контролируют многих или немногие получают выгоду от трудов других.

27

Все мы люди, но каждое общество ищет свой способ самовыражения. Мы не видим себя одинаковыми. Но почему-то хотим, чтобы другие были похожи на нас. Почему нужно придумывать такие противоречивые пути? Мы настолько увлечены своим этноцентризмом, своими социальными и личностными амбициями, что увековечиваем разделение на группы, каждая из которых подкрепляет свой собственный путь, игнорируя, отторгая или даже преследуя опыт других. Почему в поисках оправдания своих противоречивых поступков мы настаиваем на том, что мы разные? И при чём здесь война и отсутствие мира? Многие готовы погибнуть за то, чтобы быть непохожими на других, за свои идеалы во имя мира. Нередко в этом противостоянии под лозунгом борьбы за мир объявляются войны и свершаются злодеяния. Некоторые верят, что один конфликт можно разрешить другим конфликтом. Этот утопический идеализм раскалывает мир, разделяет культуры, натравливает друг на друга народы и утверждает власть насилия.

28

Философия означает «любовь к истине», а не воинствующее наступление одного интеллектуального и спекулятивного идеализма против мировоззрения других. Философия – это прежде всего созерцание – принятие себя и других как данность, заслуживающих того, чтобы жить в мире, любви и согласии. В философском споре мы обмениваемся идеями, которые рождаются через созерцание, наблюдение и жизненный опыт.

29

Психология представляет различные точки зрения на состояние человека. Фрейдисты утверждают, что мы должны проанализировать своё прошлое, чтобы увидеть, в чём заключаются причины конфликта. Бихевиористы говорят, что нам нужно изменить нашу обусловленность и установить новые наказания и поощрения, чтобы мотивировать нас жить по-другому. Первооткрыватели гуманистической психологии рекомендуют проходить человеку через пиковые переживания и самоактуализацию, что часто приводит к потаканию своим слабостям. Одно из интеллектуальных движений в психологии, называемое «трансперсональным», предлагает непокорным аутсайдерам использовать различные методы самотрансценденции (в основном поддерживаемые техниками Востока), при посредстве которых, как они полагают, достигается реальное расширение сознания и максимальное раскрытие предельных человеческих способностей и потенциальных возможностей. Опять же, существуют разные мнения, теории, предположения и, следовательно, непонимание того, что повсеместно порождает и поддерживает конфликт.

30

Можно ли достичь мира с помощью традиционных социально-идеологических решений, религиозных убеждений и обычаев? Установившееся религиозное мышление, основанное на суждениях и идеалах, создаёт борьбу добра над злом. Традиционная религиозная практика независимо от конфессии, основана на вере. Может ли вера решить проблему войны и привести к миру? Ведь всякая идеологическая, религиозная, политическая, философская система предлагает свою модель видения и тем самым не является универсальной. Каждая такая модель формируется конкретным народом на определённой (специфицированной) обусловленной исторически наблюдательной площадке, поэтому, так или иначе, фрагментирует мир. К этой фрагментации добавляется разделение ментальностей культур, а также обусловленность человеческого мышления. Безусловно, всякий национальный опыт ценен и значим для человечества и требует бережного к нему отношения. Но проблема в том, что при определённых условиях этот опыт порождает этноцентризм и часто сталкивает народы друг с другом. Мы нередко используем идеологические прикрытия только для того, чтобы противостоять тому, кто мы есть из-за болезненного контраста между нашим фактическим поведением и поведением идеала.

31

Опять же, я излагаю своё видение темы, и каждый вправе быть критичным к тому, что здесь написано. Мои размышления направлены на то, чтобы читатель научился задавать вопросы, а не искал готовые ответы. Всякое знание начинается с вопросительного знака. Несмотря на то, что в этой книге я прописываю убеждения, основанные на многолетней когнитивной практике и жизненном опыте, они предназначены только для того, чтобы стимулировать вопросы и не принимать всё на веру. Путь к истине лежит через вопрошание и сомнение. Если кто-то пытается в чём-то разобраться по существу – его ум, всегда найдёт что-то для себя значимое и полезное. И даже если что-то не подтвердится, или обнаружатся ложные установки, и в этом случае открытие пытливого ума пойдёт читателю на пользу.

32

Я никого не прошу присоединиться к своей системе воззрений, посвящённых миру и ненасилию, или каким-либо образом отстраниться от привычных постулатов. Любой принуждающий протест – это воинствующая реакция, и она никогда не приведёт к пониманию. Насилием правит категоричность и непримиримость. Уже поэтому насилие выступает антиподом для серьёзного осмысления. Ведь понимание – это прямой и объективный взгляд на факт без оценочных суждений, без предубеждений и неприязни.

33

Мы не предлагаем идеалистические проекции будущего, ибо будущего как такового в настоящем не существует. Это всего лишь изобретение нашего разума, результат надежд, основанных на антропологической недостаточности человека и неудовлетворённости настоящим. Мы заблуждаемся, если представляем себя чем-то отличным в своей современной природе от того, кем мы были на протяжении тысячелетий. Первобытность не ушла, она остаётся внутри нас во всех своих позитивных и негативных проявлениях. В определённых условиях первобытность заставляет нас быть жестокими, соперничающими и воинствующими. Технологически мы продвинуты. В социальном плане мы всё ещё далеки от справедливого, совершенного и благоустроенного общества.

34

Оппозицией миру является цинизм. С него начинаются придирки, неприязнь и агрессия. Нам интересна наша жизнь. Мы озабочены тем, чтобы сделать её лучше. Но что мы предпринимаем для этого? Что происходит в нашей жизни каждый день? Если внимательно присмотреться, то мы увидим, как мы сами создаём для себя помехи и препятствия, оказываясь заложниками своих собственных ошибок, предрассудков и эгоцентричных амбиций. Жизнь у каждого своя, и никогда не является отражением истины. Мы снова и снова говорим, что мир не может быть достигнут никакими идеалистическими средствами, если они обращены лишь в будущее. Вера утешает, но и разделяет. Любые идеологические доктрины малоэффективны, поскольку их действия осуществляются без достаточных доказательств. Мы говорим, что есть способность понять конфликт и устранить войну. Однако говорить о том, что этот процесс сам по себе нас непременно приведёт к миру, спекулятивно и опасно. Мы приучены быть идеалистами. Но путь мира – это неустанная работа здесь и сейчас. Без «здесь и сейчас» не будет «там и потом».

35

Опять же, важно напоминать себе, что мы исследуем обусловленные предположения и устаревшие убеждения, которые у нас есть о построении мира. На самом деле, мы не приближаемся к какому-то одному выводу. Стоит нам о нём заявить с проекцией на будущее, как тут же наш ответ и предлагаемое решение превращаются в утопический план. Все ответы, решения и планы основаны на убеждениях и, следовательно, вызывают разногласия и только благоприятствуют конфликтам. Поэтому у меня не будет ни ответа, ни решения, ни плана. Обойдёмся без них. Наше обусловленное мышление предполагает, что изменение что-то производит. Но всякий раз мы тормозим его, а не наращиваем. Ведь обусловленность держит наше мышление «взаперти», окружая его стереотипами, шаблонами, привычками и предрассудками.

36

Есть ли у всего этого смысл? Или мы просто отстаиваем свою точку зрения, соревнуясь с другими взглядами на мир? Эти наблюдения есть объективный факт или субъективное мнение? Когда высказывание является только мнением или философским суждением автора, а когда объективным фактом? Почему мы так боимся реальных фактов жизни? Когда мы считаем, что существуют только мнения о причинах войны, разве мы не утверждаем, что знаем, что могут быть только мнения, что никто не может понять, что такое война? Это форма обратного высокомерия, апологетика отрицательного: того, что «не может быть». Это убеждение «я не знаю, значит, никто не может знать» становится истиной этого человека и не допускает возможности настоящего понимания и реального прекращения войны.

37

Можем ли мы хотя бы на мгновение принять, что через понимание первопричины конфликта, войны и насилия, мы будем в состоянии сделать реальный шаг к тому, чтобы действительно освободиться от этих пагубных явлений, тысячелетиями преследующих человека? Могут ли наши умы открыть для себя возможность того, что существует фундаментальная причина конфликта? Или нам достаточно своего привычного убеждения в том, что есть конфликт?

38

Неужели мы потратили столько энергии на политические, религиозные, философские и психологические поиски мира, что стали циничными и апатичными? Или мы просто слишком ленивы или озабочены, чтобы по-настоящему исследовать первопричины войны и возможность установления прочного мира? Можем ли мы честно взглянуть на эти вопросы, или мы только на словах рассуждаем о них, занимаясь этими вопросами отстранённо и исключительно абстрактно?

39

Приучены ли мы верить, что только признанный эксперт и авторитетный интеллектуал может ответить на вопрос: что мешает миру? Чувствуем ли мы себя неспособными всерьёз задуматься о том, что мы действительно сможем положить конец войне? Остановить войну не в проектируемом будущем, накапливая обширные знания, но прямо сейчас, путём непосредственного восприятия деструктивных противоречий внутри нас самих?

4. НЕГАТИВНЫЙ ПОДХОД МИР КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ

40

Каким образом мы проясняем для себя: верны ли адресованные к нам самим вопросы и утверждения? Ожидаем ли мы, что кто-то другой возьмёт на себя ответственность и прояснит нам эти вопросы? В этом случае, к каким экспертам нам нужно обратиться? Какое знание требуется для понимания того, как обустроить справедливый и ненасильственный социальный миропорядок?

41

Могут ли политики принести мир? Разделены ли они по определению во взглядах, в борьбе за власть, за то, кто будет править? Ведь любой политик, так или иначе, обусловлен своими идейными обязательствами и партийной преданностью какой-то одной группе людей. Это одномерная позиция под неизменной маркой социальной справедливости зачастую сама вызывает разногласия с теми, у кого иные взгляды на социальные преобразования. Межпартийная борьба выходит в социальное пространство и нередко оборачивается серьёзными общественными потрясениями. Так вновь и вновь запускается маховик насилия, столкновения и вражды.

42

Существует мнение, что мир держится на силе, военной мощи. Мне представляется, что военная сила в лучшем случае способна сдерживать войну. Но настоящий мир эта сила создать не может. Выйдем ли мы когда-нибудь за рамки этого нелогичного и деструктивного мышления, стремящегося достичь мира вооружённым путём? Всякая война когда-нибудь заканчивается, мир по окончанию войны наступает не всегда. У мира есть другие предпосылки. Мир держится не на силе, но на понимании. Если логика приверженцев воинствующего мира верна, наступит ли мир, когда каждая «сторона» настолько сильна, что одна не осмелится атаковать другую, чтобы все не были уничтожены войной?

43

Эта ситуация опасного выжидания того, когда «другие» или «они» – наши потенциальные противники, сделают первый шаг, ослабят свою защиту. Но мир, основанный на слабости и просчётах противника, также не достижим. Ибо у мира нет другого! Есть только мы! Итак, кто сделает первый шаг для торжества мира и согласия?

44

Могут ли принести мир в общество сами по себе политики, военные или религиозные деятели. Трудно признать, что наделённые идеологической, военной или религиозной властью способны создать настоящий и прочный мир. Ведь внутри идеологических, военных и религиозных структур также присутствуют эксцентричные установки. Политики, военные и священники тоже разделяются по своим рангам и уровням иерархии, пытаясь установить, кто является самым главным или святым в рамках конкретной идеологии или между различными сообществами и группами. Военные лозунги очевидны в выражении своих противоречивых идеалов. Они делят людей на защитников и противников, друзей и врагов. Последователи религиозных ценностей делают вид, что они миролюбивы, следуя идеалам своих заповедей, но они также находятся в состоянии войны внутри себя, пойманные в путанице суждений о добре и зле. Каждая идеологическая система имеет свой собственный вид морали, и уже только это, так или иначе, предполагает вероятность конфликта. По сути, традиционные идеологические системы в той или иной мере укрепляют основу войны за счет обусловливающего характера самой системы воззрений и верований. Не случайно последователей тех или иных мировоззренческих доктрин именуют «бойцами идеологического фронта».

45

Быть может принести мир в общество способны врачи и медицина? Ведь некоторые люди считают конфликт физиологическим расстройством, которое возможно вылечить симптоматическими средствами. Считается, что чаще всего проблема носит психологический характер и может быть решена с помощью анализов, препаратов и лечения, корректирующих психику и сознание. Так ли это, или мы снова уходим от главного вопроса: кем мы являемся на самом деле, и почему конфликт сопротивляется медицинскому вмешательству и недоступен для него? Сопротивление создаёт защитную реакцию, а психологическая защита создаёт социальную защиту. Эта социальная защита проявляется в конкурентном индивидуализме или в коллективном групповом менталитете. Так или иначе, любой конфликт есть всегда деструктивное противостояние внутреннего и внешнего, и полем битвы служат «сердца людей» (Ф.М. Достоевский).

46

Способны ли юристы, обладающие знаниями в области арбитража, добиться мира, или они своим часто сбивающим с толку «юридическим языком» искажают проблемы реальных взаимоотношений между людьми? Возможно ли решить проблемы взаимоотношений через суд, дорогостоящими и эмоционально истощающими юридическими средствами? Мы полагаемся на адвокатов и судей для привлечения преступников к ответственности, для устранения симптоматических проявлений конфликта, но могут ли они помочь нам понять истинные причины войны и не допустить её?

47

Мы озабочены тем, откуда возникает конфликт, какова его подоплёка. Мы хотим разобраться и понять, что есть конфликт и война, не конкретная, а как социальное явление и драма человеческого бытия. Симптоматические подходы обычно приводят к поверхностным решениям или реформам, которые на самом деле только поддерживают конфликт и ослабляют необходимость более глубокого исследования феномена насилия в обществе.

48

Быть может, учителя и педагоги способны помочь в установлении мира? Казалось бы, да, именно они. Ведь суть образования – это построение правильных отношений посредством знания. К сожалению, педагоги традиционно занимаются лишь накоплением знаний. Разумеется, без знаний обойтись в жизни нельзя. Но сами по себе знания лишь инструмент. Как обратить их на реальное решение конкретных конфликтов. Здесь мы заинтересованы в понимании прежде всего поведения, отношений между людьми. Педагог, который заботится о ребёнке, в первую очередь интересуется его психологическим благополучием, а также его интеллектуальным развитием. Такой педагог стремится выявить и понять основные причины конфликта, изучает реальные запросы ребёнка. Педагог – самый важный в обществе после родителя, участник в деле становления личности. И все же педагог по факту не располагает теми необходимыми полномочиями, профессиональным авторитетом и экономическими возможностями для решения конфликтов и сдерживания насилия в обществе. Конечно, хороший педагог всегда стремится выяснить, в чём причина конфликта и насилия. Но для того чтобы по-настоящему выстроить эффективную стратегию миротворческого обучения, ему придётся оставить

традиционные модели образования. Возможно, даже создать новую школу, поскольку очень немногие существующие учреждения серьёзно заинтересованы в вопросах о мире и ненасилии. Сегодня педагогические практики все ещё далеки от гуманистических установок. Педагоги зачастую волей-неволей приучают детей к состязательности, агрессивности, воинственности, стремлению попасть в «лучшие» университеты и на самые престижные должности.

49

Быть может принести мир способен журналист, человек, который сообщает о наших текущих событиях? Мы воспринимаем журналистов, вещающих по ТВ и в интернет-блогах, как экспертов, которые помогают понять нашу жизнь. Телевидение само создаёт эксперта почти во всём – всё, что нам нужно сделать – это включить телевизионный приёмник и следовать их рекомендациям. Существуют многочисленные ток-шоу, которые дают советы по самым разным вопросам повседневной жизни, начиная от того, как предотвратить кариес или инвестировать в фондовый рынок, до поиска совместимого сексуального партнёра. Эксперты есть везде, и особенно их много на телевидении. Дикторы или «ведущие» становятся самыми знаменитыми из этих телевизионных авторитетов. В любое время, 24 часа в сутки, они оповещают нас о том, что происходит в мире.

50

Некоторые специальные «новостные шоу» создают форумы для этих репортёров, чтобы «анализировать» события дня. Такие программы позиционируются с конкретными людьми, которые полагают, что они имеют профессиональные знания и понимание истинных причин конфликта в мире. Столкнувшись с непосредственной серьёзной ситуацией, такой как жестокое убийство, большинство из них даёт исчерпывающие социологические или психологические объяснения. Но при этом нельзя не признать, что глубинные причины остаются загадкой. Нередко масс-медиа превращают в лидеров и экспертов миротворческой деятельности простых обывателей или даже коррумпированных политиков, преступников, убийц, поджигателей войны. Какой мир мы привнесём в общество с помощью их подсказок и рекомендаций?

51

Достаточно ли гражданского авторитета и патриотических идей для построения мира? Может ли приверженец национальной добродетели остановить конфликт и умиротворить враждующих? Или он в силу самого факта своей приверженности фрагментированным националистическим взглядам и отождествления с ними парадоксальным образом отодвигает от нас наступление мира? Образы национальной гордости, идеальные защитники веры могут не только утверждать и продвигать мир, но и сами становиться творцами конфликтов. Как мы уже говорили ранее, конфликт вызван антропологической особенностью ума видеть потенциальную угрозу и тем самым разделять людей и готовить их к самозащите. Человек склонен признавать истинными и справедливыми религиозные установки и мировоззренческие ценности только своей культуры. Это обусловлено конкретным этноцентрическим стереотипом восприятия, который привязан к определённому образу жизни. Но здесь мы видим всё то же разделение или состояние этносоциального антагонизма, которое препятствует формированию планетарного сознания и гуманистической интеграции знаний и культур.

52

Соответствуют ли авторы, пишущие красноречивые книги, авторитетам только потому, что их взгляды публикуются? Книги по садоводству, физике или путешествиям носят образовательный характер, и, если они написаны убедительно и с необходимой документальной точностью, мы извлекаем из них пользу. Это так. Однако, когда речь идёт об авторитете, который даёт нам рекомендации «как нам следует жить» и предлагает свои методы достижения успеха, к нему предъявляются иные требования. Он должен понимать первопричины конфликта и прямое воздействие на него обусловленного мышления человека.

53

В современном обществе немало, так сказать, «непрофессиональных экспертов» со своими планами и решениями для мира. Они считают, что для того, чтобы иметь прекрасный мир, мы должны создать его в своём воображении. Они визуализируют мир, отличный от того, который есть у нас, и настаивают на том, что нам не нужно принимать во внимание реальные противоречия жизни. Но разве эта «визуализация» не создаёт очередной утопический идеал, то, что «должно» быть в будущем? Но конфликт развивается здесь и сейчас. Следовательно, опять же остаётся противоречие между тем, что есть, и тем, что должно быть?

54

Известны и проповедники единого мира с установкой «Мы все едины». Но мы едины, быть может, только телом, но не духом. Как быть с разнообразием видений, ценностей, опыта. Проповедники единого и неделимого мира утверждают, что единственное препятствие на пути к миру во всем мире – это наша неспособность видеть простые истины нашей «настоящей» природы. Но это также вера в идеал, поскольку на самом деле человечество разделено и раздроблено. Однако это не означает, что мы должны смириться с этим неизбежным и неизменным порядком вещей. Важнее другое. Понимание того, что нас разделяет, является сущностью разума и позволяет освободиться от разделения.

55

В движении «за мир» немало так называемых радикальных активистов. Эти люди из лучших побуждений выступают за участие в политике и протестуют против войны, голода, загрязнения окружающей среды и всех социальных болезней человечества. Нам действительно нужно конструктивно решать наши социальные проблемы на уровне реформ, но, если мы не займёмся устранением причины на первичном уровне, эти проблемы будут преследовать нас навсегда.

56

Воинствующие революционеры также озабочены тем, чтобы положить конец войне и бедности, но они считают, что добиться этого можно с помощью насилия. Очевидно, что это неразумный подход, но их действия продиктованы отчаянием. Все, что они знают – это ставка на насилие. Но насилие всякий раз, как свидетельствует история, оборачивается против них. Но вера в то, что насилие может изменить мир, по-прежнему сохраняется.

57

В течение многих веков над проблемами войны также размышляла интеллигенция. Представители самой мыслящей части общества пишут книги, читают лекции, получают награды и ученые степени. Они культивируют высокие идеалы, принимают осмысленные решения, продвигают высокие взгляды и ценности. Их слова и речи озадачивают и вдохновляют. Но стал ли мир добрее и безопаснее благодаря их усилиям? Не затуманивают ли их концепции истинное понимание того, откуда проистекает насилие? Не сбивают ли они нас с толку?

58

Могут ли многочисленные миротворческие организации освободить нас от конфликтов? Всякая организация развивает администрирование и формальное мышление для ведения бизнеса и выполнения бюрократических задач. Члены общественной организации выполняют конкретные функциональные задачи и действуют во многом механистически и операционально. Тем не менее, лица, принадлежащие к определённой административной структуре, настолько отождествляются с конкретной организацией и настолько привержены её форме и цели, что сама организация становится для них авторитетом. Некоторые всецело отдают себя задачам организации и получают власть и престиж благодаря своей связи с авторитетом группы.

59

Отмечу опять же, что я не пытаюсь никоим образом задеть людей или организации, которые привержены делу мира. Я всего лишь подвергаю сомнению административный процесс и визуальные методы, используемые в попытке достичь мира.

60

Не хочу показаться приверженцем негативного и циничного в оценке привычной деятельности миротворческих организаций. Я не пытаюсь поколебать их веру в лучший мир своими критическими наблюдениями и тем более обвинять кого-то в существующих проблемах нашего несовершенного мира. Я не ищу ответственного за прошлые и нынешние конфликты. Но при этом я не снимаю ответственность с себя. И потому продолжаю задавать вопросы о том, что мы делаем, куда идём, правильно ли прокладываем маршрут, не сбились ли мы с пути, всё ли понимаем и способны ли реально сделать мир лучше?

61

Смотрим ли мы правильно на то, что мешает нам напрямую понять нашу жизнь? Можем ли мы с помощью процесса исключения отбросить все авторитеты, которые являются препятствиями на пути к самопознанию? Можем ли мы с помощью этого процесса исключения или так называемого негативного подхода найти действительно что-то значимое и позитивное? Не становимся ли мы заложниками своего воображения, следуя принимаемому нами авторитету, потребности быть на него похожими и сакрализации его идей и программ? Способны ли мы посмотреть на нашу повседневную жизнь без какого-либо вмешательства извне и со стороны нашего обусловленного мышления? Можем ли мы узнать, как мы действуем или реагируем, наблюдая за своим мышлением, отношениями, верованиями, обычаями, традициями и всеми привычками, которые контролируют наше поведение? Возможно ли освободиться от конфликтов и вооружённой борьбы? Я утверждаю, что Мир – это не то, чего следует искать где-то там на стороне, вне человека. Мир – это наивысшее состояние бытия, но данное нам в качестве предпосылки. Мы способны реализовать эту потенцию, если сумеем понять, что реально Миру мешает, какие вызовы бросает нам наше обусловленное мышление и привычный тип поведения.

62

Используем ли мы эти наблюдения как зеркало, чтобы увидеть себя в истинном виде? Мы можем либо отвергнуть, либо принять сказанное, основываясь на том, что наш опыт как катализатор наблюдения поможет нам прояснить данную проблему. Простое и прямолинейное утверждение или вопрос уже сами по себе могут пробудить наше восприятие и помочь отделить истинное от ложного. Я не пытаюсь собрать больше знаний для читателя по теме войны и мира. Стоит подумать над тем, что он читает и как воспринимает прочитанное наш разум? Способны ли мы наблюдать, как прочитанное и осмысленное воздействует на наше поведение?

5. ВОЙНА ВНУТРИ НАС МИР ЧЕРЕЗ ПОНИМАНИЕ КОНФЛИКТА

63

Итак, мы рассмотрели различные подходы к пониманию мира, конфликта и войны. Мы также поднимали вопрос о роли и месте авторитета в системе нашего поведения и принятия решений. По сути, мы приблизились к тому, что действительно мешает миру. Чтобы обрести мир, мы должны отбросить всё, что ему мешает: всю интеллектуальную риторику и психологическую болтовню, а также идеологические манипуляции, имеющие корыстные интересы и побуждающие нас всякий раз искать врага, защищаться и нападать. Всё это очень серьёзно. Нельзя быть постоянно подверженным эмоциональным стрессам или быть обиженным, но всё же без ощущения и глубокого переживания мы останемся заложниками пустых слов и утопических прожектов. И снова скажу: не прочувствуем – пропадём. Чувства сильнейшим образом связывают нас с реальностью повседневной жизни. Глубоко ощущая и переживая конфликт, человек мотивирует себя к позитивному действию по его преодолению – не из-за эмоционального возбуждения, но из-за понимания природы проблемы. Проницательность имеет собственное эмоциональное

воздействие, которое не является сентиментальностью национализма, патриотизма, религиозного или политического рвения. Можем ли мы, учитывая это, взглянуть на корень, основу конфликта?

64

Чтобы добиться мира, нам нужно прежде всего понимать конфликт. Попытки установить мир идеалистическими утопиями чаще всего сами же и создают конфликт. Что значит мир? Начнем с общепринятого значения. Согласно словарю Уэбстера (Webster), значение мира таково: «Мир – это отсутствие враждебности и войны; состояние гармонии», а также «свобода от тревожных чувств и мыслей». Эти два значения связаны. Один смотрит на оппозицию мира вовне – на *враждебность*, на *войну*, а другой смотрит внутрь – на *свободу от тревожных чувств и мыслей*. И внутреннее, и внешнее связаны определением «состояние гармонии». Давайте немного проследим это.

65

Мир прежде всего означает *безмятежность*, безмятежность означает «спокойствие, безмолвие» и «совершенную ясность мысли». Синонимами мира выступают: *порядок*, *союз, примирение*, *единство*. Единство означает *неделимость*, *интеграцию*, *целостность*. Мир – это также «целостность, единство, гармония» – наивысшее состояние разума, которое «безмятежно, тихо, безмолвно» и «свободно от тревожных чувств и мыслей».

66

В названии этой книги говорится, что создаёт мир и как его достичь. Я пытался показать, что традиционные подходы к миру мешают свободе человека, препятствуют пробуждению разума и выстраиванию гармонии индивидуума с обществом. Но теперь давайте разберёмся, что мы подразумеваем под *свободой*. Общепризнанное значение слова «свобода», согласно Словарю Уэбстера (Webster), есть «состояние от ограничений». Ограничение, то есть сдерживание, принуждение или применение силы. Здесь ключевое слово – принуждение, что означает «непреодолимое желание действовать иррационально» и одновременно «принудительно, обязательно».

67

Мы опираемся на определения, но в этом должны быть осторожны, чтобы не попасться на крючок формальных описаний. Слова могут вызывать привыкание к ним и даже приносить удовольствие. Но это один из способов взглянуть на проблему и его не стоит игнорировать. При этом не следует избегать вопрошания, спрашивая себя: можем ли мы установить мир, и что он для нас значит? Важно понимать, как мы его можем добиться. «Как» подразумевает метод, способ достижения чего-то.

68

Давайте рассмотрим пример того, какое противоречие обнаруживается в попытке установления порядка и единства через принуждение, принудительное и обязательное требование подчиниться. Организация Объединённых Наций (ООН) – это международная организация, которая устанавливает правила мира и сотрудничества между народами в планетарном масштабе. Если присмотреться на события прошлого и настоящего в международной практике ликвидации конфликтов и войн, то в подходе к миру этой организации обнаруживается ирония или насмешка над тем, как насилие всякий раз ускользает от воздействия миротворческих программ и стратегий. Преуспела эта организация в понимании и установлении мира, или, быть может, она вовлечена в процесс, который лишь усугубляет проблему?

69

Слово «единый» означает «один»; может ли объединение отдельных частей создать единое целое, как в объединении наций для создания порядка? Можем ли мы сгруппировать объединение наций (союз, федерацию или даже конфедерацию) в одно нераздельное целое, сохраняя при этом их обособленную, фрагментированную этносоциальную идентификацию?

70

Само соединение слов «единое целое» содержит в себе некое противоречие. Это противоречит логике и порождает колоссальный конфликт между «единичным» и «целым». Мы все хотим каким-то волшебным образом стать одной (единой, неразделенной) расой, но в то же время сохранить разделение, гарантирующее нашу суверенность. Я определяю это как уловку обусловленного мышления (мозга), желаемую иллюзию (самообман). Целостность может быть только тогда, когда есть целостность как свершившееся завершённое самодостаточное бытие. Другими словами, порядок, единство, единый неделимый мир, свободный от конфликтов, то есть мир, только тогда, когда каждый увидит, что он держится за фрагмент и отождествляет себя с ним. Понимание этого процесса даёт нам шанс на интеграцию нового типа. Почему мы это делаем? И на что мы надеемся? Чтобы обрести мир, мы должны исследовать, почему нам нужно отождествлять себя с конкретным, этносоциальным фрагментом.

71

Есть люди, которые верят в целостность и отождествляют себя с бóльшим благом, чем национализм. Но на практике это желание обрести целостность часто заканчивается фразой «Моя религия лучше всех» или романтической терпимостью, которая позволяет всем Богам быть, по сути, единым Богом, сосуществующим в рамках всеобъемлющего идеала целостности. Но опять же, есть разделение, вызванное идеологическим мышлением, какой бы обширной и универсальной ни казалась идеология, этносоциальная дифференция сохраняется и воздействует на наш образ жизни.

72

Какое отношение имеет идентификация к миру и гармонизации отношений между народами, и как она препятствует свободе? Можем ли мы глубже изучить структуру мышления, лежащую в основе этого парадоксального утверждения? Мы рассмотрели внешние – политические, экономические, религиозные, философские подходы к миру, и ни один из них не принёс мира. Теперь, попробуем более внимательно заглянуть «за кулисы» или вовнутрь, чтобы найти и увидеть там способы достижения мира и согласия?

73

Сама по себе идентификация и разделение есть факторы, препятствующие сближению и взаимопониманию народов. Здесь требуется что-то ещё. Какая-то дополняющая реальность. Похоже, мы верим, что через идентификацию мы можем достичь безопасности и, следовательно, жить в мире. Мы отождествляем себя с тем, что дает силу, к примеру, численность населения или исторический возраст. Мы отождествляем себя и свой этнос с большим благом. Будь эта группа, нация, культура, религия или Бог – процесс, по сути, один и тот же: создание и присоединение к тому или иному Благу или к тому, что будет удерживать и задерживать нас от зла, врага и опасности.

74

С чего начинается необходимость в идентификации? Начинается ли она в школьном классе, когда мы просим детей беспрекословно клясться в верности, подчиняться установленным правилам, защищать себя от злоумышленников, бояться врагов? Идентификация может начинаться, когда мы приводим детей в церковь, синагогу или мечеть и заставляем их верить в определенного Бога или религиозный образ жизни? Мы часто идентифицируем себя из-за страха и от страха? Чего мы боимся? Кого мы боимся? Какого врага мы боимся? Как возникает этот страх? Можем ли мы углубиться в структуру идентификации и её цель, чтобы увидеть, как она функционирует? Можем ли мы наблюдать её действие внутри нас? Почему нам нужно отождествлять себя, «тесно связываться (себя) с человеком или группой»? Вся человеческая жизнь проходит под призывом к бесконечному объединению: «Объединяться, объединяться, объединяться». Мы объединяемся в семьи, группы, сообщества. Объединяемся «в уме», с помощью воображения связывая одну идею с другой. Какое влияние оказывает идентификация на наше отношение к миру? Как мы из разных сущностей формируем отдельную единицу?

75

С кем мы ассоциируемся или идентифицируем себя? Каковы наши идеалы? На кого мы хотим быть похожими? Кто наши герои? Отождествляем ли мы себя с американцем, англичанином, русским, евреем, арабом или христианином? Почему? Считаем ли мы, что эта идентификация обеспечит нам безопасность? И так ли это? Или идентификация лишь поддерживает разногласия и конфликты? Есть ли безопасность во фрагментированном мире, и в чём она состоит? Почему несмотря на то, что идентификация усиливает этноцентричность и приводит культуры к конфронтации, мы продолжаем продвигать её, следуя за её установками и стереотипами поведения? Что это – укоренившаяся привычка, обусловленная реакция или страх остаться в одиночестве?

76

Как идентификация, согласно этому типу мышления, создаёт и поддерживает мир? Развивает ли идентификация нашу потребность быть хорошими, вести добродетельную и этичную жизнь? Существует ли какая-то взаимосвязь между желанием быть нравственным и конфликтом? Как нам стать хорошим? Давайте на время прервём наше исследование мира, чтобы обратить внимание на Добро как желанную и благодетельную ценность. Что есть Добро? Мы все хотим, чтобы нас считали людьми добрыми и хорошими. Мы говорим нашим детям: «Веди себя хорошо, иначе…!»

77

Существует ли способ достижения добра? Некоторые люди считают, что ребёнок «рожден в первородном грехе», что человек, по сути, с рождения «плохой» и «греховен», и ему необходимо, стать «хорошим». Итак, чтобы стать хорошим, человек оценивает себя и свои действия как плохие и нуждающиеся в искуплении, раскаянии. Затем создаётся идеал добра (то, чем мы должны быть в ответ на то, чем мы не должны быть). Теперь у нас двойственное состояние ума, и начинается битва добра со злом.

78

Мозг контролирует наше поведение как внутренний судья, описывая и посылая команды, что такое хорошо, и что такое плохо. Его задача – любой ценой устранять плохое в пользу хорошего. С этого и благодаря этому начинается идентификация. Идентификация или ассоциация предполагает подражание: жить в соответствии с идеальным образом хорошего, приемлемого поведения, каким бы оно ни было в конкретной культуре. Мозг разделен и беспокоен. С одной стороны, он должен подавлять плохое, а с другой – должен быть хорошим, добропорядочным. Этот процесс лежит в основе всякого конфликта от локального к глобальному. Понаблюдайте за собой для того, чтобы в этом убедиться. Не нужно полагаться на сторонний авторитет, вам необходимо прямое самонаблюдение, чтобы понять, как это происходит. Задача состоит в том, чтобы наблюдать за ходом самого мышления, его структурными переходами в попытках принудить человека вести себя благопристойно.

79

Добро представляет собой то, чем мы должны быть, или что мы должны делать. Одна из вещей, которые мы должны делать – быть мирными и следовать за добрыми образцами, идеалами, ценностями. Дело в том, что мы перманентно находимся в различных состояниях конфликта. Ведь в том или ином виде мы разделены внутри себя. Парадоксально, что попытки вести себя мирно часто усугубляют проблему, усиливая борьбу между добром и злом, которая порождает и поддерживает насильственное поведение.

80

Мир как благообразие представляет собой отождествление с добром – национальным, политическим, религиозным или философским идеалом. Мы следовали идентификации с другими людьми, идеал которых подобен нашему собственному, потому что нам внушали или заставляли поступать так-то и так-то с помощью наказаний и поощрений. Каждое общество настаивает на том, чтобы люди отождествляли себя с определенными принципами идеологического мышления. Социальные лидеры используют свою власть для поддержания статус-кво и обеспечения стабильности, безопасности и порядка. Тем не менее, всегда появляется новый идеал, который вызывает изменения мирным или насильственным путём.

81

Что есть свобода? Свобода – бинарная оппозиция насилия. Свобода означает не просто отсутствие ограничений: способность думать самостоятельно, не ограничиваясь фиксированными идеологиями. Свобода – это не бунт или насильственный отказ от старой идеологии в пользу новой. Всякое принуждение к умиротворению или хорошему поведению сопровождается ограничениями. Человек несвободен, когда его ограничивает определённый образ мышления. Само мышление состоит из опыта и переживания прошлого, и потому оно, так или иначе, вступает в противоречие с настоящим, отличным от прошлого движением жизни. Когда мы вынуждены действовать «по принуждению» – быть хорошими или мирными, возникает риск протеста, непреодолимое желание действовать иррационально. Но жить в соответствии с диктатом обусловленного мышления само по себе неразумно. Импульсы этого диктата заводят человека на иррациональные и опасные действия. Рациональность, напротив, есть способность мыслить ясно, логически и разумно – это мышление, которое исходит из самого факта и ракурса прямого наблюдения, объяснения и оценки.

82

Возникает вопрос: что происходит с плохим образцом или с тем, что не идеально? Как мозг реагирует и воздействует на то, что не соответствует его идеалу? Мозг начинает искать опору за пределами «своего хозяина», наделяя властью внешние силы. Таким образом создаётся всё то, что противостоит Добру, и что вызывает внутренние терзания и проблемы. К примеру, запускается программа поиска врага: «Это делает дьявол! Мне нужно изгнать его и вернуть Бога в мою жизнь». Такое внешнее приписывание своих же собственных недостатков в нашем поведении, их перевод (проекция) на другого человека снимает ответственность за наши собственные действия. Мы придерживаемся мнения, что эти внешние силы, в лице Бога или Дьявола, нас спасут или уничтожат. Мы не замечаем, что мы сами запускаем маховик борьбы добра и зла, всё сильнее разжигая конфликт. В социологическом или политическом контексте мы приписываем плохое «им», «врагам», а хорошее – «нам», «истинным героям», «борцам за свободу». Но внутренняя война, как бы она ни проявлялась и где бы ни разворачивалась – в религиозных, политических или социальных системах, по сути, проецирует одну и ту же борьбу: беспрестанное сражение нашего мозга в поисках «благодетельного» и «спасительного».

83

Идентификация создаёт своих и чужих, защитников и противников, героев с идеалистическими представлениями и жертв, виновников конфликта. У каждого народа свои представления о героях. Но герой обычно позиционируется патриотом, несущим знамя добра против всех врагов, «внешних и внутренних». Все стороны видят себя героями и борцами за свободу. И Бог, конечно, на стороне добра, но каждая сторона считает себя воплощением Добра. Разве мы не видим этого парадокса? Каждая «сторона» изображает врага неприглядным, устрашающим, кровожадным, агрессивным, стремящимся грабить и убивать. Каждая сторона видит себя «жертвой», защищающейся от злодея. Она чувствует себя вправе ради праведности и во имя своего Бога или Священной книги защитить себя и нейтрализовать злодея.

84

Но это видение «врага» есть не что иное, как прогнозируемое и проецируемое суждение о самих себе – осуждающий образ наших собственных недостатков, симптоматика негативного, того, о чём мы думаем и как поступаем. Что мешает нам вступить в прямой контакт с этим «приговором», этим самоосуждением, этим проецируемым нами «злым» человеком? Я полагаю, что прежде всего мешает страх того, как другие будут относиться к нам. Мы обычно визуализируем самих себя в образе врага, при этом забывая, что нами руководит тот, на кого мы злимся (Лао-Цзы). Осуждение нашего поведения как плохого – это больше, чем образ или мысль; это обратная сторона нашего мироощущения. Плохое самочувствие всегда неприятно, болезненно, деструктивно, и потому неудивительно, что в этой проекции мы не хотим смотреть на себя напрямую.

85

Как и чем этот процесс поддерживается? Точно так же, как мы контролируем поведение наших питомцев: мы подчиняем себя системе поощрений и наказаний через индикаторы обусловленного мышления. В одном случае, конечная награда – это рай или ад, если они предусмотрены религиозной доктриной, которую человек исповедует. В другом – данный процесс проявляется в социальной критике и неодобрении со стороны наших сверстников. Здесь награды, дарованные обществом, – это знаки отличия, символы признания, богатство и статус. Наказания и награды могут быть самые разные. Детали не так важны, как понимание основной потребности и процесса контролирующего поведения, которое исходит из несмолкаемого желания понравиться своим согражданам. Всё это достигается через проецированное представление о себе и выражение тех хороших качеств, которые делают или должны сделать нас таковыми.

86

Легко увидеть самые разнообразные политические или религиозные проявления идеализации. Арабы и израильтяне, русские и американцы, иракцы и иранцы и так далее – все они разделены на противостоящие идеологические лагеря, которые коренятся в структурах их ментальности и обусловлены стремлением жить в соответствии со своими социальными и мировоззренческими принципами. Идеализированные проекции – это, по сути, попытка мозга вызвать хорошее поведение или соответствовать ему. Мы не осознаём, что проблема находится внутри нас, и мы подходим к разрешению конфликта и войны с помощью той же техники, которая её порождает – создания идеалов, которые отличают нас от других. В результате, мы становимся свидетелями символических войн, битв за наследие, сопротивления культур.

87

Итак, всё начинается с недостаточности человека, антропологической незавершённости, вызывающих внутренний конфликт и противоречие с внешним миром. Этот процесс сопровождается мифотворчеством обусловленного мышления, то есть самим мозгом, пытающимся снять внутренние и внешние противоречия через маркирование идеального в образах добра и порядка. Обусловленность мышления заставляет человека искать спасение в идеалах. Отметим, что, когда мышление служит инструментом измерения, сравнения и оценки, к примеру, в точных науках и инновационных технологиях, оно функционирует должным образом и приносит большую пользу обществу. Но когда та же самая форма мышления самопроизвольно применяется в социально-психологической и идеологической сферах в попытке изменить поведение человека, она вызывает противоречия, конфликт и насилие. Итак, мы бросаем вызов обоснованности использования сравнительного инструмента для коррекции психологического состояния человека, попытке изменить нашу сущность. В психологической области, как и в науке, мышление делает то же, что и всегда: оно судит, сравнивает, оценивает, тем самым создавая хорошее и плохое, символы и метафоры добра и зла.

88

По сути, в основе конфликта лежит этот деструктивный процесс обусловленного мышления, который моралистически оценивает поведение в пользу некоторого идеализированного образа, правильного и добродетельного действия. Попытка мифологизации ненасилия, желания показаться «хорошим» и получить заветное признание, как мы уже обсуждали, парадоксальным образом порождает конфликт и агрессивное поведение.

89

Итак, многие наши попытки быть «миролюбивыми» или «умиротворёнными» на практике создают противоположный эффект и нередко оборачиваются насилием. Проблема в том, что мир, добро и ненасилие как высшие ценности гуманистической культуры продвигают свои позиции теми же воинствующими и разделяющими приёмами, против которых они выступают. Случается так, что за идеалами мира следует судебный вердикт и жестокий приговор, усиливающие новый, ещё более глубокий раскол. Вот почему фундаментально важно создавать и защищать мир не через преследование, но через живое восприятие действительности, осознание глубины и смысла противоречий, прямое участие в разрешении конфликта, здесь и сейчас.

90

И снова повторим: мир не может держаться на силе, но только на понимании. И хотя миротворцем человеку легче слыть, чем им быть – только мир (подлинный, но не воображаемый) даёт человеку шанс на спасение. Перефразируя З. Фрейда, можно сказать, что голос мира негромок, но он говорит до тех пор, пока его не услышат.

91

В своей работе с конфликтами эксперты часто принимают симптомы за причины и тем самым неправильно диагностируют деструктивные противоречия. Неправильный диагноз делает невозможным истинное понимание первопричин конфликта. Корень проблемы скрывается от нас в тумане ложных умозаключений. Мы исследуем конфликт, порождённый идеологическим мышлением, направленным на установление порядка, гармонии и единства, то есть мира. Мы выдаём желаемое за действительное и попадаем в замкнутый круг противостояния. Возникает парадокс: традиционный процесс установления мира порождает конфликты?

92

Мы начали с изучения традиционных подходов к миру, привычных нам способов избавления от конфликта. Затем мы перешли к тому, чтобы посмотреть на этот процесс психологически. В этом случае мы увидели, как посредством подражания авторитету и подчинения ему запускается конфликт между внутренними и внешними императивами. Мы попытались прояснить это ещё раз, одновременно наблюдая за реакцией мозга, включая сам процесс чтения данной книги.

93

Итак, мы учимся на ходу не собирать бесконечную информацию или знания по теме войны и мира, а действительно пробуждать свой интеллект, пристально наблюдая и отслеживая реальную мыслительную работу мозга и принимая во внимание его антропологическую природу и обусловленность мышления, и культурно-историческую спецификацию ментальных структур.

94

Мы помним о том, что работа мысли, по существу, никогда не прерывается. Пробуждение и проницательность наблюдательности – это уникальная способность интеллекта (но не IQ), которому присуща способность распознавать, что является истинным, и что – ложным. Именно этот пробуждающийся в нас разум приведёт нас к пониманию конфликта и конструированию настоящего и прочного мира – не через далёкие от жизни и воображаемые идеалы, но через прямое наблюдение, проницательность и реальное участие в благодеянии здесь и сейчас. Пробуждение интеллекта сделает наши отношения с другими людьми миролюбивыми, согласованными и правильно выстроенными. Всё это будет культивировать настоящую заботу о человечестве, поддерживать благополучие как отдельного человека, так и всего мирового сообщества.

95

Пришли ли мы к пониманию поставленной цели этой книги? Что ещё нужно для понимания конфликта? Я пытался показать, как в нашем стремлении развивать образ жизни свободный от насилия мы всякий раз воспроизводим его в новой редакции? Для меня очевидно, что насилие нельзя укротить идеологическими проектами и сценариями будущего. Конфликт всегда разворачивается и нас достаёт в настоящем времени.

96

Нельзя достигнуть мира, не творя и не поддерживая его в каждый момент. Нельзя создавать мир без понимания того, откуда и из чего проистекает конфликт, что мешает миру, свободе и добру прочно утвердиться в жизни людей. Что включает в себя это понимание?

97

Как мы могли уже убедиться, можно в любой момент прекратить чтение книги и выйти за рамки печатного слова для того, чтобы понаблюдать за подвижной и противоречивой действительностью, интригующим процессом обусловленного мышления. Это мышление всякий раз провоцирует нас на когнитивные искажения, пытается нас изменить посредством мифотворчества и идеализации действительности и самообмана. Но как поступить правильно в этой ситуации? Что нужно делать?

98

Вероятно, всегда полезно запускать в себе процесс вопрошания и сомнения. Там, где есть вопрос – есть сомнение, там, где есть сомнение – есть наблюдение и желание во всем разобраться по существу. Сомнение и наблюдение позволяют «оседлать» мысль. Если мы вдумчиво следим за происходящим, подходим к нему критически и проницательно, нам непременно откроется то, что скрыто за пеленой обусловленного мышления.

99

В своём когнитивном продвижении важно творчески сомневаться, распознавать намёки и различать детали, правильно реагировать на вызовы обусловленного сознания (взгляды, мифологемы, символы, реплики, идеалы) и всякий раз отслеживать ход и состояние своего ментального мировосприятия, движение мысли и инсценировки воображения? Важно в постижении мира как высшей ценности понять и отбросить всё то, что ему противостоит и мешает.

100

Полагаю, что этот «процесс устранения» всего негативного и деструктивного способен освободить наш разум от условностей привычного, но устаревшего мышления? Когда кто-то шаг за шагом исследует беспорядок, хаос и замешательство в жизни человека, то есть всё то, что порождает конфликт, насилие и войну, создаёт ли он сам мир? Понимаем ли мы значение этого процесса? Я утверждаю, что мир наступает, когда мы отбрасываем путём тщательного исследования всё, что создаёт конфликт. Понимаем ли мы, что слепое стремление к миру – создание, утверждение и подражание идеалистическому выверенному поведению – парадоксальным образом может порождать конфликт, беспорядок и насилие?

101

Итак, если мы не поймём причину, мы не сможем решить проблему. Однако, если мы проясним конфликтную ситуацию, доберёмся до первопричины насилия и агрессии, у нас появится шанс создать мир, и, по существу, освободиться от извечного противостояния и деструктивного столкновения в наших взаимоотношениях друг с другом.

6. ОТКУДА И КУДА МЫ ИДЁМ?

102

К чему мы пришли и куда отправимся? Кажется, что если кто-то наблюдателен и подвергает сомнению основную структуру того, что мешает миру и создаёт конфликт, то приходит осознание того, что построение мира – это не чтение и нравоучение, но реальный процесс участия, акт конкретного умиротворения. Любая книга и данное издание – не исключение, отражает только то, что истинно или ложно для её автора. В конечном итоге только сам читатель выявляет истинность или ложность содержания. В этом случае слова, написанные на странице, являются лишь указателями, метафорами и символами того, на что автор просит читателя пристально взглянуть, к чему присмотреться, в чём сомневаться. Часто книги о войне и мире представляют собой просто захватывающие (или скучные) описания симптоматических проявлений исторических перспектив; или вычурные проекции, основанные на яркой фантазии автора; или очень надуманные и изощрённые интеллектуальные интерпретации, обусловленные когнитивными искажениями и фантазмами мозга. Мы редко смотрим на реальность «без посредников» (идей и образов обусловленного мышления), и потому многое из того, что мы видим, и то, что смотрит на нас, мы воспринимаем не напрямую, но через призму навязанных нам предрассудков – главного препятствия на пути гуманистического миропорядка.

103

Мы – это совокупность высокообусловленных личностей, ищущих безопасность и спасение в наших собственных спроецированных убеждениях. Мы с рождения приучены верить в наших родителей, учителей, религиозных и политических лидеров; в каждой стране – флаг и особое идиосинкразическое поклонение тому, что мы считаем Богом. Всё это, безусловно, важные ценности, и жизнь общества без них невозможна. Проблема в том, как правильно их воспринимать и использовать в интересах мира, добра и свободы.

104

Мы есть то, как мы мыслим. Обусловленность мышления, эклектичное скопление информации, которые формируют наши мысли и поведение зачастую работают против нас. Будучи обусловленными, мы изолированы в этой обусловленности. Мы разделены одиночеством, корыстными убеждениями и эгоцентризмом. Идеи и стереотипы обусловленного мышления заполняют наше сознание, и через это сознание выражается обусловленность того, что и как мы делаем. И далеко не всегда в интересах мира, свободы и добродетели. Надо признать, что весь исторический опыт человечества свидетельствует о том, что в наших поступках слишком много иррационального, подрывного, сумасбродного – всего того, что служит не миру, а войне.

105

Когда человек осознает это печальное и пагубное для дела мира состояние, видит тщетность и ошибочность действий, усиливающих фрагментацию и изоляцию людей, народов и культур, он начинает задаваться вопросом: почему так происходит? Причину всего этого порядка-беспорядка следует искать в принципах функционирования обусловленного мышления. Эскалация обусловленных систем убеждений почти всегда заставляет человека конфликтовать. В этой ситуации ни бунт, ни альтернативные системы верований не могут положить конец конфликту.

106

Где мы пребываем сейчас, и куда мы движемся? Мы начинаем подвергать сомнению, изучать мириады обусловленных идей, гипотез и предубеждений относительно того, как обустроить мир без насилия. Но при этом продолжаем призывать к миру с опорой на насилие. Мы создаем специализированные школы миротворческого образования, разрабатываем учебные программы, пишем учебники, хрестоматии и монографии. Кажется, у нас есть всё необходимое для пробуждения интеллекта и построения прочного мира. Мы помогаем нашим детям понять, что война не может быть решением для установления мира. Мы показываем им возможность прекращения войны не на ограниченное время, а навсегда. Если мы не будем открыты для этой возможности, мы своим смирением перед неизбежностью войны сохраним конфликт для наших детей и всех последующих поколений и не прервём порочный круг бесконечно преследующего нас насилия.

107

Настало время каждому из нас посмотреть на себя и осознать свою ответственность за мир, проникновенно наблюдать за происходящим, освободить свой разум от предрассудков, понять, что действительно мешает миру, и что способно пробудить наш разум для достойной и счастливой жизни.

Не сомневайтесь в том,
что небольшая группа
мыслящих и самоотверженных людей
может изменить мир.
В действительности лишь они
и привносят эти изменения.

Маргарет Мид (1901-1978)

Never doubt that a small group of
thoughtful, committed citizens
can change the world;
indeed, it's the only thing that ever has.

Margaret Mead (1901-1978)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

CONCLUSION

Хочется верить, что, когда книга дойдёт до читателя, она превзойдёт самые смелые ожидания автора, потому что книги, дающие понимание, обретают новое когнитивное качество независимо от того, кто их написал. Это подобно преображению и пробуждению разума, ибо у разума есть своя собственная жизнь, которую он щедро передаёт воспринимающим его людям.

Я надеюсь, что в процессе чтения этой книги читатель пришёл к осознанию того, что сам процесс сомнения и вопрошания создаёт необходимые условия для очень чувствительного, бдительного, ответственного и отзывчивого состояния ума. Наблюдательный разум не может быть категоричным, он всегда осторожен. Именно эти качества – бдительность, наблюдательность и осторожность позволяют распознать собственные обусловленные реакции на вызовы жизни и тем самым снимать болезненную конфликтную остроту по мере их возникновения. Сначала это может потребовать ретроспективного анализа, осознания того, каким был человек в прошлом. Но по мере того, как человек продвигается в своём когнитивном осмыслении, значение исторического времени уменьшается, и здесь остаётся только увидеть и распознать обусловленную реакцию в том виде, в каком она себя выражает. Бдительный и наблюдательный человек благодаря своей творческой осторожности и проницательности способен освободить себя от принуждения обусловленного мышления к привычным стереотипам, шаблонам и предрассудкам.

Мне остаётся надеяться, что мыслящий читатель во всём разобрался и понял меня правильно. Увидел ли он тщетность и разрушительность безудержной идентификации систем убеждений? Понял ли он парадоксальную природу и смысл попыток установить мир с помощью идеалистического мифотворчества? Востребовал ли он свой творческий потенциал для понимания того, что мешает миру, посредством отбрасывания всего того, что работает на конфликт? Осознавал ли он огромную важность того, что и как может изменить мир к лучшему? Продолжает ли он верить, что традиционные подходы к прекращению войны и установлению мира являются жизнеспособными решениями? Что он сам предлагает?

Тысячелетиями люди пытались положить конец войне и жить в мире. Но эта цель не была достигнута. Удастся ли человечеству укротить насилие и остановить войну? Или война была, есть и будет преследовать человека везде и всюду? Полагаю, что, если мы не дойдём до понимания антропологической первопричины насилия, миру будут угрожать бесконечные войны и опасность уничтожения цивилизации. Если мы не доберёмся до корня того, что создаёт конфликт, он останется с нами навсегда. Но будем оптимистами: голос мира не громок и не навязчив, но он заявляет о себе до тех пор, пока его не услышат.

*** *** ***

Эта книга в виде трилогии объединяет три отдельные издания (см. стр.287-288) и написана с целью понять первопричины конфликта и насилия в человеческой жизни и попытаться сделать мир немного лучше и добрее.

Важно помнить, что антипатия, обиды, нетерпимость и конфликты начинаются в голове человека – негативные образы нашего восприятия заставляют нас искать причину и находить виновника нашего беспокойства. Такая ситуация принуждает нас насторожиться и вступить в борьбу, следуя рефлексивной команде обусловленного мышления. Здесь чаще всего нами руководит страх неопределённости и смятения.

Вот пример одного из простых упражнений, который я предлагаю сделать студентам, чтобы пробудить их интеллект и понять причины страха и неуверенности в себе. Я прошу, чтобы один из них стоял на некотором удалении, в шагах 10-15 от меня. После чего, глядя на них, я медленно иду к ним. Я прошу, чтобы они сообщили мне, когда почувствуют себя неловко, и тогда я останавливаюсь. Обычно на расстоянии вытянутой руки от них.

Тогда я внезапно делаю большой шаг в их сторону. В этот момент, как правило, они в беспокойстве замирают. Я спрашиваю своих студентов, почему они начинают испытывать неловкость, как только я к ним сильно приближусь?

Что они ощущают теперь? Я интересуюсь у них о том, что они испытывают и что хотят в этот момент сделать? Они обычно говорят, что из-за резкого движения в их сторону они нервничают, тревожатся,

боятся. Чаще всего мне отвечают примерно так: ощущаю потенциальную угрозу, хочется убежать или подготовиться к борьбе. Тогда я прошу, чтобы они сделали паузу и в этот момент посмотрели на ситуацию, есть ли в ней реальный повод для беспокойства и угрозы.

Студенты улыбаются и признают, что никакой опасности на самом деле не было, это лишь плод воображения или мнимая угроза будто бы приближающейся опасности. Студентов заставили рефлексивно бояться их рудиментарные структуры мозга, которые в момент моего наступательного приближения к ним посылают сигнал застраховаться, принуждая их реагировать даже на мнимые угрозы.

Поэтому так важно не поддаваться слепым вызовам архаических инстинктов, вовремя и правильно отличать мнимую угрозу от реальной опасности. Такое упражнение ясно показывает интеллектуальную осведомленность и снимает ложное беспокойство.

У интеллекта имеется своё место. Наше мышление есть ответная реакция со стороны мозга. Эта реакция часто исходит от устаревших ментальных структур, реагирующих на любую потенциальную опасность в силу глубоко укоренившейся биологической памяти.

К сожалению, существующие ныне образовательные практики почти не учитывают это обстоятельство и продолжают обучать студентов под воздействием обусловленного мышления, заполненного предрассудками, предубеждениями и мнимыми угрозами.

Любой конфликт разделяет нас, снижает качество жизни, мешает миру и добродетели утверждать свои гуманистические ценности, искажает наше восприятие друг друга. Он озлобляет нас и принуждает воспринимать другого человека с иным взглядом и видением жизни как врага или неприятеля даже тогда, когда этот другой таковым не является. Наше обусловленное мышление склоняет нас к тому, чтобы принять нами же созданный образ «врага» за единственную правду, и запускает реактивную и наступательную программу по уничтожению этого «врага».

Нам очень важно различать реальную угрозу и то, что мы сами придумали себе как угрозу. Мы смотрим друг на друга – я на тебя, а ты на меня, и мы зачастую видим придуманные и искажённые образы друг друга, далёкие от того, кем на самом деле мы являемся.

Наши многочисленные психологические эксперименты убедительно показывают, что больше всего миру мешают предрассудки, мнимые угрозы, когнитивные искажения и пугающие образы обусловленного мышления. Все эти образы часто рядятся в национальные одеяния, чтобы напугать друг друга посредством различий этносов, религий и культур.

Но ведь различия только укрепляют наши связи, одномерный мир не приспособлен для безопасной жизни. Разнообразие – это великое благо, и каждый человек на Земле должен гордиться своей культурой – будь он американцем, русским, арабом, евреем или китайцем. Мы все разные ветви одного дерева. Мир

не может быть достигнут в одиночку. Вместе мы способны изменить мир к лучшему, если сумеем перейти от понимания к взаимопониманию.

*** *** ***

Вот уже на протяжении пяти-шести лет мои коллеги и партнёры в Самаре отмечают Международный день мира, провозглашённый ООН в 1981 году. Этот день Генеральная Ассамблея ООН объявила днем укрепления идеалов мира среди всех стран и народов как на национальном, так и на международном уровнях. В этот день в рамках Самарского культурологического общества подводятся итоги ежегодного международного арт-культурологического проекта «Мир как культура: от маленьких шагов к большим переменам». Я горжусь и ценю своё сотрудничество с самарскими культурологами и психологами в рамках программы миротворческого образования, осуществляемой в ознаменование Международного десятилетия ООН по сближению культур (2013-2022).

Практическим воплощением нашего партнёрства и ценным вкладом в гуманистическое образование и культуру мира стал совместный арт-проект «Открытки мира» (2017-2018). Благодаря этому проекту мы увидели в каждой созданной по авторскому или переработанному дизайну открытке поучительные иллюстрации и мудрые комментарии (на русском и английском языках) о том, как сделать наш мир лучше. В конкурсных программах проекта

приняли участие более 120 студентов России и мира, представивших более 250 работ.

Я благодарен за те совместные разработки, которые позволили продвинуть вперед работу по изучению первопричины человеческого конфликта, его влияния на психологические и эмоциональные условия нашего мышления. Всё это делает возможным выйти из состояния обусловленного предрассудка и стереотипа и встать на путь мира, созидания и согласия.

Мне вспоминается один случай в моей жизни. Однажды, много лет назад, я прогуливался по парку, и со мной произошёл эпизод, который заставил меня пересмотреть некоторые свои взгляды на жизнь и освободить их от предрассудков. Во время этой прогулки я познакомился с девушкой. Будучи достаточно застенчивым молодым человеком, я поинтересовался у неё, откуда она родом. И она ответила: «Из Georgy». Я подумал, что это штат в Америке, но она уточнила: «Нет, я из СССР, Грузии». После её ответа я почему-то насторожился и поймал себя на мысли, что стал жертвой обусловленного мышления, усиленного пропагандистскими образами холодной войны, заставляющими меня чего-то опасаться.

Тогда я сразу спросил себя: «Почему я так насторожился, почему мой мозг заставляет меня переживать? Я обеспокоен тем, чего на самом деле нет». И я понял, что нужно контролировать своё восприятие и не поддаваться слепым командам мозга или обусловленного мышления. Это сильно помогло

мне в дальнейшем избавиться от предубеждений и выстроить добрые отношения со многими людьми.

Спустя какое-то время я поехал в Россию. Это случилось в 1980-х годах, когда Горбачёв пригласил нашу делегацию по линии Фонда мира. Мы были группой американских студентов, и у нас был огромный интерес встретиться с Россией. Первая наша встреча произошла с русскими тинейджерами. Сначала мы настороженно искали в них что-то особенное, но они лишь были одеты немного по-другому. Во всём остальном – такие же, как и мы. Мы много общались и обрели в России хороших друзей, связи с которыми до сих пор продолжаются.

Во время моего детства в США везде и всюду нам внушали страх и неприятие к русским (так же как, наверное, советских людей пугали воинствующими американцами), мы даже играли в игры, основываясь на этих предрассудках. Но как только мне представился случай, и я встретился с русскими, все мои страхи и опасения испарились, и я понял, что стал жертвой навязанного мне образа врага. Почему же мой мозг так долго пугал меня угрозами, которых на самом деле не было? Всё дело в том, что я называю, обусловленным мышлением, когда нечто измышлённое и опасное навязывается твоему разуму.

Когда я посетил Россию и был очарован удивительной красотой огромной страны, выдающимися образцами искусства, отзывчивыми и доброжелательными людьми, я увидел всё то, что не мог сопоставить с теми страшилками, которые мне внушали в детстве.

Вот почему я хочу сказать вам: внимательно присматривайтесь к тому, что вас беспокоит и настораживает, что делает вас зависимыми от обусловленного мышления, и сопутствующих ему предрассудков. Миротворчество и согласие между людьми нуждаются в ваших знаниях, дерзаниях и достижениях.

*** *** ***

Выход в свет моей книги в России для меня подобно чуду – радостное, волнительное и неожиданное событие. Я лелею надежду, что предпринятое в книге повествование о природе конфликта, поможет людям достойно и со знанием дела преодолевать вызовы повседневной жизни и обретать гармонию в общении с людьми. Хочу верить, что книга побудит вдумчивого читателя идти дальше в стремлении сделать наш мир добрее и благоразумнее. Пусть книга, словно брошенный в пруд камешек, вызовет рябь, и разойдётся расширяющимися кругами волн, передовая от одного читателя к другому идею построения ненасильственного мира и конкретного миротворчества, здесь и сейчас. Я убеждён, что каждый из нас через понимание того, откуда и как возникает конфликт способен изменить мир к лучшему. Как однажды точно заметила Маргарет Мид: «Не сомневайтесь в том, что небольшая группа мыслящих и самоотверженных людей может изменить мир. В действительности лишь они и привносят эти изменения».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

AFTERWORD

Недавно я смотрел фильм о России, сделанный много лет назад. Моя жена Джин посетила Россию в 1961 году, по-видимому, она была одной из немногих американцев, которые в то время смогли посетить Россию (СССР). Спустя почти 60 лет я нахожу этот фильм очаровательным, поучительным и полезным для всех, кто его смотрел. Признаюсь, что мне жаль, что я не был воспитан в России. Я радуюсь и вдохновляюсь замечательно красивой и интеллектуально богатой культурой русского народа, которую в чём-то важном мы здесь не имеем. Русский язык такой благозвучный.

У меня была возможность в этом убедиться, когда я впервые побывал в России (СССР) в 1988 году. Я своими глазами увидел российский балет и посетил московский цирк. Меня поразило дружелюбие и гостеприимство русских людей. С тех пор у меня появилось много друзей в России. Мои партнёрские связи с Россией ещё сильнее окрепли в совместной миротворческой проектной деятельности с педагогическим сообществом Самары и прежде всего с Самарским культурологическим обществом «Артефакт – культурное разнообразие». Я бесконечно ценю наше длительное партнёрство, благодаря которому мы сближаем наши народы и культуры и старательно открываем в них всё лучшее, что нас объединяет во имя торжества знания, гуманизма и мира.

*** *** ***

По завершении моего повествования я не могу ещё раз не отметить, что для меня высокая честь – издание книги в России, где благодаря моим самарским партнёрам я обрёл много друзей. Я никогда не мог представить, что мои книги (трилогия) будут изданы в России. Русский язык такой потрясающий! Он красив и гармоничен. Любой перевод есть непростой процесс сближения и соединения культур. Но когда это удаётся – культуры рождают настоящий мир. Ведь одухотворённая различными лингвистическими и культурными традициями мысль синтезирует лучший опыт словотворчества и наделяется качеством созидательного миропорядка. Для меня это похоже на сон, который позволяет мне видеть, как это происходит.

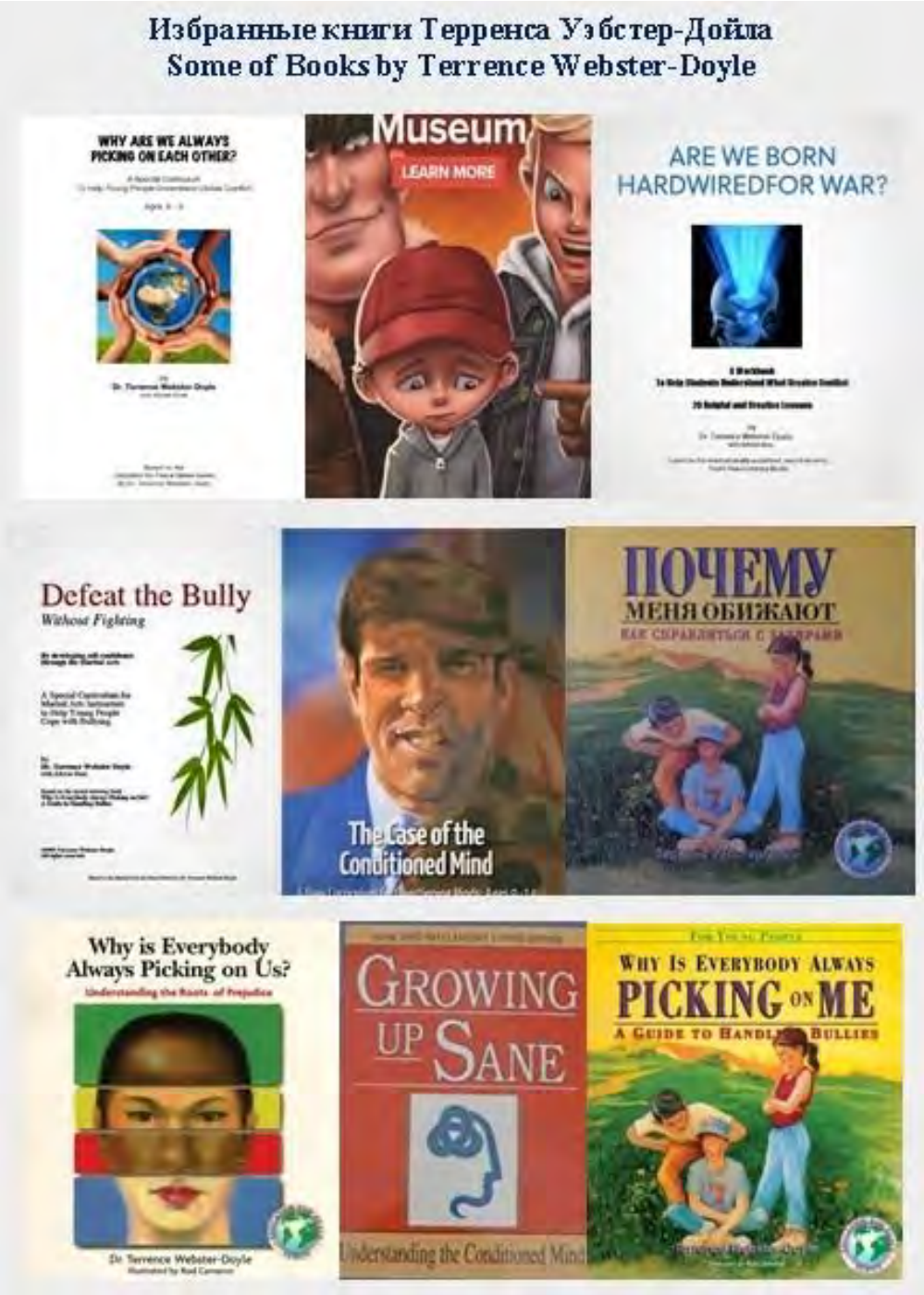
Признаюсь, что для меня русский перевод моих книг бесконечно значим ещё и потому, что он развеивает мифы, которые приучали с раннего детства меня и многих моих соотечественников бояться России (СССР). Когда я смотрю на моё сотрудничество с российскими партнёрами, я не могу поверить, что оно не просто состоялось, но и обогатила меня новым пониманием того, как создаётся мир, и как можно противостоять насилию. Совместная проектная деятельность с моими самарскими партнёрами позволила мне открыть прекрасную культуру и страну под названием Россия.

Поэтому я снова и снова прихожу к выводу, что единственный надёжный способ создать прочный мир – это пробудить разум, открыть его для себя и для другого, освободиться от предрассудков и

предвзятости, увидеть и понять, как всё это происходит в данный момент в живой и творческой включённости в настоящее. Миру не нужны посредники, но лишь прямой диалог, совместное творчество всех тех, кто хочет его достичь. Здесь важно неустанное движение в понимании того, на чём держится мир, что его создаёт и продвигает во имя торжества истины, справедливости и свободы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

SUPPLEMENT



https://www.bravenewchild.org
https://www.preventingwar.org
https://biocogneticsedu.org/

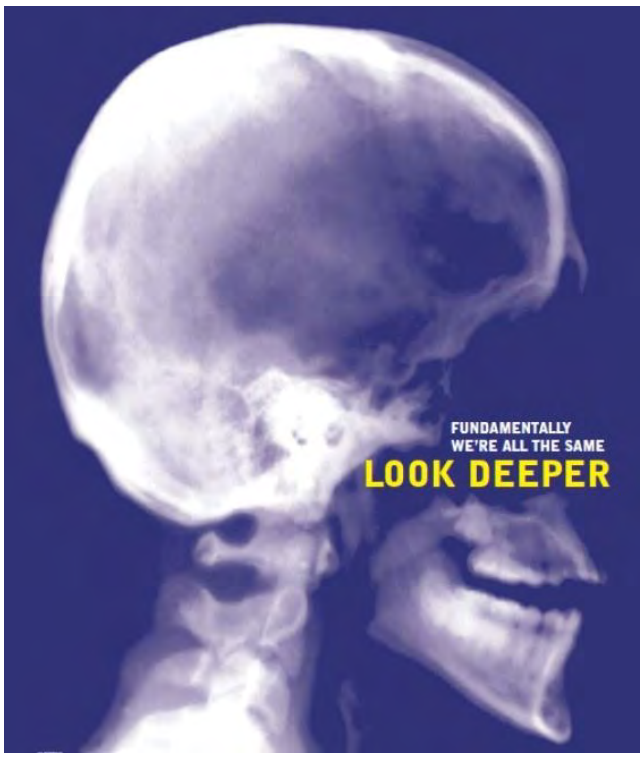
Т. Уэбстер-Дойл и его программа
«Интеллектуальные боевые искусства за мир»

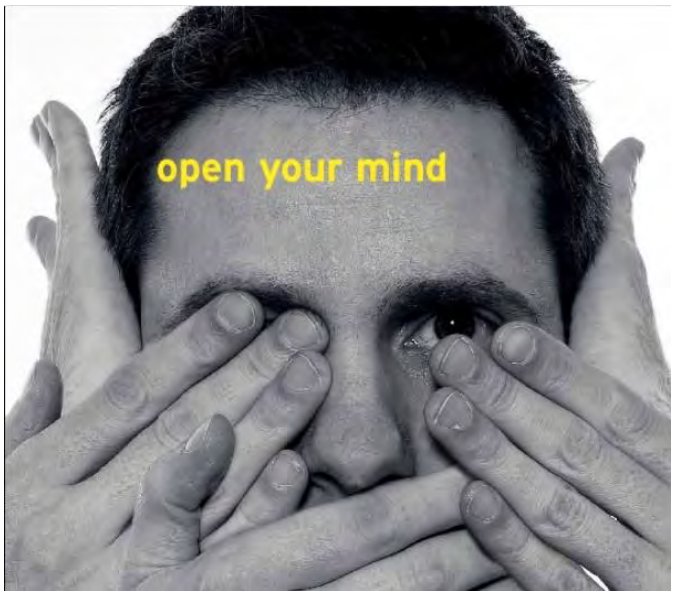
Мир не может держаться на силе – только на понимании.
Открой свой разум для МИРА!

Всемирный День мира ООН в Самаре
(21 сентября 2018)

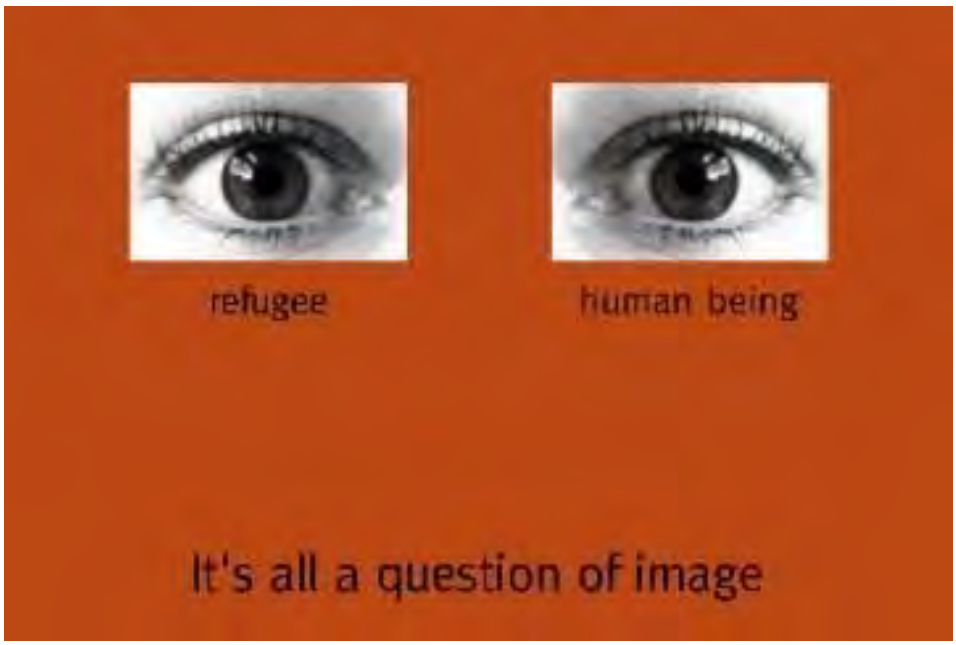
Всемирный День мира ООН в Самаре (21 сентября 2020)

Открой в себе мир и включи себя
в культурное разнообразие человечества





Фундаментально мы все одинаковые. Смотри глубже.
Открой свой разум для мира и любви
(постеры европейской
организации «Вместе за межкультурное действие)

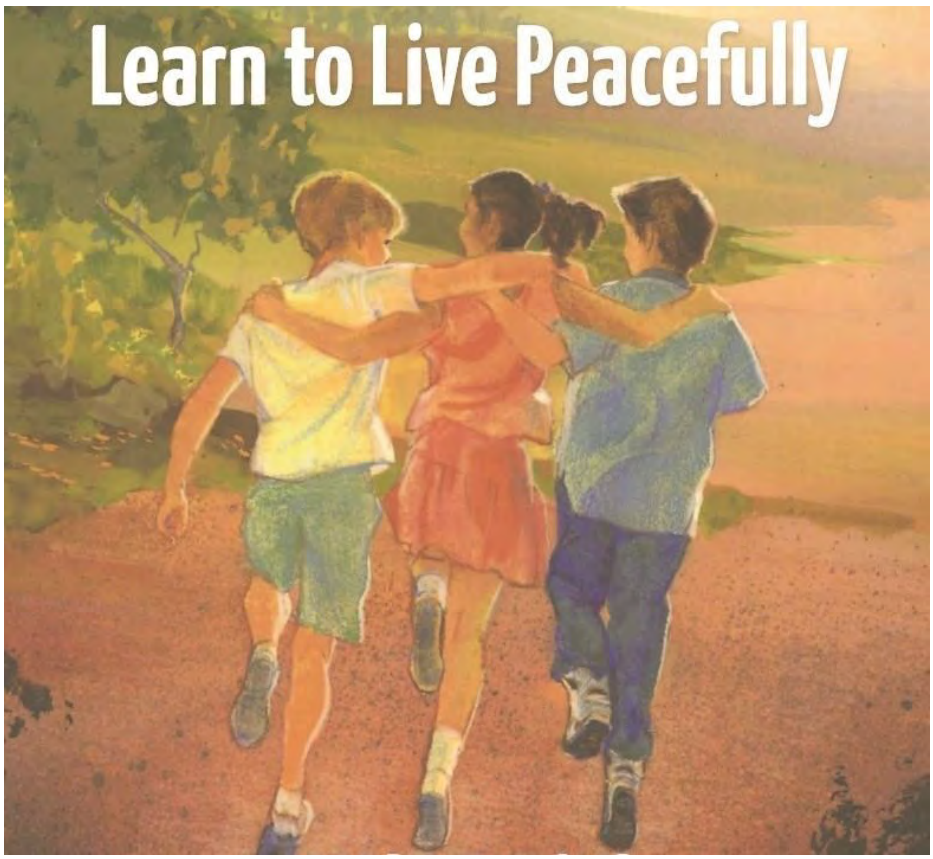


Не обманывай себя иллюзией страха
(постер европейской организации «Вместе за межкультурное действие)

т

Мир в наших руках.

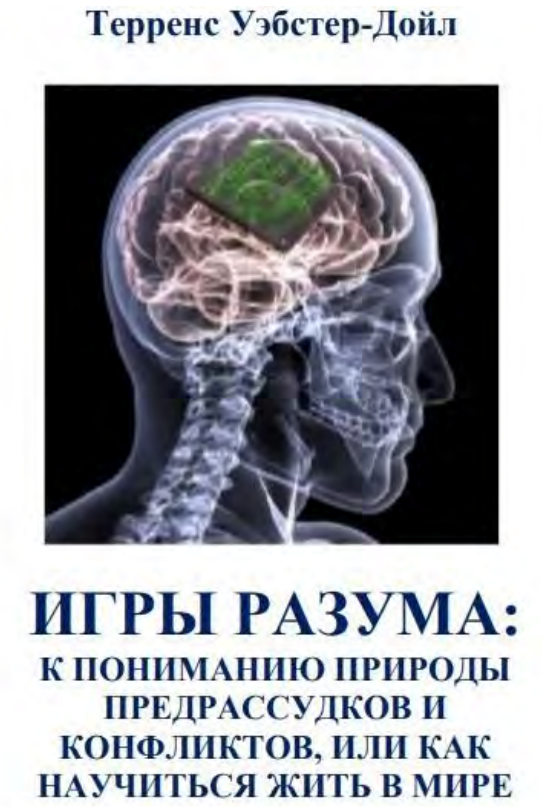
Материалы арт-культурологического проекта «Открытка мира», приуроченного к Международному десятилетию (2013-2022) ООН за сближение культур, Самара (2018-2019)



Учись жить в мире без насилия

Мир не может держаться на силе, но только на понимании.
Нет образа - нет врага - нет войны.

КНИГА ПЕРВАЯ / FIRST BOOK



Уэбстер-Дойл, Т. Игры разума: к пониманию природы предрассудков и конфликтов, или как научиться жить в мире = Mind Games: To Understanding the Roots of Prejudice and How Learn Live Peacefully: научно-просветительское издание / Т. Уэбстер-Дойл. 2-е изд., дополненное и уточнённое. Самарское культурологическое общество «Артефакт – культурное разнообразие». – Самара: Самарский научный центр, 2021. – 65 с.
ISBN 978-5-6045896-8-7

КНИГА ВТОРАЯ / SECOND BOOK

Уэбстер-Дойл, Т. Мир: что ему мешает. К пониманию природы обусловленного разума = Peace: what prevents it? Understanding the conditioned mind: научное издание / Т. Уэбстер-Дойл; Самарское культурологическое общество «Артефакт – культурное разнообразие»; под ред. В.И. Ионесова. – Самара: АНО «Издательство СНЦ», 2021. – 84 с.
ISBN 978-5-93424-869-8

КНИГА ТРЕТЬЯ / THIRD BOOK

Уэбстер-Дойл, Т. Мир: что его создаёт, как его добиться = Peace: What Creates It? The Awakening of Intelligence: научное издание / Т. Уэбстер-Дойл; Самарское культурологическое общество «Артефакт – культурное разнообразие»; под ред. В.И. Ионесова. – Самара: ООО «Самарама», 2021. – 156 с. ISBN 978-5-6045444-6-4

Терренс Уэбстер-Дойл

МИР:
ЧТО ЕМУ МЕШАЕТ,
ЧТО ЕГО СОЗДАЁТ
И КАК ЕГО ДОБИТЬСЯ

Уэбстер-Дойл, Т. Мир: что ему мешает, что его создаёт и как его добиться. Как научиться жить мирно без предрассудков и конфликтов = Peace: what prevents it, what creates it and how achieves it. How learn to live peacefully / Complete Peace Trilogy
/ Т. Уэбстер-Дойл; Самарское культурологическое общество «Артефакт – культурное разнообразие»; под ред. В.И. Ионесова. – Самара: ООО «Самарама», 2021. – 300 с.

https://www.bravenewchild.org/intro/

Об авторе

Терренс Уэбстер-Дойл / Terrence Webster-Doyle (род. в 1940 г.) – директор международного института когнитивного образования за мир, президент *Atrium Society*, основатель и руководитель Музея культуры миротворчества для детей (Паония, Колорадо, США). Автор более 150 научных и учебно-методических работ, в том числе 15 монографий и 20 учебных пособий. Лауреат Золотой медали имени Бенджамина Франклина за книгу «Борьба с невидимым врагом. Понимание эффектов обусловленности», которая была опубликована в 1993 году (№1-7) на русском языке ведущим советским и российским педагогическим журналом «Детская литература».

Отклики на российские издания книг Терренса Уэбстер-Дойла от читателей / Comments on the Terrence Webster-Doyle's books in Russian from readers

---

«Новая книга на русском языке Т. Уэбстер-Дойла "Мир: что ему мешает. К пониманию природы обусловленного разума" / "Peace: What Prevents It?" (2021) притягивает читателя с первых же страниц. Она написано легко и понятно, читается с огромным интересом. Предлагаемые автором идеи могут действительно изменить нашу жизнь к лучшему. Книга побуждает творить мир в реальном времени, здесь и сейчас. И в этом, мне видится, простота, сила и реалистичность, предложенной Т. Уэбстер-Дойлом концепции мира».

Александр Бондаренко, кандидат педагогических наук, член Союза художников РФ, доцент, Самарское художественное училище, Самара, Россия

«Читая книгу "Мир: что ему мешает" / "Peace: What Prevents It?", начинаешь понимать, как надо находить согласие с людьми, противостоять насилию и создавать мир».

Андрей Созданин, аспирант, Самарский государственный институт культуры, Самара, Россия

«Я многое открыл для себя полезного в книге Т. Уэбстер-Дойла “Мир: что его создаёт, как его добиться? Пробуждение интеллекта” / "Peace: What Creates It? The Awakening of Intelligence" (2021). Главное то, что автор вступает в диалог с читателем и предлагает простые и эффективные способы укрощения насилия через понимание природы конфликтов. Книга служит мощным драйвером для креативности действия и пробуждения интеллекта и раскрывает опыт и возможности освобождения его от деструктивных стереотипов обусловленного мышления».

Вячеслав Зимин, доктор политических наук, профессор, Самарский университет, Самара, Россия

«Книга Т. Уэбстер-Дойла “Игры разума” / "Mind Games: To Understanding the Roots of Prejudice and Conflicts or How Learn Live Peacefully" (2021) есть блестящий пример того, как можно наиболее эффективно разрешать конфликты, не отвлекаясь на теоретические размышления. Книга Т. Уэбстера-Дойла небольшая по объему, но очень значимая по содержанию. Автор предлагает настоящую программу для укрощения конфликтов и насилия, которыми наполнена вся история человечества. До сих пор наблюдается явный недостаток исследований универсальных детерминант возникновения и динамики конфликта. Парадоксальная ситуация возникает, когда методы разрешения конфликта изучаются и модифицируются, несмотря на то что его исходные детерминанты не определены точно. Модели укрощения конфликтов, которые тиражируются в социальных науках, практически не решают самой проблемы преодоления насилия в обществе.

Преимущество книги – универсальность. Автор не просто рассматривает проблему конфликта, его составляющие, стороны конфликта, гены конфликта, происшествие и т. д. Он ищет подход, позволяющий по-новому взглянуть на эту проблему и найти способы решения этой проблемы. предотвратить и уничтожить конфликт».

Антон Белкин, доктор психологических наук, руководитель лаборатории кросс-культурной психологии, Цфат, Израиль

«Книга Т. Уэбстер-Дойла “Игры разума: к пониманию природы предрассудков и конфликтов, или как научиться жить в мире” / "Mind Games: To Understanding the Roots of Prejudice and Conflicts or How Learn Live Peacefully" (2021) есть настоящий ключ к миру. В рамках рассмотрения вопросов автор приходит к выводу, что традиционные методы разрешения конфликта (лекарства и психотерапевты, переговоры, дипломатические и политические методы примирения, судебное и военное вмешательство) только “регистрируют уже возникший конфликт и только регулируют отношения между людьми в конфликтной ситуации, и сами по себе они конфликту не препятствуют”.

Перед автором возникает главный вопрос: “сможем ли мы освободиться от этого саморазрушительного генетического наследования или будем и дальше поддаваться инстинктам”? Т. Уэбстер-Дойл призывает думать о том, как укротить насилие и агрессию в обществе и научиться жить в мире. Многие идеи и рекомендации автора очень полезны и заслуживают дальнейшего продвижения. Книгу следует приветствовать и всячески поддерживать, поскольку она дает читателям понимание природы конфликта и показывает, как сделать мир немного лучше».

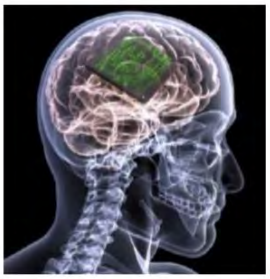
Сергей Фоломеев, кандидат исторических наук, доцент, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

«Я внимательно ознакомился с книгой “Игры разума: к пониманию природы предрассудков и конфликтов, или как научиться жить в мире”/ "Mind Games: To Understanding the Roots of Prejudice and Conflicts or How Learn Live Peacefully". Я почерпнул в этой книге много нового и полезного. Книга хорошо структурирована. Особенно значимым в книге является обоснование так называемого обусловленного мышления. Человек с рождения находится под его воздействием. Принцип деятельности обусловленного мышления позволяет понять откуда берутся предрассудки и конфликты. Только через понимание обусловленного мышления мы обретаем шанс не стать жертвами конфликтов и насилия. Книга Т. Уэбстер-Дойла “Игры разума” – это не просто полезное издание, но и прежде всего диалог автора с читателем. Автор с помощью вопросов и своих суждений побуждает читателя самостоятельно мыслить и принимать решения. И этим книга бесконечно ценна. Стоит также отметить ключевую мысль автора о том, что несмотря на наши различия, мы все одинаковы по своей природе. Мир – это мы и мы – это мир. И это делает нас ответственными за мир, в котором мы живём».

Александр Сошников, кандидат педагогических наук, доцент, Самарский государственный институт культуры, Самара, Россия

«Я была впечатлена, прочитав три книги д-ра Терренса Уэбстер-Дойла “Игры разума” / "Mind Games: To Understanding the Roots of Prejudice and Conflicts or How Learn Live Peacefully", “Мир: что ему мешает?” / "Peace: What Prevents It? " и “Мир: что его создаёт” / "Peace: What Creates It?". Книги помогают понять, как сделать мир лучше, без войн, насилия и конфликтов. Книги рассказывают о предрассудках обусловленного мышления, которые мешают нам понимать друг друга. Книги учат жить в мире и тому, как добро может победить зло. Без понимания, нет счастья и мира».

Юлия Копылова, студентка, Самарский государственный институт культуры, Самара, Россия



Are We Born Hardwired for War?

Peace – What Prevents It?

Peace – What Creates It?

Complete Peace Trilogy

Научное издание

Терренс Уэбстер-Дойл

Мир:
что ему мешает,
что его создаёт и как его добиться.
Как научиться жить мирно без предрассудков и конфликтов.

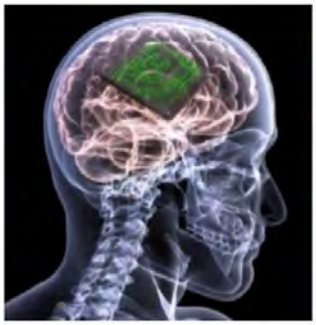
Корректор: Л.В. Кузьмина

Вёрстка: А.И. Львов
Художественное оформление: В.И. Иванов

Подписано в печать 12.05.2021
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объём 18,7 усл. п.л.
Тираж 1000 экз.

ООО «Самарама»
443087, Самара, ул. Стара-Загора, 167

Отпечатано в типографии ООО «Прайм»
г. Самара, Байкальский переулок, 12

Для заметок / For notes

Предлагаемая вниманию читателю книга есть полная трилогия, состоящая из трёх раннее изданных брошюр по миротворчеству. Этот текст, включает три основные части и является самым важным для меня из всего того, что я когда-либо написал. Как мне представляется, в нём уделяется предельно конкретное и ясное внимание корневым причинам конфликта, сосредоточенных в сознании человека, его мозге. Учитывая природу и биологическую эволюцию человека, – эта гипотеза видится мне вполне логичной и обоснованной. Нескончаемое теоретизирование в изучении причин возникновения конфликта, как показывает опыт, мало приносит пользы. Что остаётся всякий раз незамеченным – это то, что конфликт – не проблема, которую нужно решить, но специфика нашего восприятия себя и друг друга в мире. Конфликт есть реальность, которую нам следует изучить и понять. Парадокс состоит в том, что мысль пытается решить проблемы, которые она часто сама и создает. В своей книге я пытаюсь показать, что мир не может держаться на силе, он держится только на понимании и основанном на этом понимании нашем конкретном и ответственном участии, здесь и сейчас.